

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2010
СЕНТЯБРЬ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ОКТЯБРЬ •

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

СТАТЬИ

<i>Шемякин А.Л.</i> (Москва). Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX – начало XX века)	3
<i>Маткович С.</i> (Загреб). Хорватские политические партии и идея модернизации в начале XX века	16
<i>Романенко С.А.</i> (Москва). Монархия Габсбургов и Хорватия начала XX века глазами писателя Мирослава Крлежи	23
<i>Гибианский Л.Я.</i> (Москва). Военный переворот в Югославии 27 марта 1941 года: общественные устремления и внешнеполитические условия	36
<i>Кимура К.</i> (Токио). Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 годы	53
<i>Левочская А.С.</i> (Москва). «Сáг» и «Kráľy»: размышления Юрия Крижанича о монарших титулах	65
<i>Пилипенко Г.П.</i> (Москва). Особенности усвоения сербского языка воеводинскими венграми	73

ДИСКУССИЯ

<i>Терзич С.</i> (Белград). История Сербии с гневом и пристрастием	82
--	----

СООБЩЕНИЯ

<i>Буркут И.Г.</i> (Черновцы). Русины Бачки, Срема и Славонии: опыт сохранения этнической самобытности (середина XVIII века – 1918 год)	97
<i>Хартанович М.В.</i> (Санкт-Петербург). К истории черногорской коллекции из собраний музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН	104

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Косик В.И.</i> В. Штрандман. Балканске успомене	107
<i>Ямбаев М.Л.</i> Д.О. Лабаури. Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: Идеология, программа, практика политической борьбы	110
<i>Герд Л.А.</i> Ю. Константинова. Балканската политика на Гърция в края на XIX и началото на XX век	115
<i>Ямбаев М.Л.</i> Э. Бордато, М. Талалай. Под чужим небосводом	117

<i>Калнынь Л.Э.</i> Круглый стол «Особенности сосуществования диалектной и кодифицированной форм языка в славяноязычной среде».....	120
<i>Романова А.А.</i> Переходы. Перемены. Превращения. А. ван Геннеп и проблемы современной балканистики.....	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зак. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2010 г.
© Редколлегия журнала “Славяноведение”
(составитель), 2010 г.

© 2010 г. А. Л. ШЕМЯКИН

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
В СЕРБИИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ
(последняя треть XIX – начало XX века)

В статье с привлечением материалов русских путешественников анализируются особенности политического процесса в независимой Сербии, сохранившей устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, определявшие деформированный и неорганичный характер модернизации «по-сербски».

The features of political process in independent Serbia which maintained stable structures and stereotypes of traditional society that had determined strained and the artificial character of Serbian modernization are analyzed in the article involving notes of Russian travelers.

Ключевые слова: Сербия, модернизация, политические партии, политическая культура, русские путешественники

В одной из ранее опубликованных статей [1] автор при изучении специфики модернизационных процессов в Сербии реконструировал социокультурный контекст, в котором они развивались. Воссоздание социальных условий «модернизации по-сербски» (с привлечением наблюдений наших соотечественников) позволило прийти к выводу, что «реальная жизнь в Сербии в последней трети XIX – начале XX в. далеко не соответствовала тем формам, в какие ее пытаются облечь многие сербские историки – в желании представить свою родину сложившимся “современным государством”» [1. С. 30]. Это был первый шаг.

В данной статье мы предполагаем перейти ко второму этапу своего рода *двухфазового принципа*, использованного в исследовании, полагая, что показ конкретных «особенностей политического процесса» в Сербии в указанный период, тесно связанных с конкретной социальной реальностью, поможет глубже обосновать данное заключение, – тем более, что в национальной историографии по-прежнему звучат утверждения, будто по обретении независимости (1878) «сербское общество политически созрело и включилось в политическую борьбу» [2. С. 129], соответственно, принятие конституции 1888 г. – это «начало движения Сербии к чистой парламентской системе» [3. С. 282], в результате чего, после Майского переворота 1903 г., в ней «была почти воплощена британская двухпартийная модель демократии» [4. С. 188].

Шемякин Андрей Леонидович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИСл РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Социальные конфликты и общественное сознание переходных эпох».

Подобные выводы диктует *институциональный подход* к исследованию, хорошо освоенный в литературе, но «не способный объяснить, почему одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах действуют порой совершенно по-разному» [5. С. 325]. Для преодоления *ограниченности* такого подхода явно не обойтись без привлечения методов и инструментария быстро обновляющегося социокультурного знания – в настоящем случае речь идет об обращении к исследованию «политической культуры» сербской элиты, что кажется крайне важным, ибо, опираясь на изучение типа разделяемых людьми ценностей, локальных представлений, содержания символов и стереотипов, прочих аналогичных явлений из сферы *человеческой ментальности*, оно дает возможность проникнуть в мотивацию политического поведения граждан, партий и институтов, выявить истоки множества конфликтов, которые невозможно объяснить традиционными для политики причинами: борьбой за власть, распределением ресурсов и т.д. Таким образом, познание «политической культуры» в сербском контексте может помочь разобраться в степени «европейскости» страны, совсем недавно (по меркам исторического времени) начавшей выходить из сферы оттоманской цивилизации, – тем более что именно ее уровень и определял специфику политической жизни в Сербии.

Рассматривать эту категорию мы будем, используя *рукописное* наследие русских путешественников: их зоркий глаз и ранее помогал за фасадом европейских новаций обнаружить устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, определявшие поведение не только простого селяка, но и значительной части сербской элиты, что показывает деформированный и неорганичный характер модернизации «по-сербски». Добавим, что на сей раз перед нами – не опубликованные ранее материалы: «для личного пользования» (в дневниках), или же «между нами» (в письмах). А потому и приводимые в них данные, и высказываемые суждения – более объективны и откровенны (чем выраженные печатно), лишены внутреннего отбора и самоцензуры.

Особенно это касается частных записок (писем) людей, наблюдавших Сербию и сербов не проездом, а в течение длительного времени, т.е. непосредственно на месте. Значение таких материалов для нашей темы трудно переоценить. Разницу в достоверности оценок двух категорий очевидцев наглядно показал французский историк Альбер Мале, исполнявший в 1892–1894 гг. обязанности наставника короля Александра Обреновича: «Внешний лак цивилизации – это то, что свидетельствует в пользу сербов и вводит в заблуждение проезжего иностранца. Лак цивилизации, треснувший в тысяче мест, – это то, что открывается человеку, имеющему возможность рассматривать все не спеша и в деталях, и что делает из него врага первоначального ложного образа» [6. С. 204].

К счастью, и среди русских имеются такие «долгожители». Наши размышления во многом будут опираться на рукописное наследие П.А. Кулаковского – видного русского слависта, в течение четырех лет занимавшего кафедру русского языка и литературы в белградской Великой школе, причем в одну из самых переломных эпох в истории Сербии – сразу же по получении страной независимости (1878–1882). К немалой радости исследователей, личный фонд ученого не утрачен, и, кроме того, в многочисленных архивах (Москвы, Санкт-Петербурга, Киева) сохранилась его корреспонденция из Белграда.

Естественно, что Кулаковский придерживался вполне определенного взгляда на славянство, характерного для определенной части русского общества, «выражавшегося прессой и публицистикой умеренного и консервативного направлений» [7. С. 111; 8. С. 725–748]. И это надо учитывать. Однако, более важно другое – он не был *идеалистом* в отношении сербов: «С первого же знакомства с сербами я почувствовал тот грех, какой сотворили наши славянолюбцы, забо-

тившиеся всегда тщательно окрасить некрасивое в славянах перед русскими» [9. Ф. 572. Д. 1 Л. 1об.]. С другой стороны, профессиональный славист и славянофил по убеждениям, Кулаковский стремился к достоверности, не скрывая при этом симпатий к сербскому народу и живо переживая ошибки, допущенные его элитой: «Мне иногда бывает в душе тяжело за самих сербов» [10. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 4], ибо «грустную картину являет собой Сербия. Нет сомнения, что здравый смысл и инстинкт умного сербского народа спасет страну, но дело едва ли обойдется без революции и крови (словно в воду глядел. – А.Ш.¹) – уже слишком много зла посеяно в этой земле европействующей интеллигенцией. Мне искренно и глубоко жаль Сербии и этого народа» [11. Ф. 156. Кар. 5. Д. 71. Л. 29–29об.]. Такое неравнодушие дополнилось у него справедливой критикой политики своей страны – «Плана у нас нет, цели не осознаны, не определены: в этом беда. Австрия берет нахальством и дерзостью, России помогает лишь народная вера в нее – вера, скажу прямо, которой мы, пожалуй, недостойны» [10. Ф. 14. Д. 191. Л. 9]. В общем, резюмировал ученый, «пробыл здесь я 4 года, много видел и много испытал на себе, и перечувствовал» [10. Ф. 377. Д. 833. Л. 2]. Сербия для него – страна, «на которую досадуешь и которую в то же время жалеешь» [10. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 6]. И никак не разорваться!

Как видим, взгляд Кулаковского на Сербию и сербов принципиально различался от соответствующего «взора» европейцев, в основе которого (за редким исключением) лежала имманентно присущая Западу «презумпция цивилизационного превосходства» [12. С. 45], примерами чего пестрят страницы их многочисленных путевых заметок...

Ну, а теперь, после столь затянувшегося введения, обратимся непосредственно к специфике политического процесса у сербов.

В 1882 г., путешествуя по Сербии, русский славист К.Я. Грот вынес о ее столице ясное впечатление: «Совершенный характер уездного городишки; и хотя мне о том уже рассказывали, но действительность превзошла все ожидания. Отсутствие тротуаров и порядочных мостовых, грязь и бедность построек, как и патриархальность во всем – все это приближает Белград к городам Востока, отчасти нашего славяно-русского, отчасти турецко-азиатского» [13. Ф. 281. Оп. 1. Д. 176. Л. 28об.]². Тридцать лет спустя, по пути из Вены на Балканскую войну, Л.Д. Троцкий также заметил, что, «хотя от Будапешта до Белграда железнодорожная лента тянется преимущественно в южном направлении, но культурно вы передвигаетесь на восток» [14. Ф. 325. Оп. 1. Д. 165. Л. 10].

Таков был общекультурный фон, на котором шло развитие независимой Сербии, и делались начальные шаги по ее модернизации (европеизации).

В политической сфере шаги эти ассоциировались с основанием в 1881 г. первых политических партий³ – причём в Сербии они оформились всего на *четыре года* позже, чем в Англии (см.: [15]). И уже сам факт данных новаций дает ряду сербских историков основание считать, что на рубеже веков страна «вплотную приблизилась к европейским образцам» [16. С. 137]. Значит, если введена многопартийность, а межпартийная борьба бьет ключом, это – *почти* Европа. Именно такие выводы диктует институциональный подход.

¹ Данное письмо Кулаковского (В.В. Макушеву) датировано 6 июля 1882 г., а в октябре 1883 г. в Сербии вспыхнуло Тимокское восстание, жестоко подавленное королевскими войсками.

² Сами сербы, естественно, так не считали. П.А. Кулаковский, прибыв в Белград в конце 1878 г., не без иронии отметил в дневнике: «Как у каждого маленького народца, только что добывшего себе право на самостоятельную жизнь, у сербов полный восторг своим. Даже мостовые в Белграде – отвратительные и грязные, – по мнению сербов, лучше петербургских. Но такое любовное отношение ко всему своему – вполне естественно» [9. Ф. 572. Д. 1. Л. 1об.–2].

³ В 1881 г. в Сербии были образованы Народная радикальная, Напредняцкая (прогрессистская) и Народная либеральная партии.

Но почему-то П.А. Кулаковский – очевидец событий – так совсем не считал. И в письме к И.С. Аксакову заметил скептически: «Надобно признаться, что эта внутренняя борьба, по моему мнению, служит помехой для развития Сербии, не так, как это бывает в Западной Европе; но сами сербы этого не признают и, напротив, в этом стремлении разбиться на партии видят признаки своего роста сравнительно с другими странами» [10. Ф. 14. Д. 189. Л. 3об.]. Действительно, по словам британской путешественницы Мэри Дэрам, Сербия «всячески стремится предстать в глазах Европы в лучшем виде» [17. С. 128] – страной с тем же «набором» институтов, ценностей, идей.

Однако институционально имитировать Европу автоматически не значит – быть ею, о чем уже не раз упоминалось. И именно в сфере политической культуры нагляднее всего проявляется это принципиальное несоответствие формы и сути, которое на заре сербской независимости обнаружил проницательный Кулаковский. С ним соглашались и редкие сербы, сохранившие холодность разума в период разгула партийных страстей – «Партии у нас не имеют того значения, какое они имеют в других странах». И далее: «Ни одна партия не придерживалась своей программы, но всякая стремится сохранить формы и законы современного государства» [18. С. 245, 297]. А болгарский политик Стефан Бобчев даже возвел наблюдение Кулаковского в универсальный балканский принцип: «Партии возникают вскоре после освобождения балканских народов, хотя и не было еще никаких предпосылок для их существования» [19. С. 26].

Крайне немногочисленная сербская элита, разделившись на партии, воспринимала свою роль как *миссию*, и это окрашивало политический процесс в весьма специфические тона. Каждая партия (а особенно этим «грешили» радикалы, всерьез отождествлявшие себя со всем сербским народом) воспринимала себя как спасительницу Сербии, относясь к «другому» не как к политическому оппоненту, но как к непримиримому врагу. Соответственно, и политику ее лидеры понимали не как способ амортизации общественных противоречий (с лежащим в его основе компромиссом), но как постоянную и беспощадную борьбу с теми, кто не разделял их позиций. Именно поэтому в эпоху последних Обреновичей межпартийная борьба приобрела столь жестокий характер, а коалиционных кабинетов практически не существовало [20. С. 67–73].

Но как объяснить наличие такого жесткого антагонизма, доходившего, порой, до открытых и массовых зверств?

Уже не раз отмечалось, что в основе внутреннего столкновения в Сербии лежал идеологический конфликт, крайне обострившийся после обретения независимости. Он выражался в дихотомии: «либеральная идея и традиция» (см.: [21]), органично перекликаясь со знаменитым русским спором *западников* и *славянофилов* [22. С. 393].

Предпринятая в начале 1880-х годов напредняцким кабинетом Милана Пирочанца попытка прищипить развитие страны (или, как выразился Кулаковский, – «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские» [23. С. 275]) по сути захлебнулась, приведя к острому кризису, завершившемуся в 1889 г. отречением короля Милана Обреновича. «Инстинкты массы, – указывал современник, – все больше восставали против модернизации государства» [24. С. 70]. Сумев уловить их, артикулировать и трансформировать в форму широкого политического движения, традиционалисты-радикалы⁴ смели горстку реформаторов. Строя свою *охранительную* доктрину на базе прочно укорененной в народном сознании патриархальности, они и выразили негативное

⁴ Лидер Радикальной партии Никола Пашич писал в конце 1880-х годов: «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичится иностранцы» [25. Пашићеве хартије. Бр. 14615–I–27].

отношение крестьянства к структурным изменениям общества и государства, которые могли нарушить самодостаточное равновесие его традиционного бытия в системе аграрного статичного мира. Йован Цвиич удивительно тонко заметил, что «сербский радикализм – явление настолько же этнопсихологическое, насколько и политическое» [26. С. 64].

Вторая причина того, что политическая культура в Сербии оставалась на уровне *предмодерности*, также была связана с патриархальностью – этим основным качеством сербского социума рубежа двух столетий. В условиях, когда «местечковая» лояльность превалировала над общегражданской (П.А. Кулаковский по обыкновению точен и емко: «Сербы Княжества даже не выросли далее шумадинства и не доросли до сербства» [9. Ф. 572. Д. 1. Л. 11])⁵, а «патриархальные личные связи и равенство между людьми еще не успели замениться безличными отношениями, какие порождает индустриализация» (по верной дефиниции британского очевидца в 1918 г.) [27. С. 271], политическая партия воспринималась как семья, *partegenossen* – как братья, а партийный лидер – как отец.

По словам Светомира Николаевича, одного из вождей радикалов, позднее от них отошедшего, «беря пример с русских революционеров, они мнили себя одной большой семьей. Партийное кумовство и побратимство единственно что не вошло в программу партии» [28. С. 14]. И потому важнейшим символом для них всегда и везде оставался *дом* – в идеологии, организации, внутрипартийном этосе⁶.

Либеральная же верхушка (массовой базы либералы не имели) была переплетена реально родственными узами. Йован Ристич, Радивое Милойкович, Филипп Христич: через своих жен – родных сестер и дочерей знаменитого «миллионщика» Хаджи-Томы. Йован Белимаркович приходился дядюшкой по матери Йовану Авакумовичу, причем оба принадлежали к не менее знаменитому клану Бабадудичей. На сестре последнего был женат Алимпие Васильевич. А восходящая «звезда» партии Джордже Генчич звал Ристича «отчимом» – его отец и вождь либералов были побратимы со времен юности. Эти примеры либеральной «семейственности» можно множить и далее.

Любопытно в данной связи напомнить еще об одной детали: местами сбора (или клубами) отдельных партий были особые «партийные» кафаны, порог которых не смел переступить никто иной. Бывало, что чужих изгоняли пинками. Радикалы обыкновенно заседали в «Бульваре» и в «Москве», напредняки – в престижном «Гранде»; штабом либералов был «Золотой крест», а отколовшихся от Николы Пашича младорадикалов – «Касина» [30. С. 275–277].

Столь «родственные» отношения внутри партий и непроницаемые перегородки, воздвигавшиеся между ними, накладывали отпечаток на *приватность* политиков – и по жизни однопартийцы «варились» в собственном соку. Кулаковский отмечал, что «люди здесь живут все какими-то мелкими партиями и считаются друг с другом лишь только на основании принадлежности к той или другой партии» [13. Ф. 281. Оп. 2. Д. 249. Л. 4]. Представить себе что-то похожее на житейскую приязнь к политическому противнику в Сербии было нелегко – слишком еще далеко отстояла она от европейской практики, когда, по словам У. Черчилля (применительно к Англии), «самые острые политические разногласия подчас не мешают поддержанию личных дружеских отношений» [31. С. 79]. Нет – «у нас

⁵ Во время Тимокского восстания (октябрь 1883 г.) часть повстанцев во главе с Ацей Станоевичем – уроженцем Восточной Сербии – предполагала даже провозгласить особую Тимокскую республику.

⁶ Показательно определение государства, которое в 1881 г. дал Никола Пашич: «Конституционное государство – это народный дом, который строится и развивается на основе братского договора» [29. С. 95].

обо всем судят с партийной точки зрения, и партийные противоречия переходят в личную вражду» [32. С. 118–119].

Все это придавало межпартийной борьбе характер семейных склок, наполняя ее излишними эмоциями и страстями. Тем самым опрощалось, становясь предельно «фамильярным», и отношение к государству – само его понятие переходило из сферы сакральной в область почти обыденной жизни. И в результате, находившиеся у власти партии смешивали нередко общий и частный интерес. Государство, таким образом, становилось средством реализации партийных, а кое-где личных амбиций: «Индивидуальная польза отдельных людей нередко ставится выше государственных и общих интересов» [18. С. 176]⁷. В таких условиях компромисс был невозможен. Поэтому и сама политика, повторим, воспринималась многими не как способ «рационализации конфликта», но как «война всех против всех». И в результате такого подхода постоянные столкновения мнений (разница между ними была зачастую не принципиальной!), а также хаос и нестабильность стали характерными чертами политического процесса в Сербии. В рамках его *авторитарная* политическая культура, сопровождавшаяся насилием, не имела возможности эволюционировать и дорости до высот толерантности; соответственно, – идея о безконфликтном решении проблем была обречена на невостребованность [33. С. 130].

В одной неподписанной сербской рукописи начала XX в. автор охарактеризовал эти «особенности» политического процесса в виде чеканной формулы: «Партизанский дух⁸ есть отличие нашей расы. Я сомневаюсь, что когда-нибудь политические страсти обретут у нас более мягкие формы. Партизанство – это наша культура, оно питает наш дух. А сектанство и интригантство – составные части нашей политической морали. Ни одна из партий не руководствуется принципами, заложенными в ее программе; личные интересы доминируют в политической жизни» [25. Заоставщина Милана Живановића. Бр. 14434/719. С. 2–3].

И русские очевидцы констатировали этот *партикуляризм* мотиваций, лежавший в основе сербской политической жизни. В.И. Ламанский, находясь в 1863 г. в Белграде, наблюдал, как чиновники в противостоянии с начальством «обыкновенно вносят свои личные и семейные, чиновничьи же, а не чисто-земские интересы» [23. С. 28]. В начале 1880-х годов Кулаковский также подчеркивал, что «конституционная борьба партий переходит то и дело в личные инсинуации» [10. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 4], проистекая «не из разницы воззрений и идей, а из чисто личных эгоистических счетов отдельных деятелей» [10. Ф. 621. Д. 460. Л. 5об.]. В 1899 г. К.Ф. Радченко с сожалением указывал на «отсутствие всякого единодушия в вопросах, касающихся самых важных сторон народной и государственной жизни» [10. Ф. 818. Д. 275. Л. 10об.].

Резюмируем: когда общественная дисциплина, да и весь *политический процесс*, базируются на личностных, а не на формальных принципах, то чувство долга к своему ближнему кругу (родственников, земляков, друзей), как того требовал старый *обычай*, проявляется у его участников заметно сильнее, чем общегражданская ответственность, закрепленная *законом*. Это мы и наблюдаем у сербов на рубеже веков. Соответственно, «другой» в их глазах представлял не как представитель *своего* сообщества, думающий по-иному, но как «чужак», отношение к которому было соответствующим. Что ж! Как заметил в 1912 г. Йован Жуйович –

⁷ Кулаковский отмечал: «Министерство Пирочанца привело Сербию к дезорганизации, когда все интересы государства отождествлены с интересами властвующей партии, ослепленной своей временной силой и спешащей насладиться случайно попавшей в ее руки властью» [23. С. 272].... Данный принцип «отождествления» был типичен для *всех* субъектов политического процесса в Сербии.

⁸ От слова «партизан» (*сербск. разговорн.*) – страстный приверженец какой-либо партии.

академик и министр, – «даже у интеллигенции не всегда присутствуют основные понятия о государственной организации» [34. С. 226].

Наглядным подтверждением такого диагноза являлась практика «приватизации» государственного и местных аппаратов победившей партией, невзирая на неготовность ее кандидатов. Чиновничьи должности с *гарантированным* жалованием понимались ею как трофеи, захваченные в политическом сражении и подлежащие разделу среди своих, служа своего рода сатисфакцией за принесенные в оппозиции «жертвы». Кулаковский констатировал: «Всюду по местам государственным рассажены приверженцы кабинета без справок об их пригодности [...] Теперь правительстве ловкими мерами мало-помалу захватывает и все общинные выборные должности для своих сторонников» [9. Ф. 572. Д. 44. Л. 27об.].

Следствием этого было крайне низкое «качество» чиновничества⁹, а зачастую и министров. Панта Сречкович – крупный деятель Либеральной партии – в послании Н.Г. Гартвигу открыто указывал, что чиновники набирались почти что с улицы¹⁰ (были бы *свои*): «На упреки новому министру внутренних дел г-ну Рибарцу, зачем он увольняет подобных чиновников, он отвечал: “Я никого не гоню, а только каждого возвращаю к его ремеслу. Кто был мясником, пускай снова им будет. Кто был сапожником, пускай снова тем же занимается”» [35. Ф. 340. Оп. 584. Д. 32. Л. 3об.]. Конечно, Стоян Рибарац – влиятельный член либерального правительства в 1892–1893 гг. – пышет здесь злобой на предшественников-радикалов, отчего эти его слова и столь «метафоричны», но базовый принцип кадровой политики *всех* сербских партий при формировании ими кабинетов передан в них предельно точно. Главное – не степень профессиональной готовности и наличие опыта, главное – чтобы «свой»... Все в русле той же, хорошо нам знакомой, традиции «личной (или локальной) лояльности».

Отсюда же – и различие в восприятии *права* и *справедливости*, присущее сербам, которые, «часто считают несправедным даже точное исполнение закона, поскольку оно не учитывает конкретные обстоятельства во всяком отдельном случае» [36. С. 43]. Формальная процедура в их разумении убивала человечность.

Но это, с одной стороны. С другой – в самом таком подходе сквозило отрицание права, *как такового*. Король Александр в разговоре со своим учителем-французом дал ему «справедливый» совет (а тот желал вести себя в Сербии в духе местных обычаев и традиций): «Если Вы хотите уважать здешние привычки и обычаи, то в первую очередь надобно нарушать закон!» [5. С. 197]. В легенду вошла реплика в скупщине либерального министра Якова Туцаковича в ответ на хвалу оппозицией Англии, английских законов и Гладстона: «Какие вы сами англичане, такой я вам и Гладстон, и такие же должны быть у нас законы» (цит. по [37. С. 266]). А Кулаковский писал о напредняках: «Правительство нарушает законы явно и смело, употребляет незаконные средства, лишь бы достигнуть цели» [10. Ф. 14. Д. 191. Л. 7]. Правовое сознание, как видим, лежащее в основе европейской политической культуры, в Сербии не сложилось – ни у народа (что естественно в традиционном обществе¹¹), ни у элиты (также весьма подвер-

⁹ По данному поводу Никола Крстич с горечью писал: «Удивительно, насколько же дерзки наши люди! Никто нимало не стесняется принять какую угодно должность; ему и в голову не приходит, что он не обладает ни знаниями, ни способностями, необходимыми для ее исполнения. Причина этому явлению лежит в том, что и ранее все места занимали люди, абсолютно к тому не готовые. Но каждый рассуждал: “Если кто-то может, то почему и я бы не смог”» [32. С. 105].

¹⁰ «С улицы» – совсем не метафора автора. Тот же Н. Крстич описал, как именно «с улицы», по его выражению, набирались не только чиновники, но даже министры [18. С. 299].

¹¹ Отсутствие правовой культуры – явление *типичное* для традиционного общества. И в России существенной чертой крестьянского менталитета было «превознесение обычая над законом»: «В народной традиции сквозь века прошло пренебрежение к закону» [38. С. 73–74]. В народном представлении закон «был явлением, подобным грозной природной стихии, он также непонятен и в то же время постоянно угрожает какими-то бедствиями. И при всем этом закон есть то, чем вполне

женной стереотипам традиционного мышления), ни у суверена (см. [40]), хотя в стране уже функционировало *номинально* европейское политическое пространство – с партиями, конституцией, представительством. Что и говорить, если даже Народная скупщина «не стесняется противопоставить праву, т.е. решениям суда, физическую силу» [18. С. 94].

Никола Крстич «синтезировал» в дневнике современный ему уровень правового сознания сербов, увязав его с понятием *свободы*, которой те всегда страшно гордились. Итак: «Где законы так сильно искажаются и не уважаются, там нет и смысла заводить новые институции, ибо они также не будут уважаться. Самая главная наша потребность – это добиться того, чтобы и правительство, и граждане уважали законы; и чтобы оные исполнялись так, как прописаны, – без искажения их значения. Но много еще времени пройдет, пока у нас станут понимать, что первейшее условие обеспечения свободы есть самое строгое исполнение законов. Где законы не пользуются уважением, там свобода не имеет никаких гарантий» [18. С. 273].

Потому-то и конфликты, увы, слишком частые в истории независимой Сербии, решались не в рамках юридических процедур, а в лобовых столкновениях, – отчего и были столь «популярны» политические убийства. Вспомним хотя бы расстрел Еврема Марковича, весьма «странную» смерть в тюрьме его супруги Илки и Елены Кничанин, ликвидацию лидера антизаговорщического движения в армии капитана Новаковича и Салоникский процесс, по приговору которого на основании явно сфабрикованных улик был расстрелян бывший глава майских заговорщиков полковник Драгутин Димитриевич-Апис. Какая судьба!.. Человек, преступивший закон и уничтоживший последних Обреновичей, сам пал затем от руки несправедливой власти.

Как видим, *насилие* в различных проявлениях (причем – и «сверху», и «снизу») являлось важнейшим фактором политического развития Сербии¹²...

И еще одно объяснение столь своеобразной культуры участников политического процесса в Сербии. Оно тесно связано с особенностями менталитета сербов. Как известно, многовековые конфликты с Турцией привели к формированию у них *конфронтационного сознания*, и это во многом определило специфику внутренней жизни. В условиях незавершенности процесса «освобождения и объединения» (что для той же Радикальной партии всегда оставалось задачей первейшей, особенно после появления в 1878 г. на сербской границе Австро-Венгрии – нового врага, «сменившего» турок и водворившегося в Боснии и Герцеговине), оно органично экстраполировалось и на отношение к «другому» внутри страны. Потому и рассматривали соратники Пашича напредняков – сторонников модернизации и проводников *проавстрийского* курса – как своего рода новых Бранковичей, или же «внутренних турок». Им радикалы отказывали даже в праве на патриотизм. «Люди, которые довели Сербию до Сливницы¹³, – твердил в 1891 г. Н. Пашич, – не смеют упоминать о национальной политике, о сербском освобождении и достоинстве Сербского королевства» [29. С. 333].

Но год спустя газета «Отпор» («Соппротивление») назвала уже его самого, к тому времени ставшего премьером, «лжецом, клеветником и изменником родины», закончив столь привычным для сербской политической практики призывом: «Вздернуть Николу Пашича!» [41. С. 168–170]. А накануне выборов 1905 г.

овладело начальство, что оно поставило себе на службу и использует для притеснения бедного крестьянина. Именно поэтому русское народное правосознание связывало с законом не правопорядок и правосудие, а скорее злоупотребление властью и неправый суд. И соответственно не уважало закон» [39. С. 153–154].

¹² В книге Л. Перович целый раздел так и назван: «Насилие как константа» [22. С. 384–420].

¹³ В ноябре 1885 г. вторгшаяся в пределы Болгарии сербская армия потерпела у деревни Сливница сокрушительное поражение.

Коста Кумануди писал Милану Ракичу о том, что орган независимых радикалов «Одьек» («Эхо») и старорадикальная «Самоуправа» («Самоуправление») ¹⁴, «с кровавой пеной у рта бросают друг другу одни и те же обвинения, из которых наиболее мягкое – “предательство” и “служба интересам Австрии”» (цит. по [42. С. 115–116]). Примеров подобных «дискуссий» можно привести множество.

Жесткость характеристик (как выражение степени политического антагонизма) в данных высказываниях не вызывает удивления – всего за сорок с небольшим лет (1875–1918) Сербия пережила шесть войн и два восстания. И, соответственно, мир для ее граждан (не важно, внешний или внутренний) был по-прежнему окрашен в *черно-белые* тона: свои – чужие. Оттого в «диалоге» политических сил и присутствуют постоянные взаимные обвинения в «измене родине» (читай – «национальным идеалам»)… Владан Джорджевич заметил в этой связи: «Тяжела была судьба ответственных политиков в семидесятые – девяностые годы XIX в. Страна тогда раздиралась борьбой вошедших в кровавый клинч нескольких партий; при этом каждая из них полагала, что именно она есть хранительница сербского патриотизма» [43. Бр. М. 14.045]. После майских событий 1903 г. число «хранителей» увеличилось – с претензией на патриотическую монополию выступили офицеры-заговорщики.

Таким образом, национальные, или *внешние*, акценты (за редким исключением) превалировали в сознании сербской элиты над мыслями о необходимости *внутреннего* развития государства. Поиски путей решения задачи «освобождения и объединения» отвлекали у нее слишком много средств и внимания, отодвигая проблему гармонизации отношений между государством и обществом, как и внутри самого общества, на второй план и придавая процессу модернизации страны однобокий и неорганичный характер.

В 1892 г. с немалой дозой самоуверенности первый регент Сербии Йован Ристич внушал Альберу Мале мысль о *диалектике* внешнего и внутреннего факторов, считая что перманентные внутренние проблемы – это мелочь в сравнении с тем, что сербы испытали и через что прошли в своей истории: «Мы имели страшные кризисы, и нынче у нас предвыборный кризис, но мы выкрутимся, и пусть это вас не волнует. Что это по сравнению с прошлым?» – спросил он и гордо добавил: «Мы – это те, кто дали знак для борьбы на независимость на всех Балканах. Греция последовала нашему примеру через двадцать лет; болгар же вообще только русские освободили. Пятнадцать лет тому назад целая империя стояла против нас [...] Именно мы приняли на себя весь удар. Эта империя черпала свои резервы с трех континентов – из Европы, Азии и Африки. Это были такие люди – гвардия, я их видел [...] Но мы все равно все пережили! Что сегодняшний кризис? Делайте спокойно свою работу» [5. С. 74–75].

Несмотря на хвастливый тон Ристича (насколько прав Кулаковский: «Пройдут года, и начнется сербская похвальба» [10. Ф. 14. Д. 189. Л. 20об.], – о русских добровольцах и их жертвах регент и не вспомнил), его «лекция» гостю весьма показательна. С одной стороны, в ней четко выражена мысль, что только *внешнее* заслуживает внимания, ну, а *внутреннее* – как-нибудь само рассосется. А с другой – это самомнение и выпячивание своего первенства («самохвальство и исключительность сербская» [10. Ф. 451. Оп. 1. Д. 277. Л. 8]), – так их окрестил Кулаковский) сформировало у сербов систему мышления, в основе которой, как говорил в типологически схожей ситуации Ю.М. Лотман, лежало желание «осуществить на практике неосуществимый идеал» (в отличие от той, что «стремится

¹⁴ В 1904 г. Народная радикальная партия разделилась на «старорадикалов» (сохранивших прежнее партийное название) и независимых радикалов (*сербск.* Самостална радикална странка – поэтому членов партии называли самостальцами).

приспособить идеал к реальности») [44. С. 142]. Перед такими внешними *миражами* меркли рутинные задачи внутренней перестройки.

Острый русский взор давно отметил эту диалектику. П.А. Ровинский еще в 1868 г. назвал «самодовольство» одной из характерных черт сербского характера [23. С. 56]. А П.А. Кулаковский в письме Ап.А. Майкову подчеркивал: «Царство Душана не дает сербам спать» – недавно где-то я читал, и это правда: не было бы вредно, если бы этим историческим воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им неподходящую, [...] заставляет больше мечтать и меньше делать. Это печально в государстве, которое находится в таком трудном положении, как Сербия, которое должно прежде всего воспитывать характеры деловые и людей, работающих здраво и аккуратно» [10. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 8–8об.]. Тот же мотив – и в послании К.Ф. Радченко Т.Д. Флоринскому: «Сербь Королевства вместо того, чтобы обратить внимание на свои внутренние дела, пытаются вести внешнюю политику», являющуюся «повторением рокового стремления Душана на восток» [10. Ф. 818. Д. 275. Л. 11]¹⁵.

Ровинский писал, что страна «производит впечатление какого-то полувоенного лагеря», что все в ней «временное, неустановившееся, все в каком-то ожидании чего-то, что вся она живет *накануне*, вся в каком-то воинственном настроении» [23. С. 109]. В результате – «во имя постоянно грозящей войны Сербия жертвует своими истинно человеческими интересами», ибо «на такой почве трудно ожидать, чтоб могли пустить глубокие корни гуманизм и гражданственность» [23. С. 74–75]. Сорок пять лет спустя В.Н. Штрандтман вспоминал: «Сербь говорили мне, что они живут от сегодня до завтра, под давлением возможного нападения соседки. И когда я спрашивал их, почему Белград настолько непрезентабелен – в сравнении с болгарской столицей, они отвечали, что нет смысла строить большие дома, ибо неприятель рано или поздно все равно их разрушит» [46. С. 124]. А в начале 1914 г. оказавшийся в сербской столице Г.В. Комаров зафиксировал: «Белград делает сейчас заем в 40 миллионов франков, из которых 20 предназначено на постройку общественных зданий», но «многие находят, что для Белграда это расход чрезмерный», утверждая, «что украшать город хорошо, но, что пушки, пожалуй, надежнее. Не лучше ли иметь лишних 20 скорострельных пушек, чем построить один дом» [23. С. 575].

Именно в этом взгляде «на сторону», повторим – основная причина консервации традиционного состояния сербского общества и «один из главных тормозов движения Сербии по пути европеизации и модернизации внутригосударственной жизни» [47. С. 76], что, в свою очередь, обеспечивало устойчивость в ней архаичной политической культуры. *Гражданские* же мотивы звучали у сербских политиков крайне редко. Если мы хотим иметь школы, как в Норвегии, а институции, как в Дании, тогда нам надобно избегать военных расходов, – говорил напредняк Воислав Маринкович, «а если хотим вести какую-то национальную политику, создавая Великую Сербию, тогда мы должны превратить нашу страну в военный лагерь» (цит. по [48. С. 336]). Но такие единичные голоса не имели никакого влияния на политику Сербии в период 1903–1914 гг. – этот «золотой век» сербской демократии и парламентаризма, что является явной натяжкой.

И «военный лагерь» был создан! После аннексии Веней Боснии и Герцеговины в 1908–1909 гг., когда вновь предельно актуализировался национальный (т.е. «внешний») фактор. Она заставила сербов прийти в себя, и в стране началась активная внутренняя работа, результатом которой стало то, что к началу Первой балканской войны (1912 г.) королевство имело сильную и хорошо вооруженную

¹⁵ Легитимность таких наблюдений вполне подтверждают выводы историографии: «Обновление царства Душана являлось идеалом для многих сербских националистов XIX в.» [45. С. 85].

армию, а моральный дух народа был как никогда высок. «Война, которую желали все» [49. С. 75], – назвал вторжение в Турцию современный историк. Плоды оказались впечатляющими: сербские войска выиграли несколько крупных сражений – при Куманово, Битоле и т.д.

Очевидец событий из России И.П. Табурно показал механизм этой неожиданной трансформации пребывавшей в состоянии вечной анархии страны в «единный военный лагерь»: «Подумать, что всего четыре года назад, во время провозглашения Австрией аннексии Боснии и Герцеговины, Сербия ничего еще не имела, ибо если бы она была хоть мало-мальски готова к войне, неминуемо затеяла бы драку с Австрией – таково было настроение. Она принуждена была проглотить предложенную графом Эренталем “пилюлю” только потому, что для войны у нее ничего не было готово. И вдруг, через четыре года, она оказалась во всеоружии своей силы, хотя сравнительно и скромной по размеру, но весьма внушительной по качеству». Почему? Потому что тогда «сербский народ не упал духом. Подхвачен был всей страной клич: “За дело!”». И, как резюме, – «Сербы за свое возрождение должны быть благодарны Австрии, графу Эренталю» [10. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1348. Л. 11–13].

Балканские войны закончились для Белграда триумфом, но стоило наступить миру, как былые политические язвы вновь обнажились. По-солдатски прямолинейный генерал Панта Драшкич без обиняков назвал вещи своими именами: «Лишь только для нас, сербов, проходит опасность, мы тут же перегрызаемся между собой» [50. С. 117]. Поводом к очередному раздору стал «спор о приоритете» в освобожденных областях. Указ «О старшинстве гражданских властей в Новой Сербии над военными», изданный по инициативе Стояна Протича (министра внутренних дел и друга Николы Пашича), предполагал введение первенства гражданских чинов во всех торжественных случаях, и, бывало, что, при явном нежелании элитного чиновничества ехать на службу в Богом забытую «новую» глушь, какой-нибудь уездный начальник лет 25–28 оказывался там на различных церемониях выше полкового командира в обер-офицерском звании. Такая ситуация действительно была нетерпимой, и заговорщики, создавшие в 1911 г. тайную организацию «Черная рука», решили использовать ее для лобовой атаки на власть.

Они потребовали отмены указа и предоставления сатисфакции «униженным» офицерам, воспользовавшись очередной ссорой (командира Вардарской дивизии Дамьяна Поповича с окружным начальником за право на первое место в церкви, завершившейся демонстративной отставкой комдива, после чего, собственно, и был выпущен указ «О старшинстве...»). Глава правительства, Н. Пашич, отказался идти на уступки. В ответ (после неудачной попытки двинуть войска из Скопья на Белград) заговорщики вступили в альянс с парламентской оппозицией (независимыми радикалами) с целью *любой ценой* – вплоть до переворота – сместить премьера. В своих личных амбициях и эгоистичных резонах самостальцы пошли на этот тайный сговор с «Черной рукой», компрометируя и ставя под удар всю гражданскую систему власти. «Сербский парламентаризм, – точно сформулировал “диагноз” Воислав Вучкович, – оказался перед опасностью разрешения его латентного кризиса насильственным путем» [51. С. 188].

Глубинный смысл этого конфликта, с точки зрения «политической культуры» его участников, обнаружил автор цитированной выше рукописи: «Радикалы хотели власти – долгой и неделимой власти. Поэтому они готовили не только общественное мнение к своему долговому владычеству, но и рассматривали новые территории, Старую Сербию и Македонию, в качестве будущей радикальной “колонии”. Апис и заговорщики хотели власти в армии, такой же долгой и неделимой. Они пытались превратить армию в свою будущую “колонию” [...] Оба фактора присваивали себе все заслуги за военные успехи и вошли в жесткий

клинч, так как мешали друг другу. Радикальные лидеры побаивались “преторианцев”, казавшихся им препятствием для создания радикального царства [...] В этом столкновении заговорщиков с радикалами оппозиция стояла на стороне армии, но совсем не потому, что она желала защищать правое дело, а дабы иметь защиту мощной силы в борьбе с радикалами. Было необходимо свалить Пашича любой ценой, и момент ей показался подходящим» [25. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14434/719. С. 2].

Перед нами – привычный и давно известный набор представлений сербской элиты, фундамент которого составляли стремление каждой из ее фракций к монополии на патриотизм и *мессианская* претензия на политическое господство. Все же «другие» объявлялись врагами – в борьбе с ними были хороши любые средства.

Кульминацией «спора о приоритете» явились роспуск скупщины и объявление новых выборов. Пашич подал в отставку, но король в мае 1914 г. возвратил ему мандат на власть. А 11 июня обнародовал указ о перенесении монарших прерогатив на престолонаследника Александра, «в связи с болезнью». Что фактически явилось его скрытым отречением. Решающую роль в таком разрешении кризиса сыграл российский посланник Н.Г. Гартвиг. Именно он рекомендовал Петру Карагеоргиевичу оставить Пашича у власти. Тот подчинился, не желая противостоять России, и дипломатично удалился в политическую тень, не сумев выполнить данного военным обещания. Итак, в борьбе с «Черной рукой» (этим мощным антиконституционным участником сербской политики) «парламентский» режим формально устоял, но... при поддержке другой нелегитимной силы – российской императорской миссии.

Завершая наши размышления, позволим себе одну параллель. Говоря в одной из работ о специфике сербского общества, мы констатировали, что *экономический* человек в независимой Сербии «еще не проснулся, несмотря на “квазиевропейские” формы его существования» [52. С. 53]. Что же касается политической культуры, то ее «мерой», по определению ученых, является «политический человек и качество политической жизни общества в целом» [53. С. 281]. Так вот, как мы старались показать, этот *политический человек* европейского типа также спал в Сербии глубоким сном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шемакин А.Л. Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3.
2. Protić M. The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect // *Balkanica*. Vol. XXXVI (2005). Belgrade, 2006.
3. Свирчевић М. Локална самоуправа у Србији и Бугарској (1878–1914). Београд, 2009.
4. Нова историја Српског народа. Београд, 2000.
5. Пузачев В., Соловьев А. Введение в политологию. М., 2004.
6. Мал А. Дневник са српског двора. 1892–1894. Београд, 1999.
7. Латтева Л.П. Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского (по архивным материалам) // Славянская идея: история и современность. М., 1998.
8. Латтева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.
9. Рукописное отделение Института русской литературы РАН.
10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
12. Гордон А.В. Новое время как тип цивилизации. М., 1996.
13. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
14. Российский государственный архив социально-политической истории.
15. Шемакин А.Л. Политические партии в независимой Сербии // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации. СПб., 2006.
16. Протић М. Српске политичке странке после уједињења (1918–1919) // Србија на крају Првог светског рата (Зборник радова). Београд, 1990.
17. Дарам М. Кроз српске земље. Београд, 1997.

18. *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот / природ. М. Јагодић. Београд, 2007. Т. III.
19. *Бобчевъ С.С.* Изъ славянските земи. I. Въ Белградъ. 1897 г. София, 1903.
20. *Шемакин А.Л.* Политическая культура в независимой Сербии // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия. СПб., 2009.
21. *Шемакин А.Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е гг.) // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000.
22. *Perović L.* Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelomu vekova (XIX–XXI). Beograd, 2006.
23. Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006.
24. *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. Београд, 1927.
25. Архив Српске Академије наука и уметности.
26. *Цвијић Ј.* Јединство и психички типови динарских јужних словена. Београд, 1999.
27. *Лафан Р.* Срби – чувари капије. Београд, 1994.
28. *Николајевић Б.* Радикална странка и Светомир Николајевић. Београд, 1938.
29. *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872–1891) / Приред. Л. Перовић и А. Шемакин. Београд, 1995.
30. *Стојановић Д.* Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда. 1890–1914. Београд, 2008.
31. *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1.
32. *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот / природ. М. Јагодић. Београд, 2007. Т. IV.
33. *Стојановић Д.* Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије // *Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М.* Србија 1804–2004. Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005.
34. *Жујовић Ј.* Дневник / природ. Д. Тодоровић. Београд, 1986. Т. 1.
35. Архив внешней политики Российской империи.
36. *Јовановић С.* Један прилог за проучавање српског националног карактера. Виндзор, 1964.
37. *Перишић М.* Либерали и либерализам у Србији 19. века. Београд, 2004.
38. *Егоров Б.Ф.* Очерки по истории русской культуры XIX в. // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. V. (XIX век).
39. *Томсинов В.А.* Правовая культура // Очерки русской культуры XIX века. М., 2000. Т. 2.
40. *Шемакин А.Л.* Милан Обренович – архитектор сербской «перестройки»? Полемические размышления // Историки-слависты МГУ. М., 2008. Кн. 7 (X.X. Хайретдинов).
41. Живети у Београду. Документа Управе града Београда. Београд, 2008. Књ. 6. 1890–1940.
42. *Радојевић М.* Научник и политика. Политичка биографија Божидара В. Марковића (1874–1946). Београд, 2007.
43. Рукописно одељење Матице Српске.
44. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000.
45. *Макуљевић Н.* Уметност и национална идеја у XIX веку. Београд, 2006.
46. *Штрандман В.* Балканске успомене. Београд, 2009.
47. *Кузьмичева Л.В.* Сербия между Западом и Востоком (поиски пути государственного строительства в XIX веке) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX вв. М., 2003.
48. *Popović-Obradović O.* Kakva ili kolika država. Ogleđi o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XX veka / prired. L. Perović. Beograd, 2008.
49. *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић. Београд, 2002. Т. I.
50. *Драшкић П.* Моји мемоари / природ. Д. Батаковић. Београд, 1990.
51. *Вучковић В.* Унутрашње кризе Србије и Први светски рат // Историјски часопис. Београд, 1965. Књ. XIV–XV.
52. *Шемакин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности. СПб., 2004.
53. *Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В.* Политология. М., 2002.

© 2010 г. С. МАТКОВИЧ

ХОРВАТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ИДЕЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Автор рассматривает отношение хорватских политических партий к идее и процессу модернизации в конце XIX – начале XX в. Он описывает национальную специфику политических и идеологических процессов в Хорватии в контексте ее государственно-правового статуса и особенностей исторического развития.

S. Matkovich analyses modernization experience of Croatian political parties in the end of 19th – beginning of 20th centuries under Austria-Hungary. He describes national peculiarity of political processes and national ideology in Croatia in the context of both its state-law status and original historic developments.

Ключевые слова: модернизация, Хорватия, Австро-Венгрия, политические партии, национальный вопрос.

Уже долгое время хорватские исследователи разрабатывают теорию модернизации. Если в первых работах, в 1980-х годах, речь шла о причинах и последствиях модернизации, то в работах, опубликованных в 1990-х годах, исследовался феномен появления современной нации, политической культуры [1] и влияния модернизационных идей на политические движения [2], как одной из составляющих процесса модернизации. Следует упомянуть и недавно опубликованную монографию, в которой освещаются модернизационные изменения в области права во второй половине XIX в., оказавшие значительное влияние на возможности развития и устройство хорватского общества в рамках габсбургской правовой модели [3].

В данной статье предполагается проанализировать влияние модернизации на деятельность политических партий и их взгляды на политические и социально-экономические преобразования. При выборе модели западноевропейское влияние носило преобладающий характер. Благодаря достигнутым там успехам, модель модернизации стала привлекательной для заимствования и преобразования политических, экономических и научных процессов в менее развитых, периферийных обществах, для которых модернизация была главным способом преодоления отсталости или изменения своего неравноправного положения.

Одной из главных характерных черт модернизации является разрушение традиций. Под влиянием революционных процессов в Европе в 30–40-е годы XIX в. хорватское национальное движение добилось разрушения сословного общества, провозгласило освобождение крестьянства. В последующую эпоху неоабсолютизма (1851–1860) политические реформы были отложены, но в экономической и правовой сферах модернизационные факторы продолжили оказывать свое влияние.

Маткович Степан – директор Хорватского института истории (Загреб).

Конституционная реформа и переустройство монархии в соответствии с принципами дуализма в 1860-е годы снова стали препятствием для «требований нации», желавшей демократизации. Правление бана Ивана Мажураича (1873–1880) стало примером успеха «народного» политика, который издал ряд законов, необходимых для осуществления перемен в модернизирующемся обществе. Бан Куэн-Хедервари (1883–1903) не побоялся подвергнуть католическую церковь и другие религиозные объединения либерализации в области образования. Тем не менее его правление показало, что отсутствие политических свобод может вызывать волну широкого возмущения, довольно агрессивного, как это было в случае беспорядков во время выборов в сабор, антисербских демонстраций в 1902 г. или Национального движения 1903 г.

Экономический рост в конце XIX в. стал стимулом к продолжению модернизации, что неизбежно должно было повлиять и на формирование политической мысли. Элементы модернизации нашли свое место в программах ряда политических партий, которые стремились к преобразованию общественных отношений. Степень развитости политической жизни на рубеже веков была тесно связана и с изменениями в обществе, которые способствовали появлению большого количества различных партий, стремившихся защитить интересы отдельных общественных слоев. В начале XX в. в хорватских землях появляются не только крупные партии (народняки, праваша, унионисты, автономаша), которые пытались представлять интересы всего общества, но и новые политические объединения, защитники «частных интересов». Велась ли речь о защите традиционных или современных ценностей или о согласовании обеих ценностных концепций, их, по большей части, создавали именно сторонники модернизации.

Главной темой большинства партийных программ было положение нации, а это напрямую не противоречило концепции модернизации. В развитых странах Европы национальное государство было характерной чертой нового периода, а модернизация способствовала обоснованию национальной идеи.

В предшествующие столетия обязательным пунктом любой значительной политической программы был государственно-правовой вопрос. Получение большей государственной автономии и четкого территориального устройства могли способствовать преодолению будущих вызовов и обеспечению подходящего «места под солнцем» для отдельных наций. В существовавших условиях той системы, которая возникла в результате хорватско-венгерского соглашения 1868 г., и позже, может быть, в большей степени, в Королевстве СХС/Югославии, ведущие хорватские политические партии не видели возможности для полного осуществления экономических и социальных требований, в соответствии с вызовами модернизации, именно из-за отсутствия независимого механизма принятия решений. Поэтому для Хорватии более актуален был вопрос о степени национальной и государственной самостоятельности, а не развития экономики и культуры.

В начале XX в. большая часть интеллигенции считала, что их программы соответствуют требованиям модернизации и отвечают «духу времени». Однако находились и те, кто считал модернизацию признаком упадка, кто критиковал отдельные аспекты модернизированного общества. В основном это были организации, защищавшие права рабочих. Так, Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии (СДПХСл) видела истоки кризиса общества в капиталистической системе [4]. Следует подчеркнуть, что свою программу СДПХСл создавала под влиянием немецких социал-демократов, а их установки было сложно применить в условиях Хорватии вследствие иного характера социальных и политических взаимоотношений. Негативное отношение к модернизации прослеживается и в программе Хорватской независимой рабочей партии, в которой утверждалось, что «модернизационное» законодательство способствовало появлению в эконо-

мике конкуренции, которая вела не к росту общего благосостояния, а к борьбе за существование и ломке традиционных отношений, в особенности в религиозной сфере.

Таким образом, возникает вопрос о последствиях модернизации. Однако если речь идет об организациях христианско-социального направления, следует отметить стремление католической церкви к диалогу со сторонниками модернизации. Признавая успехи последней, она тем не менее критически относилась к новым угрозам общественной нравственности, антирелигиозному образу мышления и многим формам общественной деятельности (см. [5]). Христианско-социальные группы в хорватских землях пользовались еще меньшим влиянием, чем социал-демократы. Причины этого заключались в том, что существовали партии с сильными традициями, господствовавшие в политической жизни, и в то же время сумевшие принять вызовы модернизации. Поэтому сторонники христианско-социальных идей стремились связать свою судьбу с каким-либо из ведущих господствующих партийно-политических направлений (праваши или народняки), пытаясь оказывать на них влияние.

В отличие от новых политических организаций, основное внимание уделявших рабочему классу и его правам, большинство политиков пытались выдвигать эклектичные программы. Для постепенного преодоления различий между традиционными и модернизационными силами они сочетали как те, так и другие ценности. Учитывая невозможность точного копирования западного образца модернизации в специфических местных условиях, выбор этих ценностей был весьма прагматичен.

Появление новых поколений в общественной жизни в начале XX в. способствовало изменению политических воззрений. Единое движение молодых политиков, для которых ценности модернизации являлись одним из главных пунктов повестки дня, быстро раскололось. Модернизация привнесла как новые ценности, так и политические разногласия, способствовала возникновению внутренних конфликтов по социальным, мировоззренческим, этическим, религиозным вопросам и (или) вопросам регионального характера. Внутренние противоречия не могли способствовать формированию единого взгляда на обеспечение национальных интересов. Более того, не было согласия и в вопросе о содержании самой национальной идеи, несмотря на то, что подавляющее большинство политиков считали эту идею важной.

Демократия, парламентаризм и конституционность, наряду с гражданскими свободами, были теми понятиями, которые обычно присутствовали в программах всех влиятельных политических партий. Там можно найти следующие пункты: требование гражданских свобод, среди которых выделялись свобода совести, свобода выражения мыслей, и, соответственно, свобода печати, свобода собраний и союзов, свобода в области науки, неприкосновенность жилища, тайна переписки и равноправие граждан перед законом. Проведение всеобщих, равных, тайных и прямых выборов в сабор, собрания жупаний (административная единица на территории автономной Хорватии до 1918 г. – *прим. пер.*) и муниципалитеты, при гарантии «отсутствия нарушений на выборах и полной их свободе», – это показатель стремления установить политическую систему, основанную на демократических началах. В реальности все эти требования сталкивались с положениями законодательства, которое – под строгим контролем императора – только начинало меняться в сторону расширения гражданских свобод. Несмотря на создание системы законодательных институтов, отвечавших требованиям модернизации, по-прежнему оставались в силе некоторые законы времен неабсолютизма, например, закон об объединениях 1852 г.

Результатом модернизации стало и расширение избирательных прав в банской Хорватии в 1910 г. или введение двумя годами раньше в Цислейтании (в част-

ности – в Истрии и Далмации) всеобщего и тайного избирательного права на выборах в рейхсрат. Количество избирателей возросло, хотя в автономной Хорватии голосование было по-прежнему открытым и участвовало в нем только 8% населения. В центре внимания оставалась и дальнейшая демократизация системы, которая должна была основываться на принципе всеобщего и равного избирательного права.

Наиболее активными сторонниками модернизации были напредняки (сторонники Хорватской народной прогрессистской партии), которые в организационном плане прошли путь от разношерстного объединения молодежи в конце XIX в. до сплоченной партийной организации в 1904 г. Использование понятия «прогресс» стало типичным примером проникновения концепций модернизации в политику. Как и в Германии, где также существовала Прогрессистская партия, так и в Хорватии сторонники прогресса старались в своих программах поставить вопрос о политическом развитии вообще и доказать общественности, что именно они выражают идеи, провозглашающие переход к индустриальному развитию. Прогрессистская партия, после своего вступления в 1905 г. в Хорватско-сербскую коалицию и ее успеха на выборах, через своих представителей участвовала в работе правительства автономной Хорватии, что сделало для нее возможным и участие в разработке законов, среди которых можно назвать, например, относительно либеральные законы о печати и о судебной системе.

Говоря о политической жизни в Хорватии, нельзя не упомянуть братьев Радичей. Особенно важна роль младшего брата Степана, который в студенческие годы работал вместе с остальными напредняками. В это время в партийно-политической системе хорватов возникло особое направление, так называемая крестьянская идеология. В то время, как Антун Радич находился в лагере активных противников модернизации, его брат приобрел характерные черты политика модернизационной эпохи¹.

Политическая практика именно братьев Радичей была наиболее противоречива. Они считали, что необходимо отказаться от многих традиций и одновременно использовали определенные традиционные подходы, которые отвечали их взглядам об общественном устройстве. Пропагандисты «крестьянской» идеологии не хотели быть сторонниками «городской» модернизации, при которой крестьянство и далее оставалось бы на периферии развития. Хотя речь идет о типичной аграрной партии, похожей на те, что существовали в Европе и защищали интересы сельского населения, что в большинстве случаев означало защиту традиционных ценностей и отрицание необходимости модернизации, все же Хорватская народная крестьянская партия, основанная в 1904 г., не отвергала политическую модернизацию, она была одной из самых активных сторонниц демократизации хорватского общества именно потому, что так было легче защищать интересы крестьянства, составлявшего большинство населения, и способствовать его адаптации к условиям новой эпохи [7].

Было бы несправедливо утверждать, что и унионистские объединения, включая и автономашей в Истрии и Далмации, не переняли некоторые модернизационные идеи. Унионисты, сторонники хорватско-венгерского союза в течение долгого времени находились у власти, в их руководстве важную роль играло чиновничество [8]. Наличие «белых воротничков» было для партии предпосылкой исправного функционирования управления в условиях постепенной модернизации общества. Курса на умеренную модернизацию, в свете союза с Венгрией придерживалась и новая, основанная в 1911 г., партия бана Николы Томашича – Партия народного

¹ Антун Радич писал: «Я не “противник модернизации”; но под [модернизацией] я понимаю любой прогресс в любой области наук и искусств, и отвергаю те заблуждения, в которых погрязли у нас некоторые “сторонники модернизации”» [6. S. 64].

прогресса, которая свой патриотический долг видела в отстаивании основ конституционности в автономной Хорватии [9]. Согласно данным статистики, именно в годы правления двух унионистов, Павао Рауха и Н. Томашича, были достигнуты значительные успехи практически во всех областях экономики. В те годы росло количество промышленных предприятий, банков, сберегательных касс и акционерных обществ. Тогда же ускорился оборот ценных бумаг, активизировались и другие виды финансовой деятельности. Зачастую государственные чиновники являлись важным звеном в проведении реформ управления, и поскольку «унионисты» долгое время контролировали местное правительство и муниципалитеты, именно их представители добились успехов в установлении новых институтов и принятии законов, обеспечивавших модернизационное развитие.

В особую группу защитников модернизации можно выделить молодое поколение сторонников Хорватской партии права, в рядах которых пользовались популярностью как идеи модернизации, так и политического традиционализма. Понятие модернизации по-разному трактовалось в среде правашей. Когда в начале 1890-х годов лидерами Партии права стали Фран Фолнегович и Йосип Франк, оппоненты правашей писали о «модернизации» этого движения, намекая на то, что сторонники нового курса игнорируют политическое наследие основателя партии Анте Старчевича. Движение правашей и на самом деле начало «модернизироваться»: была принята первая единая программа, более современной становилась внутренняя структура. Это, в конечном счете, привело к расколу единой партии и созданию правашами нескольких партий. Среди правашей молодого поколения выделялся Йосип Франк, воспринявший основные понятия модернизации. Именно Франк в ходе дискуссии с консерваторами поддержал новые культурные и литературные направления. Тогда он не только поддержал требования молодых правашей о переменах в области культуры и искусства, но и напомнил общественности, что «французская революция сопровождалась зверствами, но она стала основанием для общественной и политической жизни девятнадцатого века» [10. S. 127].

Неподдельный интерес к современным достижениям культуры был настолько сильным в этих политических кругах, что к нему сразу же присоединились многие известные люди. Среди них был Антун Густав Матош. Наряду с ним свой заметный вклад внесли и Милан Огризович, Крешимир Ковачич, Фран Галович, Штефа Искра, Звонимир Вукелич и другие. Программа правашей, под которой стояла подпись Матоша, была опубликована в журнале «Stekliš». Она свидетельствовала, что в начале XX в. наиболее сложным все еще оставался вопрос национального самоопределения, т.е. национальная идея была тесно связана с идеями модернизации. В этом смысле праваша с их хорватским национализмом были «наиболее современными, самыми многочисленными, способными принести больше всего пользы и нам, и всему народу» [11. S. 95].

Наконец, как один из противовесов большинству партийных программ, появившихся накануне Первой мировой войны, стала деятельность югославистского молодежного движения в его хорватском варианте. Влияние Балканских войн 1912–1913 гг. было одним из факторов, способствовавших возвеличиванию его участниками Сербского королевства, его национальной династии, армии и стремительного расширения за счет османских владений на Балканах. Еще большим радикализмом отличалась идеология националистической молодежи, которая настаивала на неизбежной «двойной» революции: национальной (т.е. югославянской интеграции) и социальной (устранения влияния «реакционных классов»). Согласно их воззрениям, отвергать взаимную национальную интеграцию с сербским народом – значит подвергать ограничениям обе национальные идеи. Они критиковали хорватское государственное право, предлагая взамен идею югославянского государственно-правового единства. Национализм как составная часть

процесса модернизации в их интерпретации означал «отрицание всего антинационального в материальной и духовной жизни нашего народа». Этот дискурс сопровождался идеями радикального антиклерикализма, демократизации политического сознания, ограничения власти дворянства и устранения влияния неславянских культур путем дегерманизации, демадьяризации и деитальянизации [12. S. 61–64].

Югослависты восприняли отдельные составляющие модернизационной модели Запада, причем наиболее радикальные из них. Понятие «фаза югославянского империализма» соответствовало общим тенденциям, характерным для истории Европы накануне Первой мировой войны, и тем самым стало одним из феноменов национализма в эпоху модернизации. Югослависты стремились создать новое государство на развалинах Габсбургской монархии и адаптировать его к новой имперской системе. Идея единого унитарного югославянского государства выполняла особую национальную миссию, которая заключалась в доказательстве своей жизнеспособности в эпоху, когда преобладали социал-дарвинистские представления о борьбе за существование. Эта идея показала свой «мелкоимпериалистический» характер во время Балканских войн. И здесь не обошлось без парадоксов. Было разрушено многонациональное объединение монархического типа, но лишь для того, чтобы создать новое. Таким образом, продолжились дискуссии о хорватской общности, которой никакие версии югославизма не помогли разрешить свои проблемы.

Итак, хорватские территории во второй половине XIX в. испытали на себе неизбежное влияние модернизационных процессов, целью которых было преобразование традиционного общества. Партийные программы были составлены по европейским образцам, в основном из развитых стран Центральной Европы. Но отношение к ним населения Хорватии было различным: существовали отдельные территории разной политической ориентации и так называемые политические платформы, послужившие основанием для христианско-социальных, социал-демократических или «прогрессивных» либеральных организаций с единой системой политических принципов. Глубина политических различий повлияла и на будущее устройство партийных организаций.

С точки зрения привлекательности в среде избирателей наибольшим успехом пользовались те партии, которые объединяли модернизационную модель и хорватскую специфику в условиях многонациональной империи. То есть главную роль в политической жизни стали играть сторонники умеренной модернизации. Однако в сложившихся условиях частичные изменения не могли решить всех проблем. За кризисом, охватившим все страны, последовали войны, насилие, обострение радикализма и революции. Стало ясно, что многие сторонники модернизации на самом деле были ее противниками. Таким образом, основания для модернизации становились более шаткими, а возможности для ускоренного развития уменьшались.

Пер.с хорватского М. Ващенко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gross M.* Modernizacija izvana – reforme u građanskoj Hrvatskoj i Slavoniji za neoapsolutizma // *Časopis za suvremenu povijest.* 1980. Br. 3; *Gross M.* Počeci moderne Hrvatske. Zagreb, 1985; *Gross M., Szabo A.* Prema hrvatskome građanskom društvu. Zagreb, 1992; *Karaman I.* Hrvatska na pragu modernizacije (1750–1918). Zagreb, 2000; *Korunić P.* Fenomen nacije: porijeklo, integracija i razvoj // *Historijski zbornik.* Zagreb, 2000. T. LIII; *Markus T.* Hrvatski politički pokret 1848–1849 godine. Zagreb, 2000; *Stančić N.* Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću. Zagreb, 2002.
2. *Racko L.* Pokret Hrvatske moderne u historiografiji // *Historijski zbornik.* Zagreb, 1983. Vol. XXXVI.
3. *Čepulo D.* Prava građana i moderne institucije. Europska i hrvatska pravna tradicija. Zagreb, 2003.
4. *Sloboda.* 1895. 3 X.

5. Hrvatski katolički pokret. Zbornik radova. Zagreb, 2002.
6. Sabrana dijela. Zagreb, 1938. Sv. XVI.
7. *Biondich M.* Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the Politics of Mass Mobilization, 1904–1928. Toronto, 2000. S. 246; *Smith Anthony D.* Nacionalizam i modernizam. Zagreb, 2003. S. 21.
8. *Karaman I.* Uloga visokoga činovništva u građanskoj Hrvatskoj // *Karaman I.* Hrvatska na pragu modernizacije. Zagreb, 2000.
9. *Kolar M.* Ban Pavle Rauch i Hrvatska u njegovo doba // Povijesni prilozi. Zagreb, 1999.
10. *Frank J.* U obranu hrvatskih umjetnika. Odgovor na poslanicu Fr.Š. Kuhača «Anarkija u hrvatskoj književnosti i umjetnosti». Zagreb, 1898.
11. *Matoš A.G.* Stekliš. [Zagreb], 1911.
12. *Tartalja O.* Veleizdajnik. Zagreb;Split, 1928.

© 2010 г. С.А. РОМАНЕНКО

МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ И ХОРВАТИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ МИРОСЛАВА КРЛЕЖИ

Статья посвящена анализу исторических и политических взглядов крупнейшего хорватского писателя Мирослава Крлежи, который будучи хорватом по национальности и республиканцем по убеждениям, сторонником Франьо Супило, негативно оценивал исторический опыт двух многонациональных монархий и династий – Габсбургов и Карагеоргиевичей.

The article deals with historical and political views of the famous Croatian writer and publicist Miroslav Krleža. As both Croat and republican, he was in raptures of Franjo Supilo. So Krleža's view on the two multinational monarchies and dynasties, the Habsburgs and Karadjordjevićs, was very negative.

Ключевые слова: Мирослав Крлежа, Австро-Венгрия, Хорватия, Карагеоргиевичи, патриотизм, национальные движения, политическая культура.

Хорватский писатель Мирослав Крлежа родился в 1893 г. Обучался в гимназии, кадетском корпусе и военной академии «Людовицеум» в Будапеште (исключен в 1913 г.). В июле – августе 1916 г., служа в австро-венгерской армии на фронте, стал свидетелем «брусиловского прорыва» на Русском фронте в Галиции. Вскоре он по состоянию здоровья был освобожден от военной службы и возвратился в Загреб. В 1917–1918 гг. Крлежа сблизился с Социал-демократической партией Хорватии и Славонии, которая в 1918–1919 гг., подобно социал-демократиям многих других стран, раскололась на реформистов и революционеров. Крлежа принадлежал к революционному крылу, которое в 1920 г. образовало Коммунистическую партию Югославии (КПЮ), входившую в Коминтерн. Однако вопрос о его членстве, т.е. о формальной принадлежности к КПЮ до сих пор не прояснен и является предметом дискуссий хорватских исследователей. В конце 1930-х – 1940-е годы руководство КПЮ, в частности – и сам Йосип Броз Тито, обвиняло Крлежу в «троцкизме» и «ревизионизме». В 1948–1953 гг. Крлежа сыграл большую роль в контрпропагандистской кампании югославской стороны по защите КПЮ и лично Тито от нападок со стороны Сталина и ВКП(б). Подписав в 1967 г. Декларацию о названии и положении хорватского литературного языка, Крлежа впал в немилость. Его обвинили в «хорватском национализме», однако в 1971 г., после символического «наказания», он оказал молчаливую поддержку Тито, разгромившему национально-реформистское движение «Хорватская весна». Личные отношения писателя и вождя, несмотря на возникавшие политические разногласия, сохранялись. Крлежа – автор романов, пьес, поэтических сборников, циклов новелл. В 1964 г. он выдвигался на Нобелевскую премию по литературе. Крлежа предпринял свое путешествие в СССР в феврале – мае 1925 г. Отдельная книга под названием «Поездка в Россию» вышла в свет в Загребе летом 1926 г.,

Романенко Сергей Александрович – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник ИЭ РАН.

после публикации почти всех входящих в нее текстов в хорватских газетах и журналах различных политических направлений [1]. С тех пор в первозданном виде она ни разу не переиздавалась (вплоть до последних изданий, вышедших уже в независимой Хорватии) – ни в королевской Югославии Карагеоргиевичей, ни в социалистической Югославии. Хотя автор уже в 1920-е годы получил признание на родине как один из ведущих хорватских писателей и интеллектуалов [2. S. 149; 3. S. 467], перевод на русский язык увидел свет лишь восемьдесят лет спустя после самой поездки – в мае 2005 г. [4].

В книге М. Крлежа описал не только современную ему Советскую Россию, но и страны, которые он проезжал на пути в Москву – Австрию, Германию, Польшу, Литву и Латвию – т.е. созданную Версальским договором Среднюю Европу национальных государств вместо Средней Европы трех империй. Истории, политической психологии и культуре империи Габсбургов в «Поездке в Россию» – как это ни кажется парадоксальным – уделено немало места.

«Поездку» можно рассматривать как *литературное произведение*. Структура книги весьма своеобразна; на первый взгляд, это – простая подборка разножанровых и тематически частично или вовсе не связанных между собой текстов, собранных автором под одну обложку. Однако всей книге присуща не только журналистская (описание поездки от начала до конца и увиденного своими глазами), но и композиционная (от быта – к идеологическим и историческим обобщениям) логика. Очерки и репортажи, в исполнении Крлежи часто выходили за рамки традиционных журналистских жанров: это и высокохудожественная беллетристика с элементами драматургии в чеховском духе [5. S. 94–95], и политическая публицистика, и художественная и театральная критика. Автор не соблюдал «чистоту манеры, стиля и формы», и в его беллетристические тексты, например, органично вплеталась публицистика, та, в свою очередь, перемежалась с личными воспоминаниями и т.д.

Содержание этого литературного произведения и его структура делают «Поездку» ценным, неповторимым и необычайно сложным *историческим источником*, в котором важен не только сам текст, но и исторический контекст и полемический подтекст. Без их знания и понимания текст остается непонятым [4. С. 281–365]. Это – свидетельство современника о жизни Средней Европы до и после Первой мировой войны, о жизни в СССР в момент, когда во внутрипартийной борьбе решался вопрос о том, по какому пути пойдет развитие страны.

«Поездку» Крлежа не ограничил собственным физическим перемещением в пространстве по маршруту Загреб – Вена – Берлин – Рига – Москва – Вологда – Москва... Интеллектуально и психологически автор (а вслед за ним – и его читатель) путешествовал и во времени, поскольку текст содержит массу фактов и размышлений, относящихся и к истории Австрийской (Австро-Венгерской) империи, к истории всей Европы, в особенности Европы Средней, начиная с раннего Средневековья, вплоть до начала Новейшего времени, и к истории Российской империи. Крлеже удалось создать образы не только политических деятелей, ученых и художников (в широком смысле этого слова), но и образы народов и государств, образы городов, а также образы различных исторических эпох, прежде всего тех, к которым принадлежал он сам – конец XIX – начало XX вв. – предвоенная Европа, Первая мировая война и послевоенный, Версальский мир (в двух значениях этого русского слова).

В известном смысле некоторые тексты Крлежи из «Поездки» можно отнести и к историографии («Разговор с тенью Франа Супило»), а самого их автора – назвать не только очевидцем событий, но и историком своего отечества – наследником известных хорватских ученых конца XIX – начала XX вв. (Ф. Рачки, Ф. Шишича, Р. Хорвата и других).

В югославской и постъюгославской (прежде всего, естественно, хорватской) научной и популярной литературе редкий автор, писавший о творчестве Крлежи в целом, не касался «Поездки» [6. S. 213–372]. Однако специальные профессиональные исследования, посвященные «Поездке» как историческому источнику, практически отсутствуют. Югославские авторы анализируют каждый текст «Поездки» – его сюжет и концептуальное содержание – в отдельности. Кроме того, они часто пренебрегают принципом историзма, т.е. при рассмотрении текстов 1924–1926 гг. смешивают их с более ранними или более поздними. В отечественной, российской историографии тема Крлежи и его книги практически не разработана [4. С. 368–395]. Творчество и судьба писателя до сих пор в нашем отечестве пока остаются предметом изучения исключительно литературоведов и историков театра [7–8; 9. С. 119–126; 10. С. 596–604; 11. С. 382–421].

Задача данной статьи состоит в том, чтобы ввести в контекст отечественной науки важный и оригинальный источник по истории Австро-Венгрии, Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) и собственно Хорватии, показать политическую и историософскую логику Крлежи, объяснить логику восприятия им истории и современной ему действительности. Поэтому книга Крлежи анализируется как *один единый текст* (а не *отдельные тексты*, как это принято до сих пор в традиционном «крлежеведении»), что дает возможность сопоставить авторские оценки и взгляды, представив их во всей совокупности.

В «Поездке» Крлежа выступил в двойной роли. С одной стороны, он был наследником и продолжателем хорватской традиции многочисленных путевых очерков и мемуаров, в частности – и о России, оставленных хорватскими деятелями различных исторических эпох, начиная с Юрая (Юрия) Крижанича (XVII в.). С другой – выступал ниспровергателем предшествовавшей ему хорватской историографии, полемику с которой начал еще в 1919 г. статьей «Хорватские литературные фантазии». Этот текст, написанный под влиянием Фридриха Ницше, «принес Крлеже славу разрушителя национальной мифологии» [5. S. 12] – иллиризма, в котором он видел основу так называемого интегрального югославизма, ставшего официальной идеологией КСХС (сербы, хорваты и словенцы – один народ, одна нация). Впоследствии, в 1926 г., уже с иных, вполне марксистских позиций он продолжил полемику в статье «Несколько слов о мелкобуржуазном подходе к истории».

Эволюцию мировоззрения Крлежи можно проследить исходя из созданных им портретов политиков и ученых. Как в любом литературном произведении, в «Поездке» есть свои положительные и отрицательные герои, причем положительная оценка не мешает писателю подмечать слабости и ошибки. К первым, безусловно, относятся четыре исторических деятеля: хорватский демократ Фран Супило, германский философ Фридрих Ницше, в годы Первой мировой войны – германский профессор-кардиолог и социолог, пацифист Георг Фридрих Николаи, а после ее окончания и известных перемен в Европе и мире – В.И. Ленин. Собственно говоря, каждый из этих героев символизирует определенный этап в развитии мировоззрения Крлежи. Исключительно негативно Крлежа воспринимал и характеризовал Габсбургов (в особенности Франца Иосифа), династию Карагеоргиевичей, Вильгельма II Гогенцоллерна, а также оппонента Николаи – германского антиковеда, ректора Берлинского университета У. фон Вилламовица-Мёллендорфа, стоявшего на позициях поддержки германского милитаризма, лидера сербов в Хорватии Светозара Прибичевича и некоторых других, менее известных персонажей.

Для понимания книги чрезвычайно интересен ряд литературных и исторических источников, на которые опирался сам Крлежа при написании текстов, вошедших в книгу, прямо или косвенно упоминающихся в ней, а также худо-

жественных и философских произведений, определявших в то время его мировоззрение. Многие из них были ему известны еще по годам учебы; с другими он познакомился позднее, будучи уже зрелым человеком. Что касается его мировоззрения, то Крлежа (хотя и был близок к коммунистам), по крайней мере в начале 1920-х годов (а может быть и никогда!) не проникся до конца идеями Маркса (хотя и назвал себя марксистом) и, тем более, Ленина, восприняв лишь некоторую часть из них. В его текстах видны следы модного в то время Фридриха Ницше («Hornvieh-Nationalismus», «resantiman») [4. С. 252, 275]. Несколько раз он упоминал Иммануила Канта (трактат «О вечном мире») [4. С. 245, 274], а Артура Шопенгауэра назвал своим «наставником и учителем», хотя и признавал, что не совсем понимает содержание его трудов [4. С. 66]. Кроме того, ему, по всей вероятности, были близки и идеи вышеупомянутого Г.Ф. Николаи – «одного из самых блестящих европейских интеллектуалов» [4. С. 90–92, 252, 253], высказанные им в манифесте против войны, который он написал и подписал вместе с Альбертом Эйнштейном (1914), и в книге «Биология войны» (1915) [4. С. 90–92, 252–253, 328–329, 349].

Крлежа по ходу изложения постоянно, может быть, несколько нарочито, ссылался на многочисленных западноевропейских ученых-исследователей и философов, то в подтверждение своим мыслям, то вступая в полемику. Особо следует выделить знакомство Крлежи с сочинениями теоретиков австро-марксизма – Отто Бауэра, Карла Реннера, Фридриха Адлера и других, полемикой на конгрессах I и II Интернационала (прежде всего, по вопросам мира и войны и антивоенного движения), решениями съездов австрийской и германской социал-демократии конца XIX – начала XX вв., а также политической публицистикой социал-демократов балканских стран (например, резолюции Люблянской и Белградской конференций 1910 г., сыгравших большую роль в становлении идеологии будущей КПЮ) [12. S. 86–159; 13. S. 192–232]. В этот перечень также входят и книги немецкого философа, историка и публициста О. Шпенглера – «Пруссачество и социализм» и «Закат Европы».

Иными словами, тексты Крлежи подтверждают, что в первые почти три десятилетия XX в. в «духовной жизни доминирующее положение заняли мыслители антипозитивистской направленности – Ф. Ницше, О. Шпенглер, К. Леонтьев, В. Соловьев, А. Бергсон, Т. Карлейль. Их идеи получили свое развитие в произведениях многих европейских художников, писателей, общественных деятелей и публицистов» [14. С. 548].

В 1970-е годы Крлежа так вспоминал о своем идейном становлении и последующей эволюции: Ницше – венгерская социалистическая печать и австрийская «Arbeiter Zeitung»; Жан Жорес – знакомство с трудами Маркса «Святое семейство», «Критика критической критики», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», затем – «Антидюринг» Ф. Энгельса, «Манифест Коммунистической партии», дискуссия Энгельса с Эдуардом Бернштейном и Фердинандом Лассалем, Антонио Лабриола и, в 1919–1920 гг. – В.И. Ленин [18. S. 42–43].

По ходу изложения Крлежа в подтверждение своих собственных тезисов, а также в обоснование правоты Ленина ссылается на ряд исторических событий. Однако интересен не только перечень упомянутых, но и не упомянутых событий. Характеризуя в «Поездке» «жизнь Европы и Азии в период от Штутгарта до Базеля (1907–1912)» (т.е. между конгрессами II Интернационала, на которых были приняты известные антивоенные резолюции, впоследствии большинством входивших в него партий не выполненные), он писал, что она «проходила под знаком непрерывных кризисов, дипломатических интриг и войн (1908 – аннексия Боснии и Герцеговины, таможенная война Австро-Венгрии против Сербии. Итальянско-турецкая война 1911 г. Агадир. Борьба народностей Австро-Венгрии за освобождение. Младотурецкая революция Энвер-бея. Марокко – Египет –

Триполи. Китайская революция 1911 г. Падение манчжурской династии. Сун Ят-Сен создает Китайскую республику. Балканская война 1912 г.) [4. С. 251–252]. При этом он, однако, не назвал Вторую балканскую войну 1913 г. между самими балканскими союзниками.

Этническая самоидентификация у Крлежи была постоянной – он изначально считал себя хорватом и был проникнут духом хорватского *патриотизма*, резко отрицательно и насмешливо относясь к любому этническому *национализму*, будь то хорватский, сербский, немецкий, венгерский, русский или любой иной. Однако его политическое самосознание не только претерпело вынужденную историческими событиями эволюцию (как это случилось с большинством жителей распавшейся в октябре – ноябре 1918 г. Австро-Венгрии), но и было двойственным. Из подданного венгерского (и хорватского, как считали многие хорваты) короля Франца Иосифа Габсбурга он превратился в подданного Александра Карагеоргиевича – короля сербов, хорватов и словенцев. В то же время в глубине души он был гражданином республики Хорватии. «Так кто же мы теперь? – спрашивал он, несколько иронически обращаясь к читателям. – Австрия развалилась, следовательно, мы – больше не австрийцы. Мы – не сербы, потому что, зачем врать, если мы не являемся сербами. Мы – не югославыне [...] Остается нам только посыпать главу пеплом и вернуться под сень своей превосходной, неоднократно оплеванной хорватской идеи» [4. С. 71]. (Показательно, что в этом перечне отсутствуют венгры – с 1868 г. Хорватия была автономной частью Венгерского королевства.)

Крлежа беспощадно высмеивал различные виды панэтнической идеологии – как общеславянской, так и пангерманской. «Мы, славяне, не прочь изобразить себя такими добродушными длинноволосыми мужиками, красноносыми пьяницами, веселящимися под пение частушек (вспомним Мусоргского), и часто морочим голову несведущим людям тем, как мы пьем медовуху, играем на волынках и воспеваем в лесах нашего миролюбивого бога Перуна. Нас воодушевляет тот неоспоримый факт, что от города Сень¹ до Владивостока² нас, славян, довольно много (это называется численным самосознанием), и по этому поводу мы рифмуем экзальтированные оды», – писал он [4. С. 81–82]. Писатель продолжил избранную в 1918–1920 гг. линию на развенчание этноисторических мифов и выступал против их использования для разжигания межнациональной вражды и межгосударственных конфликтов: «Германские же народы, с нашей точки зрения, – это жестокие рыцари – тамплиеры, бароны-колонизаторы, вонзающие свои копыя и мечи в наше “невинное и миролюбивое” славянское тело, прогнавшие нас из нашей полабской прародины [...] Война мышей и лягушек в виде германских и славянских символов продолжалась целых пятьсот лет» [4. С. 82].

Писатель не скрывал и своих политико-идеологических пристрастий, равно как результатов обусловленных ими своих усилий: «Я [буржуазный строй] разоблачаю десять лет совершенно безуспешно» [4. С. 11]. Что же касается отношения писателя к истории, то он замечает, с одной стороны, иронизируя над «буржуазным бытом» (достижениями которого, впрочем, как показывает «Поездка», сам охотно пользовался), с другой – играя словами: «Что касается истории, то можно заметить, что это весьма благодарная дисциплина, ибо все без исключения к ней относящееся знаменито. (Например, квитанции, в которых мы записываем свое грязное белье – мы им не придаем значения, а через две-три сотни лет кто-нибудь напишет о них докторскую диссертацию.)» [4. С. 33]. Таким образом

¹ Сень – город в Хорватии (северная Далмация) на берегу Адриатического моря.

² В другом месте Крлежа пишет еще более издевательски: «От Аляски до Стеньевца» [4. С. 70]. Стеньевец – больница для умалишенных в Загребе.

писатель предвосхитил появление в исторической науке такого направления, как история быта и повседневности [16. С. 583–609].

Отношение Крлежи и как патриотически настроенного хорвата, и как республиканца, и как мыслителя, которому были близки коммунистические идеи, было резко отрицательным и к монархии, и к династии. «На переднем плане нашей политической жизни стояла, подобно неприступной скале, неприкосновенная в своей святости, Высочайшая и Сиятельнейшая Династия. Эта испанско-швейцарско-лотарингская фамилия, в течение долгих столетий, подобно льву, проливавшая кровь и раздиравшая земли от Толедо до Нидерландов и Франкфурта, от Сан-Сальвадора, что на далеком океане и вплоть до Белграда, несмотря на то, что в жилах ее текла нечистая лотарингская кровь, представлялась всем смертным подданным не только вечной, но и возвышенной. Подобно катехизису и стихотворениям на евангельские сюжеты из хрестоматии для начальных школ, она была выше реальности и во всех отношениях принадлежала миру сверхъестественного. Династия Габсбургов не принадлежала миру земного. И здесь, в венском Бурге, она существовала в качестве императорско-королевского представительства скрытых метафизических сил, невидимых, ирреальных миров, проявляющихся на земле через звуки органа, через таинство причастия и через тайну королевско-императорского иерусалимского суверенитета» [4. С. 298–299].

Созданный Крлежей образ Австрийской монархии, образ не только государства, но и образ эпохи, перекликается своими красками и содержанием с ее образом, нарисованным его старшим современником, австрийским писателем Стефаном Цвейгом [17. С. 305]. Однако восприятие монархии Габсбургов как «высшего» и «вечного гаранта постоянства» было и обманом власти, и желанным самообманом ее подданных. Крлежа писал: «И вот, однажды в провинциях высокопоставленной династии стали проявляться некие центробежные силы, некие туманные стремления к самоопределению, бледные подобиya национализма. Его величество седовласый кесарь Франц Иосиф, взобравшись на своего знаменитого арабского скакуна, издал небезызвестный “*Armee – Ober – Kommando Befehl*”³, подписанный им в главной ставке королевско-императорских войск в Хлопи, и в этом указе категорически, императивно высказался против любых попыток разъединить его армию. Этот императорский указ против разъединения королевско-императорских войск имел столь высшую, сверхъестественную доказательную силу, что вся эта проблема даже не стала предметом обсуждения в смежных парламентах» [4. С. 43].

Крлежа иронически-негативно относился и к династии, и к самому Францу Иосифу: – «слабоумная испанская династия, сидевшая в Бурге» [4. С. 27]. Он подчеркивал их интеллектуальную беспомощность и практическую неэффективность габсбургской политической культуры и традиции в целом: «Австрийские кабинеты министров составляли всякие Бинерты, Гесманы и Клари, и единственный вопрос, которым удостаивал Его Величество своего дорогого австрийского премьер-министра, состоял в следующем: не является ли евреем некий икс или ипсилон, принимающий портфель министерства почт или финансов?» [4. С. 45].

Однако монархия Габсбургов была отнюдь не «тюрьмой народов», а сложным исторически сложившимся и просуществовавшим несколько столетий этнополитическим организмом. Ее руководители чаще всего были высококлассными и отлично образованными администраторами-профессионалами, некоторые из них стали выдающимися государственными деятелями, защищавшими интересы и позиции своего государства, как они их понимали [18. С. 47–53]. Национальные движения южнославянских народов, бывшие составной частью политической

³ *Armee – Ober – Kommando Befehl* (нем.) – приказ Верховного главнокомандования.

системы империи, далеко не все и не всегда стремились к ее революционному разрушению, что заметил даже В.И. Ленин [22. С. 270–271].

Что из себя в глазах Крлежи представлял комплекс императорских дворцов в Вене Бург (Хофбург) после краха 1918 г. и выселения Габсбургов, как об их жизни, характерах и способностях свидетельствовало его внутреннее устройство и убранство? «В каждом помещении находится какой-нибудь предмет, представляющий историческую ценность. Пройдясь по этим бело-золотым распахнутым покоям в стиле рококо, так похожим на кулисы какой-нибудь оперы (например, “Пиковой дамы” Чайковского), начинаешь чувствовать себя статистом на фоне всех этих гобеленов, ваз, японских шкатулок, безвкусных кресел из палисандра и красного дерева, и остается только пожать плечами, как после прогулки по скучному музею. А ведь несколько лет назад это был вовсе не скучный музей, а реальность. В этом самом флигеле Леопольда жил слабоумный старик, уже почти мумия, он прикасался к этой конторке, он спал на своей знаменитой солдатской койке, прислоненной к стене, – все подчеркнуто просто и оставляет впечатлительные тяжкой пустоты» [4. С. 32–33]. Но не будем забывать – Крлежа наблюдатель пристрастный, и ему довелось увидеть императорский дворец уже опустевшим, покинутым хозяевами. Поэтому вышеприведенное им ощущение «цветов и запахов» с точки зрения современного историка психологически и идеологически объяснимо, но не совсем корректно и справедливо.

Крлеже удалось создать выразительный историко-психологический образ рядового австрийца: «Ни в чем не повинный продавец каштанов будет до поздней ночи мерзнуть здесь на углу, подобно облезлому псу – лишившемуся и хозяйина, и будки. И так же, как он стоит здесь на углу рядом со своей железной жаровней на треножке, он стоял отважно и дисциплинированно, бесконечно долго в стрелковых окопах от Луцка до Черновцов, и от Горицы до Ужока – целых четыре года» [4. С. 36]. Войны и отдельные сражения XIX в. – как успешные, так и окончившиеся поражением – занимали значительное место как в общеимперском, так и в австрийском национальном самосознании – Новара, Асперн, Эсслинг, Кустоцца, Сольферино, Мадженто [4. С. 27, 37].

Без «хорватских» и «югославских» сюжетов «Поездку» представить себе невозможно. И дело не только в наличии в книге двух программных текстов, посвященных Хорватии и Королевству СХС, но и в том, что Крлежа постоянно сравнивает свою родину и другие страны. Большое внимание писатель уделил политической истории Хорватии, ее положению в монархиях Габсбургов и Карагеоргиевичей, ее стремлению к национальной свободе, попытке обрести которую к середине 1920-х годов так и не завершились успехом, несмотря на то, что монархия Габсбургов прекратила свое существование; исчезло и национальное угнетение со стороны венгров [20; 22].

Хорватское национальное движение переживало период подъемов и спадов. Наивысшими точками его подъема были революция 1848–1849 гг., а также национальные движения 1883 и 1903–1904 гг. Как воспоминания о них родственников, друзей и более широкого круга, в котором вращался будущий писатель, так и его собственные впечатления во многом сформировали мировоззрение Крлежи. События 1903–1904 гг. на фоне политического кризиса в Венгрии привели к падению режима бана (главы автономной администрации, в подчиненном положении по отношению к которому находился сабор) Хорватии К. Куэна-Хедервари. Чуть позднее, в 1905–1906 гг. в Хорватии – Славонии развернулось широкое демократическое движение, сопровождавшееся выступлениями солидарности с русской революцией 1905–1907 гг. В этот период активизировалось формирование партийно-политической системы Хорватии в относительно развитых формах. В декабре 1905 г. была создана Хорватско-сербская коалиция (ХСК), объединившая хорватские и сербские партии на основе политики «нового курса» – сотрудниче-

ства с сербским и венгерским национальными движениями, против германской политики «Дранг нах Остен». Одним из наиболее ярких ее лидеров был хорват из Далмации Фран Супило.

Против ХСК выступила Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП, осн. в 1904; с 1919 – Хорватская республиканская крестьянская партия, ХРКП) во главе со Степаном Радичем, а также Настоящая партия права (националисты, ориентировавшиеся на Вену и династию, под руководством Йосипа Франка) и клерикалы.

В 1905–1914 гг. в Хорватии неоднократно использовались неконституционные формы правления. Власти то пытались получить поддержку хорватского национального движения путем уступок средним слоям (избирательная реформа 1910 г., в пять раз увеличившая число избирателей), то прибегали к репрессиям (аресты сербов, Загребский процесс и процесс г. Фридьонга 1909 г.), стремясь ликвидировать складывавшееся хорватско-сербское сотрудничество. Пакт ХСК с официальным Будапештом в 1910 г. вынудил Ф. Супило выйти из ее рядов, а к руководству в 1910–1914 гг. пришел представитель Сербской независимой партии Светозар Прибичевич.

Балканские войны 1912–1913 гг. усилили сугубо хорватские и сербские националистические тенденции не только в Хорватии, но и в других южнославянских землях Габсбургской империи. С другой стороны, в Хорватии активизировались югославянски (все южные славяне – один этнос и одна нация) ориентированные национально-революционные группы молодежи, применявшие террор против представителей власти (1912–1914).

В 1917–1918 гг. обострилась борьба между хорватской и сербской частями коалиции относительно будущего статуса Хорватии в Австро-Венгрии или возможном будущем общем государстве южных славян. В ноябре – декабре 1918 г. коалиция под руководством С. Прибичевича поддержала образование КСХС как централистского государства и вхождение в него Хорватии.

Таковы в общих чертах были рамки политической жизни и культуры в Хорватии в период взросления Крлежи. Сам он довольно рано начал относиться резко критически к политической системе Хорватии, и вследствие того, что она была составной частью системы государства Габсбургов, и в силу ее неразвитости и провинциальности. Впрочем, это относилось ко всему австровенгерскому парламентаризму. «Смехотворными, мещанскими, провинциальными парламентами» назвал он в своей книге сохранившие многие травмы расставания с феодальной структурой народные представительства в Австро-Венгрии.

Согласно венгерско-хорватскому соглашению Хорватия объявлялась «политической нацией» и получала «политическую автономию» в составе Венгрии. Формально соглашение 1868 г. (как и австрийско-венгерское соглашение 1867 г.) было договором двух равных субъектов – Королевства Венгрии и Тринединного Королевства Далмации, Хорватии и Славонии. В Загребе функционировали автономный сабор (парламент) и автономное правительство, целиком подчинявшееся «общему» правительству в Будапеште, по сути – венгерскому. Автономную администрацию возглавлял бан, утверждавшийся императором и королем по представлению правительства Венгрии. Правительство Хорватии состояло из трех, с 1914 г. – четырех департаментов – внутренних дел, юстиции, просвещения и церкви, а также национальной экономики. «К числу таких провинциальных парламентов принадлежал и наш сабор на площади святого Марка [в Загребе], а имя нашего королевства упоминалось только при самых больших придворных церемониях, причем лишь на седьмом месте (титулature Габсбургов. – *С.Р.*), а сабор наш был в первую очередь представительством слоев и сословий, в котором вирилисты – члены его по наследному праву, обладали тем же рангом, что и народные депутаты, избранные на выборах на основании партийных программ, –

писал он очерке “Разговор с тенью Франа Супило”. – В нашей общественной и политической жизни, в нашем саборе и в нашей печати неутомимо велись нескончаемые, многодневные дебаты о параграфах уголовного кодекса, о регламенте и инструкциях для сабора, для общин и для выборов» [4. С. 43–44].

Такой сабор не обладал никакими реальными полномочиями, не мог принять никаких принципиальных решений и добиться их выполнения, если они шли в разрез с интересами и целями Вены, династии, правящих кругов Венгрии. «Механизм деятельности хорватского сабора на площади Святого Марка был в то время весьма прост и напоминал принцип действия какой-нибудь примитивной машины. 18 мадьяронов + 9 глав областной администрации (великих жупанов) + 1 радикал + икс необходимых франкофургимашей или сербов из Независимой партии 3; необходимое количество – 51. (50+1!!! – число, превышающее половину голосов, испробованный так называемый регулятор демократии). Марионетки, сидевшие на деревянных скамейках сабора, напоминавших школьные скамьи, а именно подкупленные евреи, графы, патриархи, радикалы и “граничары” или подчинялись и голосовали за проект [автономного] бюджета – все это вместе взятое называлось “проголосовать за бюджет”, или, если эти куклы не принимали бюджет, их распускали Высочайшим рескриптом!» [4. С. 48–49]. Написано много горького и справедливого, однако не будем забывать, что это был все же автономный сабор, а не национальный (в гражданском смысле этого слова) парламент независимого и суверенного государства.

Провинциальность вкупе с отсутствием реальной власти и продажностью приводила к тому, что политическая жизнь превращалась в поиски карьеры: «Весь мир этого поколения карьеристов вращался вокруг того, кто кого обскочит или, наоборот, окажется обойденным» [4. С. 47]. С другой стороны, «люди становились унионистами (т.е. вступали в “правящую партию” или голосовали за нее. – С.Р.) прежде всего потому, что вынуждены были бороться за кусок хлеба насущного, а потом уже из так называемых убеждений, а от унионистских убеждений до положения платного шпиона был всего один шаг» [4. С. 50].

Выхода и перспектив у молодежи не было не только в Загребе, но и в Вене: «На жестком граните венских мостовых умирали наши юноши, и сколько же страданий, унижений и горя расплодилось по этим вымощенным камнем улицам, подобно ядовитому газу, отравившему молодость нескольких поколений» [4. С. 25].

Могло ли подобное национальное бесправие, вкупе с описанной выше бедностью, порождавшее безысходность, стать основой если не сопротивления, то хотя бы сколько-нибудь значительной оппозиции Вене, Будапешту, и официально-чиновничьему Загребу? Крлежа отмечал две стороны сознания хорватского общества в годы, предшествовавшие Первой мировой войне. С одной стороны: «Жизнь, общественное мнение, национальное самосознание и гордость, – все это было в то время настолько туманным и робким, вернее сказать, романтичным». С другой – «не подлежит никакому сомнению, что наши интеллектуалы до смешного скользили по поверхности, путались вокруг сути вещей, и события влекли их за собой. Без убеждений, без воли, без знаний, без программы, без характера. Будь в людях той поры хоть какая-нибудь сила и талант, естественно, они ответили бы на беспримерное давление тех лет сопротивлением, гораздо ярче выраженным и масштабным, чем тогдашние попытки протеста». [4. С. 45, 49–50]. Заметим, что наряду с пассивными формами протеста, которые также могли стоять протестующим карьеры и судьбы, были и жесты отчаяния – покушения на банов Хорватии в 1912, 1913 и 1914 гг. [22. С. 26–27].

Единственным представителем реального сопротивления, который потерпел поражение даже не от монархии, не от правящих кругов Венгрии, а от мещанства, предательства, смеси «романтизма», «бесхарактерности» и «рабского самоуничтожения», по мнению Крлежи, был Ф. Супило. «Он предвидел следующие

три варианта: «или хорваты победят силой своего собственного движения, или великие события в Монархии разрешат хорватский вопрос наряду с прочими проблемами, или Монархия падет в результате переворота извне. “Мы рассчитываем на все три варианта, – писал он (Супило. – С.Р.). – Надо готовить народ, чтобы нас не застал врасплох любой поворот событий. Так думают немногие. А ведь решающий день может наступить внезапно. Позор народу, если он не будет знать, что делать. Оправдания не спасут. Тогда он сам себе подпишет приговор”» [4. С. 50–51]. «Согласно собственному тезису, в который он верил долгие годы, Супило создал концепцию хорватского комитета, который должен бороться за суверенитет Хорватии. Потом наступила албанская катастрофа, последовал Лондонский пакт, обман и скандалы на острове Корфу, солунский процесс, а затем плачевная поездка Супило в Россию и безрезультатное возвращение, когда он наконец осознал, что существует православно-сербская ирредента, поддерживаемая русским православным царизмом, а до западной хорватской национальной полусферы никому нет дела, в том числе и самой этой полусфере, коченеющей на австрийском фронте вместе с сербскими ирредентистами. Таким образом, все эти комбинации привели его к апатии и отчаянию, что произошло уже в Лондоне» [4. С. 57].

В Лондоне находился созданный эмигрантами – югославянами из Австро-Венгрии Югославянский комитет. Используя образный ряд самого Крлежи, можно сказать, что с одной стороны, Супило поглотили «болото, топь, грязь, кошмар» хорватской и австро-венгерской политики, а с другой – он стал жертвой «могучих обстоятельств», от него не зависевших и изменить которые было выше его сил. Сильный удар не только лично по Супило и хорватскому национальному движению, но и по всем национальным движениям южных славян Австро-Венгрии нанесла сама Антанта.

26 апреля 1915 г. Великобританией, Францией и Россией было подписано секретное соглашение с Италией относительно условий вступления последней в войну на стороне Антанты. В качестве «платы» ей было гарантировано присоединение Адриатического побережья, населенного словенцами, хорватами и сербами, входившего тогда в состав Австро-Венгрии. Это вызвало возмущение и правительства Сербии, и Югославянского комитета. Большая часть договора, который нанес большой ущерб авторитету России, была осуществлена в рамках Версальской системы. Весной 1915 г. Ф. Супило приезжал в Россию в надежде найти поддержку своим идеям обретения Хорватией государственности. В Петрограде он узнал о заключении Лондонского договора; там же почувствовал на себе принципиальные различия в подходах югославянских либералов-федералистов и российских властей, придерживавшихся во внешней политике монархической, имперской и конфессиональной идеологии. Ее обоснованием, среди прочего, было утверждение о «вечном союзе с Сербией», основанной на этническом и конфессиональном родстве, в то время как хорваты в большинстве своем были католиками. Поэтому поддержки в России Ф. Супило не нашел; аудиенция у Николая II не состоялась. Затем осенью 1915 г. австро-венгерские и болгарские войска разгромили сербскую армию. Петр I Карагеоргиевич, его правительство и остатки армии были эвакуированы французским и британским флотом на остров Корфу. Отношения между королевским правительством и Югославянским комитетом были напряженными. Это объяснялось не только соперничеством двух эмигрантских центров, но и принципиально различными подходами к устройству будущего общего государства. Династия, Никола Пашич и их сторонники выступали носителями идей политического централизма и монархизма, а Югославянский комитет придерживался концепции федерализма и республиканства. Формальный компромисс между этими двумя тенденциями был достигнут в Корфской декларации (июнь – июль 1917 г.). Однако на практике он

не был претворен в жизнь. Из состава Югославянского комитета Супило вышел 5 июня 1916 г. вследствие разногласий с большинством его членов. 25 октября 1917 г. он умер.

В 1918 г. на фоне приближавшегося и очевидного военного поражения начался распад австро-венгерского государства и его институтов, включая армию – с весны 1918 г. резко возросло дезертирство. Крестьянские выступления летом и осенью 1918 г. нередко приобретали форму захвата и раздела помещичьей земли. 5–6 октября в Загребе представителями органов местного самоуправления южнославянских земель Габсбургской монархии было создано Национальное вече (совет) словенцев, хорватов и сербов, объявившее себя верховным органом власти на этих территориях. 29 октября 1918 г. сабор Хорватии принял решение о полном разрыве с Австро-Венгрией и признании верховной власти Национального веча провозглашенного Государства СХС. 1 декабря 1918 г. Хорватия вошла в состав КСХС.

Монархия Габсбургов рухнула. Пришла монархия Карагеоргиевичей. Что же изменилось? Что, по мнению Крлежи, дала «национальная революция южного славянства» (выражение В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева) южным славянам, освободившимся от Габсбургов и создавшим свое государство на основе этнического родства народов? Что изменилось для хорватов?

По мнению писателя, изменилось только то, что бывшие «национальные революционеры»-югослависты, члены организации «Омладина», с которой сотрудничал перед Первой мировой войной Ф. Супило, «теперь стали консулами, детективами и интеллидантами. “Омладина” сегодня расстреливает на улицах добропорядочных граждан, если у них не укладывается в голове, что свобода – фантом, что свободы не существует. Свободы нет и быть не может, – вот лозунг “Омладины”, которая так много обещала» [4. С. 64]. Таким, по мнению Крлежи, оказался итог «национальной революции южного славянства». Хорватия вновь не обрела свободы.

Образ Хорватии в новом государстве у Крлежи практически ничем не отличался от ее образа времен Габсбургов и не внушал оптимизма. «Здесь – провинция! Мрачная, утопающая в грязи, унылая провинция! [...] Созерцаая двухэтажное кирпичное здание вокзала, деревья, лесопилки, казармы, слушая гармонику, – чувствуешь перспективу и одновременно понимаешь, что нам, со всеми нашими мещанскими интеллигентскими якобы талантами, подобными кимвалам бряцающим, никогда не перекинуть мосты к Реальности и Действительности. Надо же все-таки взяться за дело, надо выпрямиться, надо что-то предпринять» [4. С. 9].

Но сделать это практически невозможно. «И газеты, и искусство, и политика, и ремесла, и деньги, и идеологическая фразеология, и образование, – все это в нашем маленьком южном городе (т.е. Загребе. – С.Р.) с двухэтажным кирпичным вокзалом было схвачено рельсами, телеграфными проводами и воинскими гарнизонами, как железным обручем. В Систему. В Панцирь. В Модель» [4. С. 10–11].

Итак, в 1918 г. распалась Австро-Венгрия, сошла с исторической сцены династия Габсбургов. На месте единой монархии, так и не сумевшей найти в себе ресурсы для новой трансформации и попытавшейся решить внутренние и внешние межэтнические конфликты путем завоевания, возникли новые суверенные государства. Королевство СХС – государство южных славян, основанное на реальной этнической, лингвистической и культурной близости этих народов, тем не менее оказалось иллюзией, миражом. Этническая близость не смогла устранить национальное неравенство и противоречия. Оказалось, что борьба центробежной и центростремительной тенденций свойственна и государствам с этнически родственными составом населения. Новосозданное королевство не обрело ни межэтнического мира внутри, ни стабильных границ с внешним ми-

ром. Довольно быстро обнаружилось, что югославизм – возникшая в конкретных исторических обстоятельствах идеология и психология борьбы за национальное самоопределение с внешними врагами и инациональной государственной властью, – не может служить основой для создания общего полиэтничного государства родственных народов. На протяжении всей короткой истории межвоенной Югославии основной линией фронта в политической борьбе стало соперничество великосербских централистов-унитаристов и националистов из Белграда с националистами-федералистами из Загреба, Любляны, Сараево, Скопье, Подгорицы. «Национальная революция южного славянства» дважды (в 1941 и 1991 гг.) закончилась распадом созданного им государства. «Славянство» уступило национальному самоопределению каждого народа.

«Славянская идея», сыграв свою роль в обосновании правомерности и легитимности национальных движений в конце XIX – начале XX в., в 1920 – начале 1930-х годов объективно отошла на второй план. Практически во всех славянских государствах она уступила место, с одной стороны, классовым и социальным теориям, а с другой – борьбе за сугубо национальное самоопределение, в новых условиях войдя с ним в противоречие. Парадокс состоял в том, что именно в странах, созданных национальными движениями славянских народов, стремившихся к освобождению из многонациональных империй, после создания общих независимых государств – Королевстве СХС (Югославии) и Чехословакии – с преимущественно родственным составом населения, межнациональные отношения не только не гармонизировались, но постепенно приобретали все большую остроту. Славянские народы в обществе своих этнических «собратьев» точно также стремились к самоопределению, равноправию и максимально возможному суверенитету, как и в государствах с господством иноэтничных общностей. Сказывались как стадийное сходство уровней развития и исторических задач, так и унаследованная от прошлого политическая культура, а также сложившиеся традиции межэтнических отношений.

В своей книге Крлежа выступил не только в роли историка, осмысливающего прошлое, и журналиста-аналитика, описывающего и осмысливающего настоящее. Он попытался сделать и прогнозы на будущее. «Судя по некоторым признакам, буржуазная Европа гибнет, – писал Крлежа в 1926 г., соединяя идеи Ленина, Коминтерна и Шпенглера. – Не только, потому что вся международная политика превратилась в бесстыдную торговлю принципами и идеями и проституцию ради стремления к обладанию материальными благами (макиавеллизм стал культом политиков), но и потому, что все те же симптомы вражды, учащенного пульса и тревожной вибрации от погони за даровыми барышами проявляются во всех областях духовной жизни» [4. С. 255]. Однако этот прогноз, как и критика «туманных паневропейских иллюзий какого-нибудь графа Куденхофа-Калерги»⁴, оказался несостоятельным. Прошло несколько десятилетий – и Европейский союз, несмотря на трагедию Второй мировой и холодной войны, да и нынешние проблемы, создан и стал реальностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Krleža M. Izlet u Rusiju. Zagreb, 1926.*
2. *Znameniti i zaslužni Hrvati te pomena vrijedna lica u hrvatskoj povijesti od 925–1925. Zagreb, [1925].*
3. *Станојевић Ст.* Народна Енциклопедија Српско-Хрватско-Словеначка. Загреб, 1925. Књ. II.
4. *Крлежа М.* Поездка в Россию. 1925. М., 2005.

⁴ Куденхоф-Калерги (Coudenhove-Kalergi), Рихард фон, граф (1894–1972) – известный австрийский политический деятель, писатель и пацифист. Один из основателей в 1923 г. Пан-Европейского союза – движения за осуществление идей европейского федерализма и до 1972 г. был его бессменным председателем. Автор книги «Пан-Европа» (1923).

5. *Visković V.* Krležološki fragmenti. Krleža između umjetnosti i ideologije. Zagreb, 2001.
6. Krležijana. Glavni urednik Velimir Visković. Zagreb, 1999. Sv. 3.
7. *Vaganova H.M.* Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии. М., 1982.
8. *Ильина Г.Я.* Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX в. М., 1985.
9. *Ильина Г.Я.* Хорватский бог Марс // Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян. М., 2004.
10. История литератур западных и южных славян. М., 2001. Т. III.
11. Развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1918–1932. М., 1979.
12. Istorijски arhiv Komunističke partije Jugoslavije. Socijalistički, pokret u Hrvatskoj, i Slavoniji, Dalmaciji i Istri. 1892–1919. Beograd, 1950.
13. Zgodovinski arhiv Komunističke partije Jugoslavije. Beograd, 1951. T. V. Socijalistično gibanje v Sloveniji. 1869–1920.
14. Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк.
15. *Оџак I.* Krleža – Partija. Zagreb, 1982.
16. *Gross M.* О историографји posljednih trideset godina // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 2006. God. 38, br. 2.
17. *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003.
18. *Исламов Т.М.* Граф Иштван Тиса – «сильный человек» Венгрии // Славяноведение. 2005. № 3.
19. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 25.
20. *Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея» М., 2002.
21. *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. СПб., 2001.
22. *Романенко С.А.* Югославизм в Хорватии Славонии и Далмации в конце XIX – начале XX века // Славяноведение. 1998. № 5.

© 2010 г. Л. Я. ГИБИАНСКИЙ

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ЮГОСЛАВИИ 27 МАРТА 1941 ГОДА: ОБЩЕСТВЕННЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

На основе различных источников и анализа историографии автор исследует противоречия между общественными устремлениями, которые выражал военный переворот в Югославии 27 марта 1941 г., и тогдашней внешнеполитической реальностью войны. Рассматривается вопрос о роли событий 27 марта 1941 г. для судьбы югославского государства.

On the basis of various sources and historical writing's results, the author studies contradictions between the social aspirations, which the military coup d'état of 27 March 1941 in Yugoslavia have expressed, and the foreign policy reality of those times. The question of consideration is also a role of 27 March 1941 events for the fate of the Yugoslav State.

Ключевые слова: Югославия, Вторая мировая война, переворот 27 марта 1941 г.

Хотя о военном перевороте, произошедшем в Белграде 27 марта 1941 г., писалось в разной связи многократно, тем не менее в этих событиях еще остается немало довольно неясного. А оценка переворота как общественно-политического явления и особенно его последствий для судьбы тогдашней, «первой Югославии», павшей через три недели после него, превратилась на десятилетия в предмет ожесточенной, в большой мере политически окрашенной полемики в мемуарной и исторической литературе. Падение на рубеже 1980–1990-х годов теперь уже коммунистической, «второй Югославии» существенно актуализировало проблематику 1941 г. и отразилось на подходах к ее рассмотрению в постюгославской историографии. Остановимся на том, как выглядят переворот 27 марта 1941 г. и сопутствовавшие ему события с учетом тех источников и историографических результатов, которыми может сегодня располагать исследователь.

Сначала – коротко о присоединении Югославии к Тройственному пакту, которое и послужило непосредственно детонатором совершения переворота. До того, в течение почти девятнадцати месяцев с момента, как вспыхнула Вторая мировая война, стране удавалось удерживаться на линии провозглашенного 4 сентября 1939 г. нейтралитета по отношению к обеим воюющим сторонам. Князь Павел Карагеоргиевич, фактически управлявший тогда Королевством Югославия как глава регентства при несовершеннолетнем престолонаследнике – его двоюрод-

Гибианский Леонид Янович – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» (направление «Глобальные и локальные войны как фактор социальных трансформаций и конфликтов») в рамках проекта «Войны и конфликты в исторических судьбах славянских народов в XX в.: социальный аспект».

ном племяннике Петре¹, и руководство правительства в лице премьер-министра Д. Цветковича и вице-преьера В. Мачека были сторонниками англо-французской коалиции, от которой после поражения Франции осталась одна Великобритания, имевшая, по сути, поддержку США. Но, опасаясь нацистской Германии и фашистской Италии, являвшихся непосредственными соседями Югославии, правящая верхушка считала необходимым проводить политику внешнеполитического лавирования под флагом нейтралитета, которая в определенной мере включала и вынужденное заигрывание с обеими державами агрессивной «оси». Однако со временем возможности лавирования все больше сужались по мере того, как Гитлер начал добиваться присоединения Югославии к Тройственному пакту. Со второй половины февраля – начала марта 1941 г. германское требование приобрело, в сущности, ультимативный характер. Павел и его ближайшее окружение, включая Цветковича и Мачека, опасались, что если Берлин получит отказ, то последует нападение Германии вместе с Италией, Венгрией и Болгарией на Югославию, а югославская армия не сможет противостоять такому нападению, и страна максимум за пару недель будет захвачена и разделена между агрессорами. Исходя из этого, было в итоге решено выбрать, как посчитали, меньшее из зол и присоединиться к Тройственному пакту. Протокол о присоединении был подписан в Вене 25 марта 1941 г. (подробнее о югославской политике с начала войны до подписания протокола см. [1]).

Соглашаясь на подобный шаг, югославская верхушка, однако, выторговала у Гитлера условия, выглядевшие для нее весьма обнадеживающе. Правительство Германии и – под его влиянием – правительство Италии при подписании венского протокола дали правительству Югославии письменные гарантии по четырем вопросам, которыми Белград придавал наибольшее значение. Речь шла об обязательствах, во-первых, уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии; во-вторых, в течение продолжавшейся войны не требовать прохода или транспортировки войск через югославскую территорию; в-третьих, не требовать от Югославии оказания военной помощи, т.е. ее участия вместе с государствами «оси» в войне; в-четвертых, «при новом определении границ на Балканах», что имело в виду предстоявший захват Германией и Италией Греции, передать Салоники Югославии. Гарантии были оформлены в виде секретных нот, которыми обменялись министр иностранных дел Германии И. Риббентроп и его итальянский коллега Г. Чиано, с одной стороны, и Цветкович – другой [2. Док. Вр. 112–118] (см. также [3. S. 420–431]).

Перечисленные гарантии, которых добивалось югославское руководство, в случае их выполнения сводили присоединение к Тройственному пакту, по сути, лишь к символическому жесту, если говорить о практически-военной стороне дела. Нацистский фюрер пошел на их оформление, поскольку был очень заинтересован в том, чтобы Югославия присоединилась к пакту как можно скорее: 2 марта 1941 г. в Греции началась высадка английского экспедиционного корпуса и тем самым усиливалась потенциальная возможность, что Югославия будет, наоборот, перетянута в британский лагерь и при осуществлении греческой операции германских войск могут возникнуть серьезные осложнения. Но Берлин категорически отверг белградское пожелание объявить о всех предоставленных гарантиях публично, нехотя согласившись на публикацию лишь первых двух. Обнародование гарантий было очень важно для руководства Югославии, усматривавшего в этом возможность существенно уменьшить недовольство той весьма значительной части общества, которая выступала против присоединения к пакту.

¹ Петр – сын короля Александра I Карагеоргиевича, убитого в октябре 1934 г. в Марселе. Князя Павла Карагеоргиевича в нашей историографии традиционно принято именовать принцем-регентом.

Однако решительное германское возражение заставило Павла и Цветковича принять условие, что две последние гарантии, включая самую важную из всех – третью, считаются строго секретными [2. Dok. Вг. 66, 67, 72, 110].

В результате югославское общественное мнение осталось в неведении о полном содержании условий, на которых страна вступила в Тройственный пакт. Но и с теми данными Берлином и Римом гарантиями, о которых сообщить было можно, югославские средства массовой информации, в том числе правительственные, должным образом познакомить население почти не успели. Ибо возмущение подписанием венского протокола и протестные демонстрации сразу приняли весьма широкий характер и стремительно нарастали, а уже в начале ночи с 26 на 27 марта путчисты вступили в действие, и переворот в Белграде стал совершившимся фактом.

Впоследствии, при послевоенной коммунистической власти, в югославской историографии господствовала официозная тенденция изображать протест против присоединения Югославии к Тройственному пакту, как реакцию «широких слоев народа», «трудящихся масс» всей страны. Лишь ближе к концу коммунистического правления начала постепенно получать какое-то хождение, а в пост-югославской историографии вышла на первый план та более близкая к реальной истории картина мартовских событий 1941 г., которая прежде в известной мере отражалась в некоторой части эмигрантской мемуаристики и исторической публицистики. Эта картина, подтверждаемая многочисленными документальными данными, свидетельствует о том, что резко негативное отношение к вступлению Югославии в Тройственный пакт было главным образом характерно для значительной, если не преобладающей массы сербского населения. В других этносах многонациональной Югославии такая реакция разделялась, как правило, лишь их левоориентированными силами, а также частично теми или иными демократическими и либеральными кругами. Соответственно, протестные демонстрации и митинги вслед за известиями о подписании венского протокола стали возникать в основном в Сербии и других югославских регионах с сербским населением. Волне возмущения, очевидно, способствовало то отмеченное выше обстоятельство, что протестующие почти или вовсе не знали, на каких условиях руководство Югославии согласилось присоединиться к пакту. Как всегда, когда речь идет о довольно массовом, а тем более уличном движении, трудно с достаточной определенностью оценить его размеры, состав участников, непосредственный механизм его раскручивания. Официальная югославская историография в период коммунистического правления, как и советская историческая литература, изображали дело так, будто члены подпольной Коммунистической партии Югославии (КПЮ) и связанных с ней организаций играли чуть ли ни иницилирующую и руководящую роль в этом движении. В действительности коммунисты стали активно участвовать в нем, но в основном движение было скорее стихийным сербско-патриотическим протестом. Ему симпатизировала, а где-то его и подогревала немалая часть сербских политиков из основных партий, составлявших легальную оппозицию, деятели Сербского культурного клуба (СКК), представлявшего собой влиятельную организацию сербской «национально ориентированной» интеллектуальной и отчасти чиновной элиты, Сербская православная церковь (о развертывании движения см., в частности, документы в [4. S. 242–243, 255–265]).

Настроения, выразившиеся начавшимся движением, в том или ином виде разделяла значительная часть офицерского корпуса, в подавляющем большинстве сербы. В такой общественной обстановке и произошел в ночь с 26 на 27 марта военный переворот. Он был осуществлен несколькими расквартированными в Белграде воинскими частями, командирами которых являлись офицеры, участвовавшие в заговоре, под общим руководством командования военно-воздушных

сил. Пutschисты отстранили от власти регентство во главе с Павлом и сместили правительство Цветковича – Мачека. На престол был – неожиданно для него самого – возведен за полгода до установленного срока (достижения 18 лет, т.е. совершеннолетия) наследный принц Петр Карагеоргиевич, ставший королем Петром II. Реальная власть оказалась в руках командующего ВВС генерала армии Д. Симовича, который стал премьер-министром и в первые же часы после переворота сформировал новое правительство. Все руководство путчистов и почти весь офицерский, унтер-офицерский и рядовой состав частей, осуществивших переворот, были сербскими, а предпринятая ими акция созвучна настроениям протеста против присоединения к пакту, которые распространились в сербском обществе. Так что произошедшее представляло собой, в сущности, сербский военный переворот.

Он был фактически бескровным (погиб один человек), участвовавшие в нем части в течение пары ночных часов заняли все основные государственные учреждения в Белграде и окружили королевскую резиденцию, не встретив почти никакого серьезного сопротивления. Хотя круг военных заговорщиков был совсем невелик, им удалось увлечь находившиеся под их командованием части, уверяя, что они действуют в соответствии с интересами и по распоряжению «короля Петра II», в целях защиты его, народа и страны от опасности. Подобные уверения воспринимались теми, кому участники заговора отдавали в ночь переворота приказы о проведении операции, как знак того, что в ответ на осуждаемое сербами присоединение к Тройственному пакту престолонаследник решил взять власть в свои руки, чтобы спасти страну от подчинения ненавистой «оси». А сами приказы путчистов, таким образом, выглядели легитимными и встречались как желанные (см., например, [4. S. 353–355; 5. С. 24, 25]). Аналогичный эффект, но на гораздо более широкую массу как военнослужащих, так и сербского гражданского населения произвело составленное руководителями переворота опять-таки от имени «короля Петра II» воззвание к «сербам, хорватам и словенцам», которое с раннего утра 27 марта передавалось по радио. В том числе его читал перед микрофоном и один молодой офицер, чей голос был похож на голос Петра. В воззвании говорилось, что «в этот тяжелый для нашего народа момент» Петр решил взять королевскую власть в свои руки, регенты подали в отставку, армия и флот выполняют приказы короля и что он «доверил мандат для формирования нового правительства генералу армии Душану Т. Симовичу». Сам Петр с изумлением узнал обо всем этом из радиопередачи. А подписал он подобные распоряжения по требованию Симовича лишь к вечеру 27 марта, после того, как принц-регент Павел Карагеоргиевич, в ночь переворота отсутствовавший в Белграде, был туда возвращен и вынужден подать в отставку [4. S. 375–377, 390]².

О непосредственном осуществлении переворота его участники и те, кто был ими отстранен от власти, писали впоследствии немало (см., например, [4. S. 349–364, 367–372, 375–377; 5–7]). Однако при этом остается неясным, когда и как возникла организация заговорщиков, как она развивалась, какие политические и военные планы разрабатывались и обсуждались будущими путчистами, кто и какие практические функции осуществлял на протяжении всего периода замыслов и подготовки переворота. Крайне противоречивы даже сведения о том, кто стоял во главе организации заговора: Симович и его заместитель по командованию югославскими ВВС бригадный генерал Б. Миркович в своих воспоминаниях оспаривали эту роль друг у друга [4. S. 351–353; 5. С. 16–28]³. Из мемуаров Симовича и особенно Мирковича создается впечатление, что заговорщики представляли со-

²Павел был тут же отправлен в Грецию, а оттуда англичанами – в Кению, где содержался фактически под домашним арестом.

³Различные версии и свидетельства по этому поводу обсуждаются в историографии уже длительное время, см. в частности [8].

бой сравнительно небольшую группу офицеров, спонтанно складывавшуюся на основе личных взаимоотношений, без определенно структурированной организации. И решение о перевороте было делом исключительно кого-то из этих двух генералов или их обоих [5. С. 14–21; 9. Л. 179–181].

В историографии и особенно в публицистике встречаются лишённые достаточно убедительных доказательств утверждения или, скорее, всего лишь предположения о взаимодействии руководителей заговора с оппозиционными сербскими партиями, с деятелями СКК (см., в частности [10]). И неизменно фигурирует ставший традиционным тезис о связи заговорщиков с британскими спецслужбами, вплоть до того, что последние, согласно некоторым версиям, были чуть ли ни инициаторами осуществления переворота и даже платили его исполнителям (например, [11; 12. С. 52–53; 13. С. 236]). В югославской историографии уже в позднекоммунистический период стали появляться и отдельные предположения, что советские спецслужбы, возможно, тоже были в курсе подготовки переворота, а то и повлияли в известной мере на нее [3. С. 460–461; 14. С. 16]. В изданных уже в постсоветское время мемуарах П.А. Судоплатова, являвшегося в 1941 г. заместителем начальника разведуправления Народного комиссариата государственной безопасности СССР, утверждалось, что представители советских разведслужб, в соответствии с решением Кремля, «активно поддерживали» проведение военного переворота в Югославии, ибо советское руководство, по словам Судоплатова, надеялось, что новое югославское правительство, враждебное «оси», могло бы своей политикой затруднить и тем самым затянуть ожидавшуюся германскую, точнее – германо-итальянскую операцию против Греции, а это оттянуло бы возможность нападения Гитлера на СССР [15. С. 136–137; 16. С. 129–130].

Однако в известных до сих пор документах югославского происхождения нет никаких конкретных фактических данных о причастности к перевороту ни сербских партий или СКК, ни британских или советских спецслужб. Не видно этого и из мемуаров путчистов. В частности, как Симович, так и Миркович утверждали, что хотя у них были контакты с британскими военно-дипломатическими представителями, однако путч готовился без какого-либо сотрудничества и связи с англичанами. Симович упоминал также о том, что в общем плане обсуждал с единичными сербскими политиками возможность военного переворота, но никого из них не посвящал в какие-либо конкретные шаги, а политические партии и организации не были причастны к организации и осуществлению заговора [5. С. 21, 33–35; 9. Л. 166–169]. Пока не известны и какие-либо советские документы, в которых бы содержались данные о советской причастности к перевороту. А утверждения Судоплатова о такой причастности лишены какой бы то ни было конкретики о том, какую же роль советская разведка при этом играла и с кем именно она была связана в Белграде. Что же касается английских документальных материалов, ставших к настоящему времени доступными, то из них следует, что британские спецслужбы еще задолго до путча поддерживали контакт с оппозиционными политике сотрудничества с «осью» сербскими деятелями и группировками как в политических партиях, так и среди офицерства и части генералитета. Эти документы содержат сведения о том, что, по крайней мере, с начала третьей декады марта 1941 г., когда стало очевидным окончательное решение Белграда о предстоящем присоединении к Тройственному пакту, Лондон, его дипломаты и сотрудники спецслужб, работавшие в Югославии, приступили к рассмотрению возможности подтолкнуть такого рода группировки, прежде всего в армии, к срочному проведению переворота. А с 24 марта 1941 г. британская политика стала решительно ориентироваться именно на такую акцию. Причем англичане знали о подготовке путча, происходившей под руководством то ли Симовича, то ли Мирковича, и контактировали с обоими генералами [17. Dok. 342–343. S. 681–683; Dok. 351. S. 692; Dok. 356. S. 698; Dok. 358–360. S. 700–

703; Dok. 363. S. 706–707; Dok. 366. S. 711–713; 18]. Из названных английских источников разные исследователи делали неодинаковые выводы [19. P. 91–93; 20–22; 23. P. 25–29, 43–50]. Но сам фактический материал этих источников по-прежнему оставляет довольно неясным, насколько британская сторона взаимодействовала с заговорщиками и действительно ли она практически повлияла на то, чтобы они осуществили переворот.

Между тем, какими бы ни были тайный механизм подготовки и закулисные факторы осуществления путча, сам переворот, насколько можно судить по документальным данным, был с энтузиазмом встречен преобладающей частью сербов. Об этом свидетельствовали многолюдные манифестации, состоявшиеся 27 марта почти везде в Сербии и в других регионах с заметным сербским населением. Особенно впечатляющими были манифестации в Белграде, где они приняли грандиозный по югославским масштабам размах. В них, как и в демонстрациях и митингах, начавшихся еще перед переворотом, преобладал массовый взрыв сербско-патриотических чувств, которыми отвергалось присоединение к Тройственному пакту и приветствовалось свержение тех, кого считали виновными, – регентства и правительства Цветковича – Мачека.

В этих чувствах переплетались разные душевные порывы и политические устремления. Многими, если не большинством, прежде всего обычным «человеком с улицы», в том числе массой приверженцев правившей сербской королевской династии как олицетворения «своего» государства, уступка германскому диктату воспринималась как несовместимое с национальной честью подчинение врагам и измена союзникам по драматической для Сербии эпопее Первой мировой войны, память о которой в сербском массовом сознании запечатлелась в ореоле героизма. А для людей антифашистских убеждений, либеральной и гражданско-демократической ориентации или умеренно левых настроений это чувство совмещалось с ощущением недопустимого позора, каким в их глазах явилось присоединение страны к лагерю нацизма и фашизма. Те и другие воспринимали переворот как желанный отказ от присоединения к Тройственному пакту. Что же касалось левых радикалов, главным образом коммунистов, то в их рядах как сербы, так и несербь реагировали на путч одинаково, поскольку это определялось не их этнической принадлежностью, а политической ориентацией. Для них переворот был лишь началом, которым следовало воспользоваться в целях развертывания борьбы за революционные или хотя бы частично революционные внутриполитические изменения, за «народную власть», а во внешней политике – за тесный союз с СССР. В сербском обществе идея союза с СССР как фактора, способного содействовать защите Югославии от опасности со стороны «оси», разделялась и заметной частью некоммунистов из числа тех, кто приветствовал переворот. Для многих это было скорее выражением традиционной ориентации на Россию. Но у части сторонников путча просоветские призывы не встречали поддержки и даже могли вызывать негативную реакцию ввиду отрицательного отношения к большевизму и Советскому Союзу. Эта пестрота взглядов тех, кто приветствовал переворот, видна, в частности, из ряда свидетельств о демонстрациях и митингах в Белграде (см., например, [4. S. 424–427])⁴.

Однако энтузиазм сербских масс по поводу победы путча был вызван не только тем, что они отвергали присоединение к Тройственному пакту. Нынешняя историография фактически во всех постюгославских странах чуть ли ни единодушно – хотя с совершенно разными и даже полярными оценками – констатирует, что упомянутые массы в большинстве воспринимали переворот как ликвидацию

⁴ Вместе с тем, информация советского полпредства в Белграде рисовала картину, согласно которой на демонстрациях призыв к союзу с СССР был чуть ли ни основным наряду с лозунгом против Тройственного пакта [24. Док. № 12. С. 19].

режима, не только внешняя, но и внутренняя политика которого являлась в их глазах враждебной интересам сербов. В отношении внутренней политики такое восприятие было связано главным образом с созданием в конце августа 1939 г. хорватской автономии.

До образования этой автономии административное деление Югославии не основывалось на этническом принципе. Наоборот, с 1929 г. страна делилась на девять крупных административных регионов – бановин, границы между которыми намеренно были проведены таким образом, что почти все регионы не совпадали с этническими территориями либо традиционно-историческими землями. Подобная территориально-административная конфигурация являлась результатом стремления сербского руководства Югославии, сделавшего выбор в пользу централистско-унитаристской модели государства, подавить тенденции этнического либо регионального автономизма, а тем более сепаратизма. И прежде всего – воспрепятствовать данному рода тенденции среди хорватов, после сербов второго по численности этноса в стране, составлявшего около четверти ее населения. Между тем в течение периода между двумя мировыми войнами хорватский этнос развивался под знаком сильнейшего национального движения, которое, наоборот, было направлено против созданной централистско-унитаристской государственной модели Югославии с сербским доминированием во власти. Это противостояние, выступавшее в виде сербско-хорватского противоречия, занимало в межвоенное двадцатилетие чуть ли ни центральное место на югославской политической сцене, периодически угрожая кризисом. В самый канун Второй мировой войны, в обстановке опасений, что надвигающаяся схватка в Европе может сделать и Югославию объектом агрессии, принц-регент Павел Карагеоргиевич, руководивший тогда страной, и Мачек, стоявший во главе Хорватской крестьянской партии (ХСС – *Hrvatska seljačka stranka*), которая являлась самой массовой и неоспоримо влиятельной политической силой хорватского общества, предприняли решительный шаг по урегулированию хорватского вопроса и тем самым укреплению внутреннего положения югославского государства. 26 августа 1939 г. в результате соглашения, заключенного с санкции Павла премьер-министром Цветковичем и Мачеком, было объявлено о создании Бановины Хорватия, которая наделялась определенными автономными прерогативами. ХСС перешла из оппозиции в правящий лагерь, в руки ее руководства была передана, по сути, основная власть в Бановине Хорватия, представители ХСС получили министерские посты в правительстве Югославии, а Мачек стал вице-премьером.

Однако соглашение Цветковича – Мачека вызвало возмущение и острую критику со стороны весьма большой, если ни вообще преобладающей части сербских политических и общественных сил. Одни из них были просто категорическими противниками введения всякой автономии, будь то хорватской или любой иной. Но и другие, кто составлял большинство, все-таки проявлявшее в той или иной мере готовность допустить предоставление какого-то автономного статуса Хорватии, тем не менее решительно осуждали тот факт, что это было сделано лишь в отношении хорватов, без одновременного предоставления такого же статуса сербам, а также словенцам⁵. Не менее негативную реакцию вызывало то, какая территория была соглашением Цветковича – Мачека отнесена к Бановине Хорватия. Протест касался включения в нее значительных районов с этнически смешанным – и хорватским, и сербским (а также мусульманским) – населением как в самой Хорватии, так и в Боснии и Герцеговине, Среме. Силы, позиционировавшие себя ревнителями сербских интересов, настаивали на их включении в

⁵ Речь шла лишь об этих трех этносах, официально признававшихся в качестве государствообразующих составных национальных элементов Югославии. Прочие этносы либо не признавались, либо рассматривались как меньшинство, не имевшие права претендовать на какой-либо особый управленческий и территориально-административный статус.

сербскую автономную единицу, которая должна быть тоже создана. А решения, содержащиеся в соглашении Цветковича – Мачека, характеризовались как анти-сербские. В таком духе с конца августа 1939 г. и вплоть до марта 1941 г. вели активную широкую пропаганду основные сербские оппозиционные партии, СКК, различные сербские общественные и культурно-просветительные организации, Сербская православная церковь, многие средства массовой информации. Сербов призывались к сплочению для отстаивания своих национальных прав и интересов, которым, как следовало из этой пропаганды, угрожала политика, проводившаяся принцем Павлом и правительством Цветковича – Мачека (о соглашении Цветковича – Мачека и реакции на него см. подробнее [25. С. 176–189]).

В итоге в большей части сербского общества сложилось крайне отрицательное отношение к регентству и правительству, особенно лично к Павлу, как к носителям внутренней политики, враждебной сербам. У этих общественных слоев, 27 марта 1941 г. с энтузиазмом приветствовавших произведенный переворот, он порождал естественные ожидания, что смена власти повлечет отмену соглашения Цветковича – Мачека и хорватской автономии, во всяком случае, с теми границами Бановины Хорватия, которые были соглашением установлены. А что касалось внешнеполитического аспекта, то при всей неодинаковости конкретных устремлений тех, кто приветствовал свержение регентства и правительства Цветковича – Мачека, все они были более или менее едины в убеждении, что произошедшее означает аннулирование присоединения Югославии к Тройственному пакту. Однако и по поводу пересмотра соглашения Цветковича – Мачека, и даже по поводу аннулирования венского протокола, ради чего как будто и был совершен переворот, новое руководство страны на самом деле оказалось перед более чем сложной дилеммой.

Выше уже отмечалось, что известные до сих пор документы не содержат достаточно внятных сведений о том, какие рассчитанные на перспективу политические планы строились руководителями заговора в ходе подготовки переворота. И во внутренней, и во внешней политике. В том числе мы не знаем, как в самый канун путча те, кто возглавлял его, представляли себе действия, которые в случае своего успеха им следует предпринять в отношении протокола, подписанного в Вене 25 марта.

Если верить мемуарным источникам, генерал Симович, решительно выступавший против присоединения к Тройственному пакту еще до 25 марта, отстаивал тогда свою позицию и во время нескольких аудиенций у Павла и Цветковича. Он им даже, по сути, угрожал, заявляя, что в случае, если присоединение все-таки произойдет, могут вспыхнуть антиправительственные выступления народа и воинских частей. А на вопрос Павла о том, как же быть, коль скоро при отказе от присоединения последует нападение «оси» на Югославию, генерал дал ответ, что надо воевать. Но уточнил, что поскольку югославская армия вряд ли будет в состоянии долго оказывать фронтальное сопротивление врагу, единственным способом ведения войны сможет быть комбинация партизанских действий, которые будет вести в горах одна часть вооруженных сил, с отступлением другой, более крупной части армии в Грецию, чтобы там повторить опыт создания салоникского фронта, опробованный в Первой мировой войне. При этом Симович особо указывал на необходимость нападения югославской армии на итальянские войска в Албании, чтобы обеспечить свое положение с юга и прочную связь с Грецией и одновременно захватить значительные итальянские военные запасы. И подчеркивал (возможно, располагая какими-то сведениями на сей счет), что уверен в последующем нападении Гитлера на СССР, в результате чего Германия окажется в тяжелом положении, а затем потерпит поражение, будучи не в состоянии противостоять Англии, Советскому Союзу и США [9. Л. 171–176] (см. также [4. S. 231; 26. S. 191–196; 27. P. 214–215]). Как раз такая перспектива, очевидно,

должна была, по мысли Симовича, привести к восстановлению югославской независимости, если бы независимость оказалась временно утеряна в результате возможного нападения «оси» на Югославию. Этим расчетом, как можно понять, и определялась радикалистская настроенность генерала на то, чтобы, в противоположность опасениям принца-регента и правительства Цветковича – Мачека, идти на риск военного столкновения с «осью».

Но реализация подобных радикалистских замыслов начала буксовать, как только руководство переворота сразу же после одержанной победы само столкнулось с практической необходимостью принятия конкретных политических решений. Это сказалось уже при первом шаге победителей – образовании 27 марта нового правительства, которому и предстояло воплотить в жизнь замыслы путчистов.

Как сиюминутные интересы упрочения власти, установленной переворотом, так и более принципиальные насущные задачи усиления страны, ее сплочения и военной готовности перед лицом внешней угрозы ставили Симовича перед необходимостью формирования правительства, способного опереться на влиятельные политические силы всех основных этнических компонентов, представленных на югославской политической сцене: сербов, хорватов, словенцев и мусульман. Круг такого рода сербских сил, привлеченных новым премьером, был довольно широк. В него входили почти все сербские партии, оппозиционные предыдущей власти либо перешедшие в оппозицию к ней из-за присоединения к Тройственному пакту (Демократическая, Народная радикальная, Независимая демократическая партии, Союз земледельцев, сербское руководство Югославской национальной партии) и СКК. А потому генерал мог позволить себе, чтобы среди одобренных им кандидатур от этого круга не было ни одного из членов только что отстраненного от власти кабинета, согласившихся с присоединением к Тройственному пакту. Но в отношении тех, кто мог бы войти в правительство в качестве хорватских, словенских и мусульманских представителей, Симовичу пришлось пойти на противоположное решение. Ведущими, наиболее влиятельными политическими силами хорватов, словенцев и мусульман являлись, соответственно, ХСС, Словенская народная партия (*Slovenska ljudska stranka* – СЛС) и Югославская мусульманская организация (ЮМО), которые были представлены и в свергнутом правительстве. Первые две из них в кабинете Цветковича – Мачека прямо поддержали присоединение к Тройственному пакту, а третья не выступила против присоединения, тем самым молчаливо согласившись с ним. И хотя их позиции не изменились к 27 марта, путчистский премьер сам немедленно предложил этим партиям войти в его правительство, причем особо стремился к тому, чтобы Мачек вновь стал вице-премьером, на сей раз первым из двух. В этой связи генерал, вопреки ожиданиям некоторых сербских политиков, что новое правительство ревизует соглашение Цветковича – Мачека, сразу же указал на сохранение соглашения и даже пошел затем на некоторое расширение автономных прав Бановины Хорватия. В итоге в сформированном 27 марта правительстве Симовича, насчитывавшем 22 человека, восемь мест, т.е. свыше трети, включая пост первого вице-преьера, оказалось отведено тем же представителям ХСС, СЛС и ЮМО, которые были членами только что свергнутого кабинета, согласившегося на присоединение Югославии к Тройственному пакту [4. S. 391–393, 484–486, 490].

Уже в силу этого вопрос об аннулировании венского протокола не мог быть практически решен новым правительством. Более того, судя по кратким записям правительственных заседаний в первые дни после переворота, такой вопрос даже не поднимался. А тема членства Югославии в Тройственном пакте ставилась на упомянутых заседаниях совершенно противоположным образом: в то время как одни министры, в том числе и новый министр иностранных дел М. Нинчич, считали, что с целью смягчения реакции «оси», прежде всего Берлина, на произошедший переворот необходимо заявить о продолжении внешней политики прежнего

правительства, включая сохранение в силе протокола о присоединении к пакту, другие министры считали, что этого делать не следует. Ввиду непреодолимой разницы во мнениях было решено отказаться от первоначально намечавшегося обнародования общей политической декларации правительства и ограничиться лишь заявлением премьер-министра [4. S. 485–488]. Однако и сам Симович испытывал серьезные колебания по поводу того, какую позицию следует занять по вопросу о пакте. Судя по имеющимся данным, генерал, разговаривая вечером 27 марта с германским посланником, предпочел избегать прямого высказывания на сей счет, но, подобно Нинчичу, беседовавшему с тем же посланником несколькими часами раньше, стремился сделать акцент на том, что переворот обусловлен прежде всего внутриюгославскими причинами [3. S. 511–512]. Однако вскоре Симович и, видимо, ряд других членов правительства, первоначально настроенных против присоединения Югославии к Тройственному пакту, склонились к необходимости того, чтобы официально признать присоединение как совершившийся факт. И 30 марта Нинчич сообщил германскому и итальянскому посланникам, что «югославское правительство остается верным принципу уважения международных договоров, к которым относится и договор с протоколом, подписанным 25 марта в Вене» [17. Dok. 382. S. 731; 28. S. 464].

Правда, данный шаг, о котором Белград проинформировал все свои дипломатические представительства за границей, был предпринят как тактический. Его главная цель, как объясняли 30 марта Симович и Нинчич британскому посланнику, состояла в том, чтобы, по возможности, избежать нацистской агрессии или, по крайней мере, максимально оттянуть ее для получения большего времени на подготовку Югославии к войне. А кроме того он был призван ублаготворить ХСС, руководство которой было категорически против аннулирования венского протокола, считая, что это несомненно спровоцирует нападение Германии [17. Dok. 382. S. 731; Dok. 383. S. 733]. Но тем самым Симович и возглавляемое им правительство, в сущности, стали руководствоваться тактикой, которая была аналогична той, к какой прибегли только что отстраненные от власти путчистами Павел и правительство Цветковича – Мачека.

Насмешка истории состояла еще и в том, что в упомянутой беседе с британским посланником Симович подчеркивал: признавая присоединение к Тройственному пакту как совершившийся факт, югославская сторона на практике «не будет применять» свое участие в пакте [17. Dok. 382. S. 731]. Однако в действительности «применять» было вообще нечего. Ибо условия присоединения к пакту, зафиксированные в приложенных к венскому протоколу письмах, которыми обменялись 25 марта Риббентроп и Чиано с Цветковичем, не предусматривали, как уже отмечалось выше, фактически никаких конкретных, а тем более военных обязательств Югославии, так что само присоединение носило символический характер. Как можно понять, ни организаторы путча, ни с воодушевлением приветствовавшие его сербские политики – не говоря уж о народных массах – ничего не знали об этих условиях и, подхваченные волной национальной экзальтации, едва ли хотели узнать. А теперь, когда переворот был совершен, Симович и включенные в его правительство противники присоединения к пакту, столкнувшись с проблемами, стоявшими перед Павлом и предыдущим правительством, сами пришли к необходимости делать то же самое, что их предшественники. Более того, они, и в частности лидер СКК С. Йованович, ставший вторым вице-премьером в правительстве Симовича, согласно некоторым мемуарным свидетельствам, уже после переворота ознакомившись с тайными условиями присоединения к пакту, сочли их вполне приемлемыми [29. P. 62; 30. S. 22]. Если верить подобным свидетельствам, Нинчич и вовсе сказал: «Господа, из-за этого не нужен был путч!», на что присутствовавший Йованович не возразил [31. С. 239].

Боясь спровоцировать Берлин и стремясь, наоборот, к смягчению его позиции, новое югославское руководство всячески оттягивало решение о всеобщей мобилизации, хотя и стало проводить, по возможности, скрытно некоторые мероприятия по усилению обороноспособности страны и повышению мобилизационной готовности. На заседании правительства 29 марта было решено пока мобилизацию не объявлять, но продолжить ее полную подготовку [4. S. 488]. Вместе с тем оно пыталось начать переговоры с Муссолини, чтобы тот выступил посредником в налаживании отношений Югославии с Германией. При этом Симович стремился использовать опасения Рима, что в случае, если Югославия окажется перед лицом агрессии со стороны государств «оси», югославская армия тут же нанесет удар по итальянским войскам в Албании, для которых это могло бы иметь очень тяжелые последствия [2. Dok. Br. 129. S. 358; 3. S. 515–517, 518–519; 4. S. 488, 489]. Но усилия Белграда сыграть на этом для того, чтобы добиться итальянского посредничества в отношениях Югославии с Германией, ни к чему в итоге не привели. И привести не могли, так как уже 27 марта, получив информацию о произошедшем под руководством Симовича перевороте, Гитлер принял решение о нападении на Югославию.

Восприняв переворот как пощечину, полученную на глазах всего мира, фюрер вознамерился наказать за это Югославию. Ее было намечено подвергнуть жестокому военному удару, оккупации и расчленению. Югославская государственность подлежала ликвидации. Нападение на Югославию, которое было намечено осуществить одновременно с нацистским нападением на Грецию, предусматривалось провести не только германскими силами, но также при участии войск Италии и Венгрии и с использованием территории Болгарии [2. Dok. Br. 125–126. S. 342–350]. 30–31 марта в качестве даты нападения было определено ориентировочно 5 апреля, а вслед затем окончательно – 6 апреля [2. Dok. Br. 132. S. 372; Dok. Br. 134. S. 383; Dok. Br. 135. S. 385; Dok. Br. 147. S. 451].

Решение Гитлера было секретным и, если судить по некоторым мемуарным утверждениям, первые агентурные сведения о нем были получены югославским руководством, по крайней мере, 2 апреля и затем повторялись [32. S. 157–158]. А до их получения и, видимо, даже после Симович надеялся на возможность предотвратить нападение или хотя бы оттянуть его политико-дипломатическими средствами.

По этой причине путчистский премьер повел себя более чем сдержанно, когда британское правительство, приветствовавшее переворот 27 марта, сразу же стало добиваться подключения Белграда к своим планам прямого военного противостояния Германии и Италии. Он отказался от предложенного англичанами визита британского министра иностранных дел А. Идена в югославскую столицу. А тайные переговоры, которые 31 марта – 2 апреля вел в Белграде с Симовичем и югославскими военными руководителями начальник британского имперского генштаба генерал Дж. Дилл, не дали реальных результатов. Так же, как их не дали и продолженные затем в районе югославо-греческой границы переговоры югославских военных представителей с командованием британских сил в Греции и греческим командованием. Англичане хотели конкретных и быстрых югославских действий против итальянских войск и концентрации югославских сил вблизи районов предполагаемого германского наступления на Грецию. Югославская же сторона не хотела брать на себя серьезных обязательств и, добиваясь выяснения возможностей получения эффективной британской военной поддержки в случае нападения «оси» на Югославию, была разочарована скромными обещаниями англичан [2. Dok. Br. 137–138. S. 398–404; Dok. Br. 142. S. 431–438; 4. S. 555; 17. Dok. 369. S. 715; Dok. 377. S. 723; Dok. 382. S. 731].

Британским предложениям Симович предпочел более, как ему, вероятно, казалось, тактически выгодный ход: попытку заручиться советским содействием.

В своих мемуарах он писал, что сразу после переворота передал через временного поверенного в делах СССР В.З. Лебедева устное предложение Москве заключить договор о взаимопомощи [9. Л. 191]. Хотя документов, которые бы фиксировали этот шаг, в распоряжении исследователей нет, но на состоявшейся утром 30 марта встрече с руководством полпредства СССР новый министр армии и флота генерал Б. Илич, ставший ближайшим сподвижником Симовича, уже официально изложил советским представителям то же самое предложение, причем из советской записи их беседы видно, что этому предшествовала предварительная договоренность о встрече и советские участники знали, с какой целью она организована [24. Док. № 10. С. 17–18]. Примечательно, что еще накануне, вечером 29 марта, в ответ на полученное генеральным секретарем Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г. Димитровым от генерального секретаря КПЮ Й. Броза Тито по тайной радиосвязи сообщение о настоятельном отношении руководства КПЮ к правительству Симовича и решении организовать «всенародный нажим» на это правительство с требованием аннулировать присоединение к Тройственному пакту и немедленно заключить пакт о взаимопомощи с СССР, В.М. Молотов, по указанию И.В. Сталина, поручил Димитрову «посоветовать югославским товарищам» прекратить организацию уличных демонстраций. И соответствующую директиву Димитров тут же послал лидеру КПЮ [33. Док. 164. С. 518; Док. 166. С. 519–520; 34. S. 300; 35. Ф. 495. Оп. 74. Д. 599. Л. 8; 36. С. 223]. В самой директиве генсека ИККИ это указание обосновывалось необходимостью «не забегать вперед» и не рисковать силами КПЮ. Однако очевидно, что причиной указания Сталина были как раз обращение Симовича и намеченная – несомненно, с санкции Кремля, извещенно-го об этом обращении, – встреча руководства полпредства с Иличем.

Из чего исходил югославский премьер, можно судить на основании того, о чем на упомянутой встрече сказал Илич: югославское руководство рассчитывает путем заключения военно-политического союза с СССР получить вооружение, необходимое для повышения обороноспособности страны, и с помощью демаршей, которые бы советская сторона предприняла в Берлине, вынудить Германию и ее союзников по «оси» воздержаться, хотя бы на время, от нападения на Югославию [24. Док. № 10. С. 18]. Из документов видно, что Симович, как и накануне переворота, был уверен в скорой нацистской агрессии против СССР. С этого он, в частности, начал на заседании правительства 29 марта характеристику внешнеполитической ситуации [4. S. 488]. Но премьер-министр, очевидно, полагал, что до тех пор, пока третий рейх еще не окончательно готов к этой агрессии, Гитлер не заинтересован в преждевременном осложнении с Кремлем, с которым пока изображались прежние отношения своеобразного альянса. А потому в случае весомой демонстрации Москвы в поддержку Белграда можно ожидать, что фюрер предпочтет подождать с нападением на Югославию. И это позволит ей выиграть время, чтобы с военно-технической помощью той же Москвы лучше подготовиться к обороне. К тому же Симович не сомневался, что несмотря на вероятные крупные успехи гитлеровской военной машины в предстоявшей советско-германской войне, вплоть до возможной оккупации европейской части СССР, в итоге немецкие армии потерпят там поражение [4. S. 488]. Тем самым отсрочка нападения на Югославию должна была, в его глазах, повысить югославские шансы на то, чтобы попытаться избежать катастрофы. Видимо, по этой причине глава югославского правительства очень торопился: уже через несколько часов после упомянутой встречи советских дипломатов с Иличем Симович передал через полпредство правительству СССР предложение немедленно назначить представителей обеих сторон для переговоров на предмет заключения договора и предпринять практические шаги для быстрой организации переговоров в Белграде или Москве [24. Док. № 11. С. 19].

Торопилась и советская сторона. На следующий же день, 31 марта, Молотов телеграфировал о согласии на немедленный прием югославской делегации в Москве. Ее главой Симович назначил посланника в СССР М. Гавриловича, ставшего одновременно министром без портфеля в новом правительстве. Два других члена делегации – Б. Симич и один из руководящих участников путча полковник Д. Савич – тайно вылетели из Белграда 1 апреля и 2-го прибыли в Москву [24. Док. № 13. С. 20; Док. № 19. С. 25; Док. № 22. С. 27]. 3 апреля там начались переговоры с югославской делегацией, которые с советской стороны вел первый замнаркома иностранных дел А.Я. Вышинский. То, что очень торопились обе стороны, свидетельствовало об их обоюдном стремлении упредить возможное нападение «оси» на Югославию и поставить Берлин перед совершившимся фактом. Из этого можно заключить, что расчеты Кремля во многом были сходны с расчетами Симовича: советско-югославское соглашение должно было вынудить Гитлера к хотя бы временной сдержанности в отношении Югославии.

Нараставшие с каждым днем симптомы германской угрозы заставили Симовича уже в первый день московских переговоров, к вечеру 3 апреля, спешно передать в Белграде через советское полпредство просьбу Сталину и Молотову, чтобы с целью «остановить немецкую интервенцию или во всяком случае дать Югославии время закончить мобилизацию» была предпринята, не дожидаясь подписания советско-югославского договора, «срочная моральная помощь в виде сильного демарша СССР в Берлине». Одновременно, он заявил о югославской готовности «немедленно принять на свою территорию любые вооруженные силы СССР, в первую очередь авиацию» [24. Док. № 21. С. 27]. Реализация такого предложения должна была стать демонстративным военным подкреплением предостережения Гитлеру воздержаться от удара по Югославии. В свете этих тайных шагов Симовича выглядят более чем спорными мемуарные и историографические версии о якобы непонимании или, по крайней мере, недооценке им стремительно приближавшейся опасности нападения и непринятии необходимых мер. Его названные выше усилия свидетельствуют скорее о том, что он осознал остроту ситуации, в которой страна оказалась, но не видя возможностей собственными силами противостоять нависшей угрозе, возлагал основную надежду на советскую политическую и военную помощь, способную, как он полагал, обеспечить передышку и дать подготовиться к более эффективной обороне.

Расчеты Симовича во многом стимулировались тем, что советское согласие на срочные переговоры в Москве он воспринял как выражение готовности Кремля к заключению того тесного военно-политического союза, который был предложен советской стороне самим югославским премьером сразу после переворота, а затем 30 марта Иличем [37. Вох 32. Folder 3. Gavrilović – МПР, 4.04.1941, Str. Pov. Br. 169]. Именно с этими предложениями югославская делегация и начала 3 апреля московские переговоры, вручив Вышинскому соответствующие проекты договора между Югославией и СССР «о дружбе и союзе» и военного соглашения (военной конвенции) к нему. Проекты предусматривали, что в случае нападения на одну из двух стран другая незамедлительно окажет ей помощь всеми своими вооруженными силами [38. Док. 744. С. 515; 39. Ф. 07. Оп. 2. П. 13. Д. 77. Л. 1–5]. По сути, имелось в виду, чтобы СССР взял в тот момент Югославию под полную и гарантированную военную защиту.

Но впечатление Симовича, что советское согласие на переговоры означает и принятие югославского предложения о военно-политическом союзе, было ошибочным: в телеграмме Молотова Лебедеву 31 марта с поручением передать югославам, что правительство СССР готово к немедленным переговорам, вообще не

упоминалось, о чем переговоры будут вестись [24. Док. № 13. С. 20]⁶. И на самих переговорах в Москве, происходивших 3–4 апреля, советская сторона отвергла югославские проекты, прямо указав, что их подписание немедленно повело бы к слишком нежелательному осложнению между СССР и Германией. Взамен правительство СССР предложило комбинацию, предусматривавшую заключение лишь договора о дружбе и ненападении, но с одновременной негласной договоренностью о снабжении югославской армии вооружением. Делегация Югославии неохотно, но приняла это. Ибо считала важным советское обещание о тайных поставках вооружения и рассчитывала на то, что предусмотренное советским проектом договора взаимное обязательство не оказывать никакой помощи государству, которое бы напало на какую-либо из стран-участниц договора, заставит Гитлера опасаться, что в случае агрессии против Югославии Германия лишится снабжения горючим из СССР. Однако после того как Молотов 4 апреля уведомил германского посла в Москве о подписании советско-югославского договора, намеченном на вечер того дня, а посол недвусмысленно дал понять, что это вызвало бы отрицательную реакцию в Берлине, Кремль в стремлении ослабить такую реакцию изменил свой собственный проект договора, понизив предусмотренные в нем обязательства до уровня взаимного соблюдения нейтралитета. Гаврилович сначала посчитал необходимым согласиться и на это, но затем, спохватившись, югославская делегация заявила о несогласии с формулой о нейтралитете и сообщила о случившемся в Белград. Подписание договора вечером 4 апреля не состоялось. А Гаврилович в Москве и югославское правительство через полпредство СССР в Белграде пытались убедить советское руководство, что упоминание о нейтралитете как основе политики, которой будет придерживаться СССР, если Югославия подвергнется нападению, может лишь поощрить Германию к агрессии [24. Док. № 25. С. 30; Док. № 30. С. 34; 38. Док. 743. С. 514–515; Док. 745. С. 516–518; Док. 746. С. 518–520; 37. Vox 32. Folder 3. Gavrilović – MIP, 4.04.1941, Str. Pov. Br. 169, 170].

В итоге Сталин, то ли вняв их доводам, то ли стремясь быстрее устранить возникшее препятствие к заключению договора, согласился отказаться от формулы о нейтралитете. И под утро 6 апреля договор, датированный 5 апреля, был подписан. В нем говорилось, что если на одну из договаривающихся сторон нападёт третья государство, другая договаривающаяся сторона «обязуется соблюдать политику дружественных отношений» к той, которая подверглась агрессии [24. Док. № 26. С. 30–31; Док. № 28. С. 32; Док. № 30. С. 33–34] (см. подробнее [41. С. 488–492]). А на импровизированном банкете, состоявшемся в кремлевском кабинете Молотова сразу вслед за подписанием договора, в присутствии лишь десятка с небольшим непосредственных участников, Сталин предложил, чтобы югославы безотлагательно связались с советским генштабом для решения вопросов о срочных поставках вооружения в Югославию. В результате уже 6 апреля утром в генштабе состоялись переговоры с Симичем, где была достигнута конкретная договоренность об отправке для югославской армии вооружения и боевой техники, и их сразу стали готовить к переброске в Югославию [24. Док. № 29. С. 33; 37. Vox 31. Folder 2. Гаврилович – Симиовићу, 28.07.1941; 42. С. 79; 43. Vox 1. Folder 58. P. 30–36; Vox 2. Folder 28. P. 11–18].

Поскольку исследователи до сих пор так и не располагают документами тогдашнего советского руководства, в которых бы содержались данные о том, из каких перспективных замыслов исходил Сталин, заключая советско-югославский

⁶ Не исключено, что Лебедев, передавая югославскому руководству ответ Молотова, ошибочно интерпретировал его как согласие Москвы на переговоры именно о заключении предложенного Белградом военно-политического союза и тем самым способствовал возникновению у Симиовича такого представления. Версия о подобном согласии получила распространение не только в историографии, но даже в мемуаристике, например, в мемуарах генерала Илича [40. С. 189].

договор, в историографии высказываются разные предположения. Есть авторы, по мнению которых советский руководитель хотел этим ускорить нападение Германии с ее союзниками по «оси» на Югославию, чтобы с помощью создания нового театра военных действий на Балканах связать на время руки Гитлеру и таким образом отсрочить возможную нацистскую агрессию против СССР. Согласно другой оценке, советско-югославским договором Сталин надеялся, наоборот, вынудить фюрера воздержаться от атаки на Югославию и вступить в переговоры с Москвой о достижении нового компромиссного соглашения, подобного советско-германским договоренностям 1939 г. и способного устранить либо хотя бы существенно отодвинуть военную угрозу третьего рейха Советскому Союзу, а вместе с тем обеспечить интересы Кремля в ряде спорных с Германией районов, особенно на Балканах и в зоне черноморско-средиземноморских проливов. Встречаются и попытки совместить обе точки зрения, представив их в качестве разных вариантов сталинского замысла на случай того или иного развития ситуации [13. С. 204–205; 44. Р. 118–119; 45. С. 165, 177; 46. С. 174–175].

Те документальные данные, которые нам известны и которые в значительной мере изложены выше, прежде всего спешка, с какой советская сторона старалась заключить договор, явно пытаясь этим упредить возможное нападение на Югославию, свидетельствуют скорее о стремлении сдержать в тот момент Берлин, заставить его не рисковать открытым вызовом Кремлю и не прибегать к военной силе против югославов. Наряду с этим обращает на себя внимание, что 5 апреля в беседе с Симичем Вышинский с ведома советского руководства, вопреки всей прежней политике Москвы, направленной против английского вмешательства в балканские дела, посоветовал Белграду пойти на соглашение с Англией и получение британской военной помощи [38. Док. 751. С. 532]. Такой совет едва ли мог означать иное, чем то, что Кремль теперь был заинтересован, чтобы осуществлявшаяся при непосредственной поддержке и участии англичан военная операция в Греции против итальянского вторжения, которое со дня на день должно было быть поддержано германским, в итоге распространилась и на Югославию. Все это дает больше оснований полагать, что, вместе со стремлением путем заключения советско-югославского договора заставить Гитлера отсрочить нападение на Югославию, Сталин рассчитывал, что она, получив тем самым какую-то передышку и подготовленная с британской и тайной советской помощью, затем, при последующей германской атаке, станет хотя бы на некоторое, относительно протяженное время, в связке с Грецией и английскими войсками, существенным звеном балканского фронта борьбы с агрессией «оси». Вполне логично, если обусловленная этим перспектива военной занятости Германии на Балканах рассматривалась в Кремле как фактор, способный на тот или иной срок отодвинуть непосредственную опасность нацистского нападения на СССР. Как не лишено логики и соображение, что Сталин мог надеяться путем осложнений для Германии на Балканах вынудить Гитлера к новым переговорам и новому советско-германскому соглашению на приемлемых для Москвы условиях. Однако окончательное суждение по указанным вопросам вряд ли может быть вынесено без исследования новых, необходимых для этого, но пока отсутствующих источников.

Во всяком случае, каковы бы ни были расчеты Сталина, они, так же как расчеты Симовича на СССР в качестве фактора, который может предохранить Югославию от агрессии «оси», оказались нереалистичными. Ибо Гитлер вовсе не был озабочен позицией Кремля в такой степени, как это казалось не только Симовичу, но все еще и Сталину. Нацистский фюрер исходил из серьезной военной уязвимости СССР и не опасался, что советское руководство решится пойти на риск прямого конфликта с Германией из-за Югославии. Он уже почти не скрывал, что не считается с Москвой как с партнером. И свое решение напасть на Югославию,

принятое 27 марта, привел в исполнение в ранние часы 6 апреля, почти тогда же, когда в Кремле был подписан советско-югославский договор.

Югославия оказалась под ударом, которого не могла выдержать. Переворот 27 марта, который его участники, приветствовавшие его массы сторонников и значительная часть последующей историографии расценивали как положительный шаг либо даже героическое свершение, рассматривается большей частью современной постюгославской историографии, по меньшей мере, как непродуманный акт, приведший к катастрофе «первой Югославии».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гибанский Л.Я.* Югославия в балканской и европейской политике в начале Второй мировой войны: попытка лавирования и ее крах // Вестник МГИМО-Университета. 2009. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны.
2. *Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata.* Beograd, 1987. Knj. 2
3. *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije 1941: Uzroci i posledice poraza. Drugo izdanje. Ljubljana; Beograd; Titograd, 1984. Knj. 1.
4. *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1990.
5. *Мирковић Б.* Истина о 27. марту 1941. године. Београд, 1996.
6. *Ristić D.* Yugoslavia's Revolution of 1941. University Park; London, 1966.
7. *Кнежевић Ж.* 27 март 1941. New York, 1979.
8. *Krizman B.* Zabilješka Srdjana Budisavljevića o državnom udaru 27 III 1941 // Časopis za suvremenu povijest. 1971. Br. II–III.
9. Војни архив Института за стратегијска истраживања (Београд). Фонд: Arhiva neprijateljskih jedinica. K. 8. Br. Reg. 2/1 (неопубликованные мемуары Симовича).
10. *Zečević M.* Slobodan Jovanović i 27. mart 1941 // Istorija 20. veka. 1996. Br. 1.
11. *Пејин Ј.* Јавни став др Мирка Косића, народног посланика и првака Народне радикалне странке о 27. марту 1941. године // Зборник радова округлог стола «27. март 1941: Кнез Павле у вихорима европске политике». Београд, 2003.
12. *Жутић Н.* Политика «нового курса» кнеза Павла и мартовски догађаји 1941. године // Зборник радова округлог стола «27. март 1941: Кнез Павле у вихорима европске политике». Београд, 2003.
13. *Николић К., Димитријевић Б.* Поговор // *Николић К., Димитријевић Б.* Данило Грегорић и 25. март 1941. Београд, 2007.
14. *Petranović B., Dautović S.* Jugoslovenska revolucija i SSSR (1941–1945). Beograd, 1988.
15. *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.
16. *Судоплатов П.А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. М., 2001.
17. *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Beograd, 1996. Knj. 3 (1939–1941).
18. Hoover Institution Archives (Stanford, USA). Collection Great Britain: Special Operations Executive. Xerox copies: Letter from Hugh Dalton to the Prime Minister 28 III 1941; Telegrams from George Taylor (Belgrade) to London 23, 26, 27 III 1941; Letter from J.H. Bennet to Head of SOE Charles Hambro 6 VI 1941; Report on the Coup by Trifunovich «The Coup d'Etat in Yugoslavia, Belgrade, 27 Mar. 41»; Report on the Coup by Masterson «The Coup d'Etat in Yugoslavia, Belgrade, 27 Mar. 41».
19. *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. London; Basingstoke, 1976.
20. *Barker E.* Državni udar u Beogradu i Britanci – Vojni puč 27. ožujka 1941 // Časopis za suvremenu povijest. 1981. Br. I.
21. *Biber D.* Britanski udio u državnom udaru u Jugoslaviji 27. ožujka 1941 // Časopis za suvremenu povijest. 1981. Br. I.
22. *Stafford D.* SOE and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 // Slavic Review. 1977. Vol. 36. № 3 (September).
23. *Wheeler M.C.* Britain and the War for Yugoslavia, 1940–1943. Boulder, 1980.
24. Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998.
25. *Гибанский Л.Я.* Общественные противоречия и вопрос об изменении государственной модели в Югославии в начале Второй мировой войны // Studia Slavica-Polonica (К 90-летию И.И. Костюшко): Сб. статей. М., 2009.
26. *Čulinović F.* Dvadeset sedmi mart. Zagreb, 1965.
27. *Маček В.* In the Struggle for Freedom. New York, 1957.
28. *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988.
29. *Jukić I.* The Fall of Yugoslavia. New York; London, 1974.
30. *Cvetković D.* Povodom članka Radoja Kneževića o 25 i 27 martu // Dokumenti o Jugoslaviji: Istina o 25. i 27. martu. Paris, 1951.
31. *Поповић Н.А.* Слободан Јовановић и југословенска држава. Београд, 2003.

32. *Vauhnik V.* Nevidna fronta. Ljubljana, 1972.
33. Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1994. Ч. 1.
34. *Vujošević U.* Prepiska (radiogrami) СК КПЈ – ИК КИ (Jun 1940 – decembar 1941) // *Vojnoistorijski glasnik.* 1992. Br. 1–3.
35. Российский государственный архив социально-политической истории.
36. *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997.
37. Hoover Institution Archives. Collection: Milan Gavrilović Papers.
38. Документы внешней политики. М., 1998. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2): 2 марта 1941 г. – 22 июня 1941 г.
39. Архив внешней политики Российской Федерации.
40. *Илић Б.* Мемоари армијског генерала 1898/1942. Београд, 1995.
41. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999.
42. *Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 годах. М., 1989.
43. Hoover Institution Archives. Collection: Žarko Popović Papers.
44. *Miner S.M.* Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. London, 1988.
45. *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995. (пер. с англ.).
46. *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999. (пер. с англ.).

© 2010 г. К. КИМУРА

ПОД ЗНАКОМ ДУНАЙСКОГО СОДРУЖЕСТВА. ВЕНГЕРСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В 1945–1948 ГОДЫ

Культурные связи между Венгрией и Югославией успешно развивались в первые послевоенные годы на платформе дунайского единства. Конфликт между Сталиным и Тито весной 1948 г. нанес удар по двусторонним связям в момент их наивысшего расцвета.

In the first years after World War II, cultural contacts between Hungary and Yugoslavia were very active. Both sides made efforts for their intensification. The conflict between Stalin and Tito in spring 1948, which took place in the moment of the apogee of the cultural interactions between the two countries, stopped the flowering process of their cultural relations.

Ключевые слова: Венгрия, Югославия, дунайское единство, культурное сотрудничество.

Между народами, живущими на протяжении многих веков в соседстве друг с другом, как правило, налаживается многосторонний духовный обмен, естественным образом проявляющийся и в повседневном общении представителей соседних наций. С особой силой оживление духовных контактов происходит в тех случаях, когда конкретная внешнеполитическая ситуация позволяет элитам обеих наций осознать взаимную обусловленность национальных интересов. Такие моменты неоднократно наступали в истории венгерско-югославянских политических и культурных связей¹, один из них пришелся на первые годы после Второй мировой войны.

В 1945 г. отношения между Венгрией и Югославией вступили в новый этап своего развития. Взаимные проявления жестокости в годы войны (зверства хорватской жандармерии на оккупированной в апреле 1941 г. территории Воеводины и, позже, ответные действия сербов-партизан, от которых страдало и мирное венгерское население), кардинальные различия в послевоенном статусе между Югославией, относившейся к лагерю победителей, и побежденной Венгрией, равно как и некоторые спорные территориальные вопросы (претензии Югославии на земли в районе венгерского города Печ) – все это создавало тот груз, который

Кимура Каори – аспирантка МГУ.

¹ Так, после поражения венгерской революции и антигабсбургской национально-освободительной войны венгерского народа в 1848–1849 гг., на трагический исход которых в немалой мере повлияли острые венгерско-южнославянские противоречия, возрос (как это ни парадоксально на первый взгляд) взаимный интерес южных славян и венгров к культурам друг друга, увеличилось количество литературных переводов; все это вполне объяснимо усилившимся обоюдным стремлением к преодолению губительной для обеих сторон вражды, достижению большего взаимопонимания между соседними нациями на основе критического осмысления горького опыта 1848 г. (см. [1. С. 149]).

не мог не сказаться на состоянии двусторонних связей. Тем не менее отношения Венгрии с Югославией в первые послевоенные годы складывались в целом более благоприятно, нежели ее отношения с другими соседями². Это в полной мере касалось и довольно тесных культурных связей двух стран. Налаживание взаимопонимания имело особенно важное значение именно для Венгрии, поскольку оно способствовало выходу этой побежденной страны (порвавшей с нацистской Германией позже других ее европейских союзников) из политико-дипломатической изоляции в послевоенные годы. При этом в Будапеште неизменно принимался во внимание и немалый международный авторитет маршала Тито благодаря серьезному вкладу Народно-освободительной армии Югославии в борьбу с нацизмом. Ради установления связей с соседней Югославией венгерское антифашистское правительство склонялось к тому, чтобы начать проведение послевоенной политики на этом направлении «с чистого листа», не муссируя старых обид.

В данной работе предпринята попытка на основе широкого круга источников (в том числе документов из сербских, венгерских, российских архивов) описать главные тенденции развития культурных связей между Венгрией и Югославией в 1945–1948 гг. в контексте межгосударственных, политических отношений двух стран. Рассмотрена и привлекавшая особенно большое внимание общественного мнения в обеих странах проблема обеспечения прав на полноценное культурное развитие национальных меньшинств (венгерского в Югославии и южнославянских в Венгрии). Российская историография эти вопросы до сих пор не рассматривала.

Венгерско-югославянские (и в том числе венгерско-сербские) культурные связи, также как и контакты между культурами других народов Дунайского бассейна, имели к середине XX в. длительную историческую традицию. В XVIII–XIX вв. много сербских литераторов и ученых работало на венгерских землях (в том числе писатель Я. Игњатович, живший в известной сербской колонии г. Сентэндре к северу от Буды), в Буде и Пеште до середины XIX в. печаталась значительная часть книг на сербском языке³. Вместе с тем интенсивность культурных связей между венграми и сербами в немалой мере зависела от состояния межгосударственных отношений Венгрии (в 1867–1918 гг. одной из составных частей двуединой Австро-Венгерской монархии) с Сербией, а затем, в межвоенный период, с Югославией. Несмотря на острую вражду Сербии и Австро-Венгрии в канун Первой мировой войны, драматические перипетии самой войны и весьма непростые венгеро-югославянские отношения в период между войнами⁴ двусторонние куль-

²В это время сохранял свою остроту территориальный спор между Венгрией и Румынией из-за Трансильвании. Венгерская сторона стремилась добиться на Парижской мирной конференции некоторой корректировки в свою пользу с учетом этнического фактора довоенных границ, установленных на основании крайне неблагоприятного для Венгрии Трианонского мирного договора 1920 г. (см. [2]). В свою очередь отношения Венгрии с Чехословакией были сильно осложнены вследствие попыток выселения из Южной Словакии венгерского населения (см. [3]).

³Реформатор сербскохорватского языка Вук Караджич поддерживал связи с деятелями венгерской культуры, Михай Виткович был одновременно венгерским и сербским поэтом, Корнел Станкович, основоположник сербской музыкальной культуры, родился в Буде и получил образование в Венгрии. Примеры можно продолжать.

⁴После Трианонского мирного договора Венгрия не отказывалась от территориальных претензий к Югославии, хотя в сравнении с венгерско-чехословацкими и венгерско-румынскими отношениями венгерско-югославянские были в целом менее враждебными. «Из всех государств вражеской Малой Антанты Югославия являлась единственным, которому не краснеть можно было бы протянуть руку. До войны сербы были нашими открытыми врагами и хорошо дрались во время войны», – писал Хорти Гитлеру в августе 1938 г. [4. Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 55. Л. 125]. Потенциальную угрозу со стороны Югославии он, в традиционном для венгерских консервативных политиков духе, связывал с вовлечением ее в лагерь панславизма под эгидой России: «В случае же, если современная Россия примет национальную окраску, то сербы будут первыми, кто с радостью перейдет в русский лагерь. Эта надежда живет в сердце каждого серба» [4. Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 55. Л. 127]. С югославской стороны в свою очередь подвергалась критике венгерская «мега-

турные связи в первой половине XX в. развивались. Особенно это было заметно в 1930-е годы, когда в среде венгерской интеллигенции усилился интерес к культурам балканских народов. В рамках этого интеллектуального движения планировалось издание на венгерском языке серии произведений сербских, хорватских и словенских авторов, в 1934–1939 гг. выпускался журнал «Аpollo», стимулировавший интерес к соседним народам на основе терпимости и гуманизма; в 1940–1941 гг. выходил и журнал на сербскохорватском языке, предназначенный для обсуждения общих проблем развития литератур и культур венгров и югославян.

Интерес венгерских историков и филологов к изучению соседних стран, народов, их языков и культур вообще значительно повысился после Трианонского мирного договора 1920 г., исследованиям в этой области оказывалась государственная поддержка. Это объяснялось необходимостью глубокого изучения стран, на которые распространялись территориальные претензии Венгрии, чья элита и более широкое общественное мнение не могли, как известно, смириться с жесткими установлениями Трианонского договора. Славистические кафедры создаются во всех четырех венгерских университетах – в Будапеште, Сегеде, Дебрецене и Пече (см. подробнее [5]). В исследованиях по венгерской истории в этот период доминировали новейшие идеалистические направления – «история духа» и т.д. Однако при изучении истории соседних народов преобладал позитивистский подход.

С 1941 г. в институте имени Пала Телеки⁵ начали углубленно изучать историю региона, имея при этом в виду историческое обоснование права Венгрии на земли, отошедшие в 1920 г. к другим государствам. Институт этот был восстановлен в 1945 г. и существовал до 1949 г. под названием Восточноевропейский институт. Его идейные установки к этому времени, конечно, изменились. После войны в публикациях института проводились идеи мирного сотрудничества дунайских и карпатских народов.

После окончания Второй мировой войны Венгрия и Югославия оказались, как уже отмечалось, в разном положении – Югославия в лагере победителей с резко возросшим международным престижем, тогда как Венгрия – в ряду ожидавших своей участи на Парижской мирной конференции. В первых же декларациях венгерского временного национального правительства, сформированного в Дебрецене в декабре 1944 г., много говорилось о необходимости порвать с прежней «манией величия», реакционными химерами «великой Венгрии», доведшими страну до национальной катастрофы, выражалась готовность к установлению добрососедских отношений и налаживанию искреннего диалога и сотрудничества со всеми соседними странами, и едва ли не в первую очередь с новой Югославией. Подобные декларации были с большим удовлетворением восприняты в Белграде, выразившимся в ответном жесте (см. [7]). Инициатива установления и налаживания двусторонних связей принадлежала именно Югославии, ибо Венгрия как побежденная страна, ожидавшая подписания мирного договора, была не в том положении, чтобы выступать в роли инициатора, вместе с тем она с готовностью откликнулась на югославские предложения о сотрудничестве. Тем более что Югославия в 1945 г. первой из стран, в которых проживало венгерское меньшин-

ломания», нежелание считаться с новыми геополитическими реалиями и изменить представления о месте Венгрии в Европе. Несмотря на все противоречия в декабре 1940 г. был подписан договор о «постоянном мире и вечной дружбе» между Венгрией и Югославией, вероломно нарушенный уже в апреле 1941 г., когда венгерская армия приняла участие в антиюгославской кампании вермахта.

⁵Телеки Пал (1879–1941) – европейски известный ученый-географ, видный венгерский политик консервативной ориентации. В 1920–1921 и 1939–1941 гг. премьер-министр. Во вступлении Венгрии в войну на стороне нацистской Германии видел путь к национальной катастрофе и в начале апреля 1941 г. застрелился в знак протеста против участия венгерских войск в антиюгославской кампании вермахта (см. [6]).

ство, приняла ряд конкретных мер в целях обеспечения его прав, в том числе на полноценное культурное развитие.

Уже с декабря 1944 г. в Нови-Саде и Суботице выходили газеты и журналы на венгерском языке. Литературный и общественно-политический журнал «Híd» («Мост»), уделявший много внимания сближению венгерской и югославянских культур, издавался весьма большим для Югославии тех лет тиражом 3–4 тыс. экз. Выходили также молодежный журнал «Ifjúság Szava» («Слово молодежи») тиражом 10 тыс. экз., газета «Föld» («Земля») для крестьянства тиражом 5–7 тыс. экз., было даже специальное женское издание – «Asszonyok Lapja» («Женский журнал»). Функционировало венгерское книжное издательство, в июне 1945 г. в Нови-Саде было основано культурное общество – Венгерский культурный союз в Югославии. Он курировал местные организации, клубы и библиотеки в городах и селах, в которых проживали венгры, занимался книгоизданием, распространением книг и организацией литературной, театральной жизни и т.д. Создание этой структуры было жестом белградской коммунистической власти, адресованным в первую очередь не Будапешту, а направленным на то, чтобы заручиться внутривойсковой поддержкой венгерского национального меньшинства, которое в Воеводине превышало 20% населения. Деятельность венгерского культурного союза поначалу распространялась только на Воеводину, но с лета 1947 г. он стал по своему статусу общегосударственной организацией и вел деятельность в масштабе всей Югославии. К этому времени в стране возникли венгерские читальни и клубы в тех местах, где их раньше никогда не было.

Что касается венгерской национальной системы образования на территории Югославии, то уже в 1944/1945 учебном году здесь открылись новые венгерские школы (а в некоторых населенных пунктах венгерские классы в школах, где учились как сербы, так и венгры).

В межвоенные годы в Югославии венгероязычные школы в основном были четырехлетними. В 1939/1940 учебном году в стране насчитывалось 150 венгерских школ, но иногда занятия в них велись по большей части на сербском языке, так как венгерских учителей явно не хватало. Более 25 тыс. детей из венгерских семей были приписаны к начальным школам, но далеко не все они получали основы образования на родном языке. Всего в стране было не более 150 обладавших соответствующей квалификацией учителей-венгров, ведших в начальных школах занятия на родном языке. В том же учебном году в Югославии была всего одна венгерская гимназия, в ней учились 359 учеников и работали 10 учителей. Было также венгерское отделение в среднем учебном заведении, готовившем учителей начальных школ, в нем три венгерских преподавателя учили 57 человек. К апрелю 1941 г. было выпущено всего 15 венгерских учителей (см. [7. 57. о.]). Чтобы решить острую проблему нехватки учителей в венгерских школах, уже в начале 1945 г. были созданы краткосрочные курсы по подготовке учителей. В результате в 1945/1946 учебном году в Югославии уже работали 732 венгерские начальные школы (либо венгерские классы в общих школах), в которых учились 34 780 учеников [7. 58.о.] – большой шаг вперед в сравнении с межвоенным временем.

Наряду с начальными школами создавались и новые гимназии; в школах разных уровней и типов были образованы венгерские классы. В девяти гимназиях и средних школах в 1945/1946 учебном году обучались более шести тыс. венгерских подростков, что по сравнению с 1939/1940 учебным годом означало увеличение в 16 с лишним раз. В 1946/1947 учебном году, после проведенной реорганизации, на венгерском языке учили в 49 прогимназиях и трех гимназиях, которые находились в городах Суботица (Szabadka⁶), Зента (Zenta) и Зренянин

⁶ В Суботице было создано также промышленно-торговое среднее учебное заведение.

(Nagybecskerek⁷). В этих учебных заведениях учились 9364 ученика. Кроме того, в Нови-Саде и Суботице было два средних учебных заведения для подготовки венгерских учителей с 409 учениками, а в Нови-Саде был создан также венгерский педагогический вуз. В октябре 1946 г. была образована венгерская кафедра в университете Нови-Сада.

В 1937 г. один ученик, обучавшийся на венгерском языке, фактически приходился на несколько сот человек венгерского населения, а в 1947 г. – всего на 30 человек, таким образом по сравнению с довоенным временем система венгерского образования в Югославии улучшилась принципиально. Из оставшихся к 1945 г. в Югославии 5300 неграмотных венгров 4000 человек обучились читать и писать (см. [7. 57–58.о.]).

Наряду с возникновением венгерских школ в послевоенной Югославии происходило оживление театральной жизни. В Суботице был венгерский театр, спонсируемый государством, выделявшим на поддержку венгерских театров 2,5 млн динар – сумма немалая в условиях того времени. Эта поддержка оказывалась в соответствии с конституцией Федеративной народной республики Югославия (ФНРЮ), которая декларировала право на культурное развитие населявших Югославию народов. До 1951 г. существовала и венгерская труппа в Хорватии, слившаяся затем с воеводинской труппой.

Новые югославские власти разрешали отмечать венгерские национальные праздники – 15 марта (день начала революции 1848 г.) и другие, и в этом отношении ситуация решительно отличалась от того, что было в других соседних с Венгрией странах.

Политика нового коммунистического режима в Югославии в отношении этнических венгров получила самые положительные отзывы с венгерской стороны. 25 ноября 1945 г. на страницах коммунистической газеты «Szabad Nép» («Свободный народ») деятель компартии Д. Каллаи писал, что в современной Югославии у венгерского национального меньшинства больше прав, чем было когда-либо в истории. Еще за полгода до этого, на майской (1945 г.) конференции венгерской коммунистической партии политика режима Тито в отношении венгров подавалась как образцовая. Другие партии тоже позитивно оценивали деятельность официального Белграда по обеспечению культурных прав венгерского населения. Так, близкая к коммунистам национальная крестьянская партия в своих программных документах называла политику, проводимую в Югославии в отношении венгерского меньшинства, залогом подлинно добрососедских отношений.

Газета влиятельнейшей партии мелких сельских хозяев «Kis Újság» («Малая газета») 28 июля 1945 г. писала о том, что среди народов Дунайского бассейна именно у югославов в наибольшей мере сохранилось дружеское расположение к венграм. На фоне попыток переселения венгров из Чехословакии Югославия неизменно выступала в качестве позитивного примера – как в прессе, так и в общественном мнении отношения с Югославией противопоставлялись отношениям Венгрии с некоторыми другими соседними странами. Даже в кругах компартии выражалось недовольство планами выселения венгров из Словакии [8. 75/III-24]. Так, на второй сессии Временного Национального собрания Венгрии, открывшейся 5 сентября 1945 г., все выступавшие партийные лидеры, включая коммуниста М. Ракоши, касались положения венгров в Чехословакии, противопоставляя политике правительства этой страны более терпимое отношение к ним в Румынии и особенно в Югославии. Позже Тито и его окружение пытались играть посредническую роль между Чехословакией и Венгрией в вопросах обмена населением. В сентябре 1946 г. по инициативе Белграда было достигнуто компро-

⁷ В Зренянице была создана и торговая академия с преподаванием на венгерском языке.

миссионное соглашение о добровольном обмене населением (что должно было затронуть около 40 000 человек) (см. [9–10]). Хотя до реализации соглашения дело не дошло, венгерское правительство было благодарно правительству ФНРЮ за его посреднические усилия.

В вопросе о необходимости сближения с Югославией между партиями Венгрии не было разногласий, все партии правящей коалиции считали это приоритетной внешнеполитической задачей и в том числе выступали за активизацию культурных связей. Это нашло отражение и в прессе как социал-демократической партии, так и партии мелких сельских хозяев [11; 12. 1946. 30 I].

Венгерская компартия в деле налаживания отношений с соседними государствами считала особенно важным сближение именно с коммунистической Югославией, надеясь как на внутривластную поддержку с ее стороны (в приемлемых для этого формах), так и на определенное понимание Белградом венгерской позиции в случае дальнейшего обострения противоречий Венгрии с Чехословакией и Румынией по территориальным проблемам и вопросам положения национальных меньшинств. В эти годы в Венгрии получают широкое распространение идеи сотрудничества придунайских государств, в том числе проекты создания Дунайской конфедерации; при этом обычно ссылались на идейное наследие вождя венгерской революции 1848 г. Л. Кошута, относящееся к периоду его жизни в эмиграции в 1850–1860-е годы. Эти идеи нашли отражение и в прессе, тяготевавшей к компартии. В качестве первого шага при реализации такого рода планов зачастую рассматривался проект создания югославо-венгерско-румынского таможенного союза. Соответствующий тезис был даже включен в предвыборную программу ВКП, опубликованную в сентябре 1945 г.

Шаги по обеспечению культурно-образовательных прав югославянского меньшинства предпринимались и в Венгрии, отчасти под давлением Белграда. 21 июля 1945 г. югославские власти потребовали от венгерского правительства, чтобы югославским нацменьшинствам на территории Венгрии (сербам, хорватам и словенцам) были предоставлены те же права в деле приобщения к образованию и культуре, которые получило венгерское меньшинство на территории Югославии [8. 75/III-2. S.11].

В апреле 1945 г. в Сегеде было основано местное общество венгерско-югославской дружбы. В своих документах оно уделяло большое внимание культурному сотрудничеству дунайских народов и особый акцент делало на изучении культуры сербов.

Активизируется культурный обмен. Так, в сентябре 1945 г. по приглашению венгерского культурного общества рабочих в Будапеште гастролировали югославский рабочий хор из 100 человек и танцевальная группа из Македонии (см. [7]). Их приглашение служило доказательством того, что не только политические партии, но и венгерское гражданское общество высоко оценивало состояние отношений с Югославией и действия властей этой страны по обеспечению прав венгерского меньшинства. Идея культурного сотрудничества с Югославией находила поддержку в довольно широких слоях общества.

В дальнейшем углублении двусторонних связей и в первую очередь культурного сотрудничества решающую роль играло венгерско-югославское общество дружбы, возглавляемое Йожефом Рексом. Оно было основано в октябре 1945 г. и действовало в масштабах всей страны. Одной из его важнейших целей было ознакомление венгерской публики с югославской культурой, в том числе литературой, музыкой; общество стремилось к установлению непосредственных связей с культурными организациями Югославии – в первую очередь с Венгерским культурным союзом Югославии. В круг задач общества входило содействие переводу на сербскохорватский язык произведений венгерских авторов и подготовка для публикации в Югославии статей о Венгрии и венгерской культуре. Местные

отделения этого общества существовали в разных городах, наиболее крупное, помимо Сегеда, в Дебрецене (о деятельности общества см. [13; 14]). На торжественном заседании в Дебрецене в конце июня 1947 г., посвященном деятельности общества, выступали президент Венгерской республики Золтан Тилди и посол Югославии К. Мразович, который говорил об искреннем желании Югославии развивать дружеские связи с Венгрией.

Уже с 1945 г. существовали планы издания журнала венгерско-югославского общества дружбы, реализованные в 1947 г. В 1945 г. возобновил свою деятельность основанный в 1940 г. венгерский Балканский комитет, призванный осуществлять поддержку культурных связей Венгрии с народами Балканского полуострова. В научно-исследовательском плане проблемами взаимосвязей с соседними народами и определением места Венгрии и венгерской культуры в региональном контексте занимался уже упомянутый Восточноевропейский институт. Активизируется работа по переводу произведений югославянских (и не в последнюю очередь сербских) писателей. Так, опубликованные в 1945 г. романы выдающегося писателя, будущего Нобелевского лауреата Иво Андрича «Травницкая хроника» и «Мост на Дрине» были быстро переведены на венгерский язык и стали достоянием венгерского читателя. Выходят на венгерском языке и произведения крупнейшего хорватского писателя М. Крлежи (см. в этом номере статью С.А. Романенко). Один из крупнейших венгерских писателей Дюла Ййеш на страницах журнала «Válasz» («Ответ») откликается на творчество хорватского поэта И.Г. Ковачича, погибшего во время войны.

Венгерская культурная политика в этот период в принципе уделяла немалое внимание установлению широких международных связей страны. После выборов 4 ноября 1945 г. правительство З. Тилди придавало приоритетное значение развитию многостороннего сотрудничества с соседними народами на основе взаимопонимания. Причем в программах внешних культурных связей Венгрии планы сотрудничества с Югославией неизменно занимали одно из важнейших мест.

30 ноября 1945 г. премьер-министр З. Тильди, выступая в только что избранном Госсобрании Венгрии, заверял в своей программной речи мировую общественность в том, что венгерское правительство навсегда отказалось от проведения шовинистической политики, пропаганды своего особого положения в Дунайском бассейне. Следующий премьер-министр Ференц Надь (возглавивший правительство в феврале 1946 г.) также неоднократно говорил о том, что Венгрия порвала с шовинистическим прошлым, отказалась от той политики, которая стала одной из причин серьезной напряженности в регионе, и что венгерский народ искренне хочет добрососедских отношений с другими народами региона. Применительно к культурной политике на это указывал министр культуры Д. Керестури, в том числе на пресс-конференции 9 февраля 1946 г., где он сделал акцент на открытости венгерской культуры всем внешним связям, но особенно с соседними народами, народами Дунайского бассейна [15. 1946. 10 II].

От имени компартии об этом же много говорил М. Хорват, отвечавший в руководстве партии за культурную политику. Новая культурная политика противопоставлялась прежней, хортистской, связанной с именем графа К. Клебельсберга, в течение 10 лет занимавшего пост министра культуры. Его концепция исходила из превосходства венгерской культуры над культурами соседних славянских народов (а также румын), из аксиомы о выполнении венграми своего рода цивилизующей, культуртрегерской миссии в Дунайском бассейне. Теперь упор делался на равноправное сотрудничество народов дунайского региона.

Руководители новой культурной политики говорили о необходимости выдвижения таких инициатив в сфере культуры, плодотворность которых не вызывала бы сомнений не только у венгров, но и у представителей соседних народов. Только таким образом можно было бы поднять сотрудничество дунайских народов на

принципиально новый уровень. В прессе разной политической ориентации, в том числе в литературных и культурных журналах, предлагались конкретные культурные проекты – издательские, театральные, художественные, образовательные, относящиеся к сфере туризма, музейного дела и т.д. В ряде журналов имелись специальные рубрики, посвященные добрососедским отношениям с дунайскими народами, тесное и многогранное взаимное сотрудничество стран региона называлось жизненным вопросом для их полноценного развития.

Важная инициатива венгерского правительства заключалась в том, чтобы обеспечить право национальных меньшинств получать начальное образование на родных языках. Это декларировал 5 января 1946 г. госсекретарь совета министров И. Балог [12. 1946. 8 I]. Однако с получением образования у южнославянских нацменьшинств на территории Венгрии имелись нерешенные проблемы. 31 марта 1946 г. белградская газета «Политика» воспроизвела статью из газеты «Слобода», издававшейся Антифашистским фронтом славян Венгрии. В ней говорилось, что 8 февраля 1946 г. министр просвещения Венгрии Д. Керестури принял представителей общественных движений южных славян Венгрии. Во время беседы делегация требовала обнародования информации о выполнении принятого закона о школах нацменьшинств, в соответствии с которым преподавание в национальных школах должно было вестись на родном языке (венгерский язык при этом, разумеется, вводился как обязательный предмет, на который выделялось много учебных часов). Министр согласился с правомерностью требований; по венгерским данным, в стране весной 1946 г. существовало не менее 65 школ, в которых обучение происходило на сербском и хорватском языках. Кроме того, в постановлении министра просвещения от 30 февраля 1946 г. было указано, что в школах с преподаванием на венгерском языке, по желанию родителей не менее 15 учеников, тот или иной славянский язык вводился бы как один из предметов учебной программы. Южнославянское меньшинство продолжало, однако, требовать открытия новых, причем не только начальных, но и средних школ с преподаванием на родном языке и не было в полной мере удовлетворено достигнутыми результатами [8. 75/III-8]. Кроме того, в школах, где обучалось южнославянское меньшинство, наблюдалась явная нехватка как учебников, так и учителей [8. 75/III-23].

Большой отклик в Венгрии вызвало выступление маршала Тито в апреле 1946 г., в котором он заявил, что питает братские чувства к соседней стране – оно широко комментировалось в венгерской печати [15. 1946. 3 IV]. Венгерская пресса разных политических направлений не прекращала много заниматься вопросами венгерско-югославского сближения, пропагандировала необходимость расширения двусторонних связей. В 1946–1947 гг. она по-прежнему с признанием писала о Югославии, которая открыла перед своим венгерским меньшинством возможность полноценного национального и культурного развития (см. среди прочего [15. 1946. 31 III, 17 IV]). Проблемы же, связанные с приобретением венгерскими югославянами возможности получить столь же полноценное образование на родном языке, находили меньшее отражение, хотя очевидно, что в этом отношении Венгрия несколько отставала от Югославии (что, впрочем, отчасти объяснимо количественными показателями – численность югославянских меньшинств в Венгрии была несопоставима с количеством венгров в ФНРЮ). Особенно позитивно это не удивительно, поскольку именно в Югославии темпы коммунистических реформ были быстрее, чем в других странах.

Несмотря на трудности, имевшиеся в деле организации системы образования у южнославянских нацменьшинств на территории Венгрии, на уровне правительств с обеих сторон предпринимались меры, направленные как на политическое сближение, так и на активизацию культурных связей двух стран. С лета 1947 г. велась

работа по подготовке всеобъемлющего культурного соглашения, которое было подписано в Белграде 15 октября 1947 г. (сроком на пять лет), а ратифицировано венгерским госсобранием в декабре. К этому времени уже состоялось совещание компартий в Шклярской Порембе, был образован Коминформ, в этих условиях культурные соглашения, заключавшиеся между странами, относившимися к советской сфере влияния, уже несли на себе отпечаток времени, большое внимание в них уделялось идеологии, подчеркивалось идейно-политическое единство стран «народной демократии» на антизападной платформе. Венгерско-югославское соглашение составляло в этом смысле определенное исключение. Оно было разработано еще до первого, сентябрьского, совещания Коминформа, основывалось на реально достигнутых к этому времени результатах в деле взаимного сближения двух соседних стран. Это было менее политизированное и идеологизированное, более традиционное соглашение в области культурного сотрудничества, писавшееся не по требованию «старшего брата», а продиктованное обоюдным интересом и давно назревшим желанием каждой из сторон к взаимному сближению. Главное место в нем, соответственно, занимали реальные задачи культурного сотрудничества, а не политико-пропагандистская риторика.

В дни визита Тито в Будапешт в декабре 1947 г. было подписано большое двустороннее соглашение о дружбе и сотрудничестве. Если коммунисты делали все больший акцент на идейно-политическом единстве двух стран, идущих по пути строительства социализма, то венгерские некоммунистические политики, выступая в парламенте при ратификации подписанных соглашений с Югославией, по-прежнему предпочитали говорить о далеко идущем региональном сотрудничестве дунайских государств. Что касается сферы культуры, то осенью 1947 г. была образована смешанная комиссия для разработки проектов программ культурных контактов. Она включала в себя как чиновников, так и представителей общественных организаций и творческих союзов (см. [7]). Большие планы строились в области театральных и музыкальных связей (см. [16]). В программу двустороннего сотрудничества вошли обмен делегациями деятелей культуры, гастролью артистов и артистических коллективов, художественные выставки, кинопоказы, меры по активизации книгообмена, музейное сотрудничество, стипендии для ученых и т.д.

15 марта 1948 г. в Венгрии в присутствии многих высокопоставленных иностранных гостей (советскую делегацию возглавлял член Политбюро маршал К.Е. Ворошилов) проходило крупномасштабное празднование 100-летней годовщины начала революции 1848 г. Для подготовки юбилейных торжеств была создана общегосударственная комиссия, занявшаяся среди прочего проведением широкой пропагандистской кампании. Еще 28 ноября 1947 г. на заседании комиссии президент страны З. Тилди сформулировал программную установку: проводившиеся в стране после 1945 г. демократические реформы следовало представить отечественному и зарубежному общественному мнению (особенно в дунайских странах) как окончательное осуществление демократических идеалов революции 1848 г., при этом снова были актуализированы идеи Л. Кошута о необходимости тесного сотрудничества народов Дунайского бассейна, развитие им уже в эмиграции после поражения революции. По мнению Тилди, именно 100-летний юбилей венгерской революции ознаменует собой начало нового этапа в единении дунайских народов. Как известно, во время венгерской революции 1848–1849 гг. имели место серьезные противоречия между венгерским и южнославянскими национальными движениями, но об этом в дни юбилейных торжеств старались не вспоминать. В декабре 1947 г., когда югославская правительственная делегация прибыла в Будапешт, И.Б. Тито был приглашен принять непосредственное участие в праздновании 100-летней годовщины венгерской революции, которое предполагалось провести под лозунгом укрепления взаимных связей между на-

родами Дунайского бассейна, вставшими на путь демократического развития. Тито принял это приглашение и предложил в свою очередь разработать совместный план проведения празднеств [4. Ф. 077. Оп. 25. Д. 41. Папка 24. Л. 3]. (Приезд самого маршала в марте 1948 г. не смог состояться по объективным причинам, хотя Югославия была представлена внушительной по составу делегацией.) В это время не только в Венгрии и в Югославии, но и в других странах «народной демократии» придавали значение идее сотрудничества придунайских народов. Так, несмотря на недавние межгосударственные трения и сохранявшуюся проблему венгерского национального меньшинства в Трансильвании, Румыния активно участвовала в юбилейных торжествах. При встрече с польской правительственной делегацией в январе 1948 г. министр просвещения Венгрии Д. Ортутаи акцентировал внимание на важности взаимопонимания между странами «народной демократии» и в этом контексте упомянул о предстоящих юбилейных празднествах, назвав их хорошим поводом для того, чтобы вспомнить об общности интересов [4. Ф. 077. Оп. 25 Д. 41. Папка 24. Л. 10]. Таким образом, несмотря на исторический факт противостояния сербов и хорватов венгерскому национальному движению во время революции 1848 г., правительству новой Венгрии удалось использовать столетие революции в интересах пропаганды единства народов Дунайского бассейна (о том, как в конкретно-исторических условиях весны 1948 г. отмечалось столетие великой венгерской революции, см. также [17]).

Между тем, празднования 100-летия венгерской революции совпали с началом советско-югославского конфликта 1948 г. Пройдя под знаком единства дунайских народов, они дали Сталину и его окружению дополнительный повод для подозрений в отношении амбициозного югославского лидера Тито, стремящегося к региональному лидерству. Любые горизонтальные связи между странами советской сферы влияния воспринимались Сталиным негативно, как способ расширить поле самостоятельных, независимых от Москвы внешнеполитических маневров, выйти из-под контроля центра. В целом ряде документов аппарата Коминформа, относящихся к весне 1948 – весне 1949 г., нашло отражение недовольство положением дел в венгерской компартии, отмечалось, что в ее деятельности проявились в сущности те же тенденции, что и в деятельности КПЮ, – национализм, недооценка советского опыта и т.д. (см., например, записку «Уроки из ошибок компартии Югославии для ВПТ», март 1949 г. [18. Ф. 575. Оп. 1. Д. 50]). Зная о подозрениях Сталина, вызванных особой венгерско-югославской близостью в 1946–1947 гг., М. Ракоши уже в апреле 1948 г., быстрее других коммунистических лидеров Восточной Европы, подключился к антиюгославской кампании, а в сентябре 1949 г. в угоду Сталину срежиссировал при помощи советских «экспертов»-силовиков наиболее громкий показательный процесс антиюгославской направленности – процесс по делу Ласло Райка. Однако и в 1949 г. в Москве нередко продолжали ставить в упрек руководству Венгерской партии трудящихся прежнюю близость венгерских коммунистов к КПЮ. «До резолюции Информбюро у венгров с югославами была трогательная дружба, настолько трогательная, что министр внутренних дел Райк Ласло ухитрился утвердить югославам устав демократического союза южных славян Венгрии, в котором был пункт, что этот союз является объединением по национальному признаку и членство в нем ставится выше партийной принадлежности. По сути говоря, национальные интересы тут были поставлены над интересами партии», – отмечалось, например, на совещании в МИД СССР 11 июня 1949 г., менее чем через две недели после ареста Л. Райка [4. Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 56. Л. 34].

Несмотря на ухудшение с весны 1948 г. политических отношений между Югославией и Венгрией, взаимный интерес к поддержанию культурных связей не ослабевал, как в югославском, так и в венгерском обществе существовали надежды на преодоление наслоений, строились планы дальнейшего сотрудничества

(см. документы югославской стороны [19]). В начальный период конфликта – летом и осенью 1948 г. – по инерции (хотя конфликт уже начал углубляться быстрыми темпами) сохранялась взаимная установка на продолжение контактов в соответствии с соглашениями, подписанными в 1947 г. Так, весной 1948 г. прошла неделя югославской культуры в Венгрии. В музыкальной академии Будапешта, в других ведущих концертных залах столицы и в провинции состоялись концерты музыки югославянских композиторов. В мае в Будапеште, Пече, Дебрецене прошла фотовыставка «Югославия в войне и труде». В июне 1948 г. в Будапеште и Пече были организованы выставки югославского искусства XIX–XX вв., в Сентэндре в рамках празднования 100-летия революции 1848 г. состоялся вечер памяти сербского писателя Я. Игнятовича, жившего в этом городе [20]. С 1947 г. выходил литературно-художественный и общественно-политический журнал «Déli csillág» («Южная звезда»), орган общества дружбы, призванный пропагандировать в Венгрии лучшие достижения югославянских литератур и культур (закрыт в 1948 г.).

В июне 1948 г. МИД Венгрии предложил будапештской опере поставить несколько балетов композиторов соседних стран. Назывался среди прочего балет сербского композитора С. Христича «Охридская легенда». Правда, поскольку партитуры не были в то время присланы, приступить к постановке так и не успели. После публикации 29 июня 1948 г. резолюции Информбюро об исключении Югославии из Коминформа сложилась совершенно новая ситуация. Отношения между Венгрией (как одной из стран формирующегося советского блока) и Югославией настолько резко ухудшились, что и культурное сотрудничество в течение считанных недель было фактически сведено к нулю. Дело не менялось от того, что образованные в период двустороннего сближения структуры, ответственные за культурное сотрудничество, продолжали существовать на бумаге вплоть до денонсации соответствующих соглашений осенью 1949 г.

В 1949 г. в Будапеште прошел второй международный фестиваль молодежи и студентов [8. 75/III-21]. Югославия выразила желание участвовать в этом фестивале, но венгерская сторона предоставила югославским представителям всего пять виз⁸. Приехавшим из титовской Югославии участникам было очень трудно, поскольку в это время уже всюду шла антиюгославская кампания и на фестивале Югославию пытались также представлять враги режима Тито – коминформовцы.

После резолюции второго совещания Информбюро летом 1948 г., но особенно после резолюции третьего, будапештского (ноябрь 1949 г.), совещания Информбюро «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» в Венгрии широко развернулась антиюгославская пропаганда, проявившаяся в разных областях культуры. В одном из установочных документов министерства просвещения (1950 г.) говорилось о необходимости показывать крестьянам, как изменилась в лучшую сторону их жизнь, особенно если сравнить их положение «с судьбой югославского народа, который стонет под игом банды Тито» [21. 522.о.]. При организации художественной самодеятельности поощрялось пение частушек (сатирических песенок), высмеивающих Тито – именно эта тема предлагалась как тема конкурса в то время в Венгрии [21. 528.о.].

Ситуация меняется самым кардинальным образом. Интенсивный культурный обмен, в полном объеме наладившийся как раз к весне 1948 г., в течение считанных месяцев уступает место с обеих сторон идеологическим акциям разоблачительной направленности, выполнявшимся в соответствии с актуальным по-

⁸ Такие форумы с 1947 г. проводились периодически, сначала каждые два года, и привлекали главным образом молодежь прокоммунистической ориентации. Югославские делегации активно участвовали в подобного рода молодежных фестивалях, в том числе и в четвертом «детском парламенте» в Венгрии, прошедшем 12–17 декабря 1947 г. (см. [18. Ф. 17. Оп. 137. Д. 44. Л. 70]).

литическим заказом. Нанесенные при этом Югославии психологические травмы оказались настолько сильными, что весьма затруднили новый процесс взаимного сближения, начавшийся в середине 1950-х годов, после смерти Сталина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фрид И.* Югославянское литературное влияние // *Hungaria litterata, Europae filia.* Будапешт, 1985.
2. *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос, 1940–1946 годы. М., 2008.
3. Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944–1948. М., 2004.
4. Архив внешней политики МИД РФ (АВПР).
5. *Vardy S.B.* *Modern Hungarian Historiography.* Boulder, 1976.
6. *Пушкаш А.И.* Политический и государственный деятель Венгрии Пал Телеки // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009.
7. *N. Szabó J.* Magyar-jugoszláv kulturális kapcsolatok a második világháború után (1945–1947) // *Világtörténet.* 1999, tavasz–nyár.
8. Arhiv Srbije i Crne Gore (ASCG), fond 507/IX – Komisija za međunarodne odnose i veze Centralnog komiteta SKJ (КМОВ СК SKJ).
9. *Buda И.* Международное положение Венгрии после Второй мировой войны // Восточный блок и советско-венгерские отношения: 1945–1989 годы. М., 2010.
10. *Föglein G.* Magyar-jugoszláv népesere egyezmény tervezet. 1946 // *Századok.* 1996. 6. sz.
11. *Népszava.* 1946. 13, 20 I.
12. *Kis Újság.*
13. *Vinnai Gy.* A Magyar-Jugoszláv Társaság története (1945–1948) // *Tiszatáj.* Szeged. 1982. № 2.
14. *Vinnai Gy.* Adalékok a Magyar-Jugoszláv Társaság történetéhez // *Acta Nyiregyhaziensis.* 1987.
15. *Szabadság.*
16. A vallás- és közoktatásügyi minisztérium színházi iratai. 1946–1949. Budapest, 1990. I. köt.
17. *Стыкалин А.С.* Международные научные конференции, посвященные истории Венгрии и русско-венгерских отношений // *Славяноведение.* 2003. № 5.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
19. Arhiv Srbije i Crne Gore, F. Kabinet Maršala Jugoslavije (ASCG – f. KMJ), I–3–b, 24–25.
20. *Magyar Országos Levéltár.* IV – 170/5.
21. *Póth P.* A kollektivizálás szolgálatában álló kulturpolitika // *Tanulmányok a szocialista mezőgazdaság kialakulásáról.* Budapest, 1988.

© 2010 г. А.С. ЛЕВОЧСКАЯ

«CÁR» И «KRĀLY»: РАЗМЫШЛЕНИЯ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА О МОНАРШИХ ТИТУЛАХ

Статья знакомит читателя с рассуждениями Ю. Крижанича о семантике монарших титулов («царь», «король»). Цель настоящей статьи – поместить рассуждения Ю. Крижанича о титулах в исторический и культурный контекст, показать их «включенность» в дискуссию о титулах русского государя (XV–XVII вв.).

Given article is to introduce reader to J. Križanić's discourse on the matter of monarchic titles' («царь», «король») semantics. Article's main point is to place J. Križanić's reasoning in historical and cultural contexts, demonstrate its involvement into discussion on the topic of Russian monarchic titles (XV–XVII cent.).

Ключевые слова: царь, король, цесарь, кесарь, титул, Крижанич, Москва – Третий Рим.

В начале своего политического трактата «Razgowôri ob wladátelystwu» («Беседы о правлении»)¹ Ю. Крижанич сформулировал те задачи, которые он ставил перед собой при написании этой книги: «Потому здесь говорится о торговле, о рукодельных промыслах, о земледелии или о пахоте и обо всяких промыслах, что служат обогащению государственной казны и благоденствию народа. Об укреплении царства, об умножении сил и обо всяких ратных промыслах. О соблюдении чести и достоинства – то, что непременно надо знать, но, как мне кажется, доселе никогда не говорилось. О законах и обычаях, и о законопорядке: как он со временем бывает нарушен. Как хорошие порядки беречь, а дурные искоренять» [3. С. 371–372]. В приведенной цитате Крижанич перечисляет все, что составляет, по его мнению, основу сильного государства: развитая экономика (торговля, ремесла, земледелие), сильная армия, мудрые законы. Однако обращает на себя внимание еще один пункт, включенный Крижаничем в список тех задач, без решения которых в России невозможно создание сильного государства: соблюдение чести и достоинства («brez`ênie czêsti i weliczestwa»). Под соблюдением чести и достоинства Крижанич понимает заботу о тех проявлениях, знаках власти государя, которые свидетельствуют о его могуществе. В первую очередь речь идет о титуле государя, который, с одной стороны, должен отражать характер власти правителя (независимый/подчиненный; неограниченный/ограниченный), с другой – формировать правильное отношение иностранных государств к России, способствовать росту ее значения на международной арене. Таким образом, забота о титуле государя становится частью государственной политики.

Левочская Антонина Сергеевна – старший преподаватель кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ.

¹ «Беседы о правлении» – часть большого рукописного сборника (известная в научной литературе как «Политика»), написанного Крижаничем в 1663–1666 гг. в Тобольске [1. № 1799]. В сборнике «Razgowôri ob wladátelystwu» находятся на стр. 3 – 283. (Подробное описание рукописи см. [2. С. 324–325].)

Вопросу о титулах русского государя и истории царских титулов посвящено несколько разделов различных сочинений Крижанича (прежде всего некоторые разделы «Политики» [3] и сочинения «О римском царстве» («О Rymском carstwu»), входящих в сборник [1]). Кроме того, Крижанич еще в начале своего пребывания в России в письме к Алексею Михайловичу (1659 г.) заявляет о своей готовности написать трактат, где был бы дан ответ тем иностранцам, которые «царскому величеству должного именованя не дают» [4. С. 175]. Рассуждений Крижанича, посвященные этому вопросу, выделяют среди прочих рассуждений иностранцев о титулах русского государя своеобразием позиции, подробностью изложения, объемом привлекаемого материала.

Крижанич предлагает заменить титул русского государя «сáг» («царь»)² на титул «kráľy» («король»), пишет о происхождении различных титулов, об особенностях их употребления на Руси, говорит о причинах принятия царского титула Иваном IV.

Для того чтобы титул русского государя мог играть ту роль, о которой было сказано выше, – демонстрировать неограниченный и независимый характер власти русского государя, он, по мнению Крижанича, обязан соответствовать ряду требований: титул не должен быть заимствованным, так как любое заимствование (особенно в сфере государственной терминологии) свидетельствует о несамостоятельности народа, о его культурной и, как следствие, возможной политической зависимости от другого народа; титул должен нести информацию о характере власти государя и быть признан международным сообществом. Соблюдение третьего требования возможно только при выполнении первых двух.

Крижанич пишет, что в качестве именованя русского государя неприемлемо использование традиционного титула «сáг», так как в данном случае имеет место несоблюдение всех перечисленных требований. По происхождению русск. «царь» (то же что цсл. «цѣсарь»)³ – латинское слово, титул римского императора. «Слово “царь” латинское, а не славянское. Славяне ни своего, ни чужого правителя никогда не называли “царем”, за исключением римского государя. И только его столицу всегда называли и до сих пор называют Цариградом. То есть римского государя именовали римским словом “царь”. Точно так же мы татарского правителя называем ханом, а персидского – шахом» [1. № 1799. С. 683] (здесь и далее перевод мой. – А.Л.). Крижанич указывает, что «Сáг» – это имя одного римского рода («prozwanie iednego bolyarskogo plémena») [1. № 1799. С. 690]. Таким образом, происхождение этого слова делает недопустимым его употребление и по отношению к Богу («Сáг neběsniy»).

Крижанич пишет, что само слово «Сáг» не может, как и любое другое собственное имя, отражать характер власти правителя: «Одни имена обозначают власть или честь: король, господин, отец, а другие называют людей: Иван, Петр, Павел. Однако люди из-за корысти или по другим причинам иногда вместо имени, обозначающего власть или честь, используют личное имя. Так, в Египте первого короля звали Фараоном, и поэтому египтяне всех следующих королей начали называть фараонами. А у римлян точно так же всех государей называли цесарями. Бог – основа и начало всякой власти, и поэтому Бога правильно называют королем, господином и отцом и другими общими именами. А личными именами никто Бога не называет: ни Фараоном, ни Цесарем, ни Александром. Только в

² Об истории титула «царь» в России см.: до XVI в. – [5; 6], с XVI до XVIII в. – [7; 8].

³ О соотношении слов «царь» и «цесарь» пишет Б.А. Успенский: «Форму “цесарь” можно найти в древнейших русских церковнославянских текстах, особенно певческих: она восходит к форме “цѣсарь”, сохранявшейся до падения редуцированных, и отражает книжное произношение буквы ѣ как [e]; «слово “цесарь” было противопоставлено слову “царь”; вместе с тем это последнее слово могло писаться под титулом с выносной буквой с, т.е. как цѣсь (это объясняется тем, что форма царь восходит к форме цѣсарь)» [9. С. 142]. При этом сокращенная форма цѣсь, так же как и форма цѣсь, читалась как «царь».

наших книгах Бога ошибочно называют царем небесным, как если бы кто-нибудь назвал Бога фараоном небесным, кесарем небесным» [1. № 1799. С. 691].

Кроме того, Крижанич предлагает отказаться от этого титула для именованя русского государя и по причине сложившейся на Руси традиции неправильного его употребления. Русский государь, «совершенный самовладец», должен носить титул, отражающий характер его власти. А на Руси, пишет Крижанич, царями называли также правителей подвластных, зависимых: «В русском общем языке и в царском титуле не только наш Великий Государь Русский и Король турецкий именуется царями, но царями также именуется Крымский и Грузинский князь, которых следовало бы называть князьями, так как они признают над собой власть других государей и почитают их как своих защитников и устроителей» [1. № 1799. С. 689].

В противоположность этому, титул «krâly», по мнению Крижанича, – самое подходящее именование для русского государя, т.е. данный титул, полагает он, не является заимствованием, отражает независимый характер власти правителя, может быть признан иностранными государствами.

Крижанич пишет, что титул этот имеет славянское происхождение («krâly iest řícz slowínska») [1. № 1799. С. 690]. Им могут именоваться только независимые правители, выше власти которых может стоять только власть Бога; именно его он считает самым подходящим для русского «самовладца» (т.е. самодержца), обладающего «совершенной» властью и независимостью, так как «Король – народный правитель, который не подчиняется никакой власти, кроме власти Бога. “Король” – имя, подобающее высшему после Бога правителю» [1. № 1799. С. 681].

Крижанич отмечает, что в древности «королями» могли именоваться любые правители – «wisôki, sřídni, i posłídni (sé iest kralyi pódlinni, knêzi, i bolyari)» [1. № 1799. С. 682]. В подтверждение тезиса о том, что «королями» называли и средних, и низких правителей, Крижанич обращается к библейскому тексту: «Так, в Св. Писании тридцать два боярина, которые были на войне с королем Бенадодом, и три друга Иова и пять князей, которых победил Авраам, именуется королями» [1. № 1799. С. 682]. Крижанич имеет в виду сирийского Венадада, объявившего войну Ахаву, царю Израильскому (3 Цар 20:13). Крижанич называет 32-х царей (в славянском переводе), которые были вместе с Венададом на войне, а также пять царей, которых победил Авраам (Быт 14), «королями». Крижанич ориентируется на латинский текст: в начале параграфа, в котором он приводит употребление титула «krâly» в значении среднего и низшего правителя, Крижанич пишет, а потом зачеркивает: «Krâly po Grécku se welit Wasiléy, po Latínsku Réks» [1. № 1799. С. 682] («По-гречески “король” – wasiley, по-латински – reks»). Продолжая рассуждение о том, что в древности даже средних и низких правителей именовали «королями», Крижанич пишет: «Поэтому правителей одного города называли Wasiléyi, и у римлян Ромул и его наследники, правители одного города, назывались Réksi» [1. № 1799. С. 682]. Он приводит через запятую и славянские, и греческие, и латинские примеры, считая их точными соответствиями.

Таким образом, рассуждения Крижанича на эту тему не ограничиваются предложением заменить титул русского государя «сáг» на титул «krâly». Крижанич пишет, что слово «сáг» должно остаться в русском языке, но при этом изменить свою функцию. «Царем» должен именоваться только римский император.

Крижанич обращает внимание на оппозицию «цáрь» – «кесарь» (первый член которой употребляется для именованя ветхозаветных царей и Христа, второй – для именованя римского императора), актуальную для церковнославянского языка. Крижанич выступает против именованя римского императора «кесарем». «Кесарь», пишет он, греческий вариант лат. «caesar»: в греческом алфавите нет буквы для звука [ц]. «“Царь” означает то же, что “кесарь”, и этого слова никогда не было в нашем языке. По-латински это слово пишется César, “цесарь”, но греки,

так как в их азбуке нет буквы Ц, вынуждены переводить это слово как «кесарь» (по той же причине они вместо Целестин, Цицерон пишут Келестин, Кикерон). А у нас, славян, нет необходимости вместо Ц писать К: мы произносим правильно – “Цесарь” или даже сокращаем слово и говорим: “царь”. Так же как вместо “господарь” говорим “сударь” или “сдарь”, а вместо “бояре” – “бари») [1. № 1799. С. 684]. Если «кесарь» то же, что «царь» (цсл. *цѣсарь*), то эти два титула не должны быть противопоставлены друг другу. Пример такого противопоставления Крижанич находит в церковнославянском переводе Евангелия: «*Neimami Cária, tókmo Késaria*» («Нет у нас царя, кроме кесаря») (Ин 19:15) [1. № 1799. С. 684]. Учитывая все вышеперечисленные предложения Крижанича, можно легко предсказать, какой перевод будет предложен Крижаничем: «*Nímaem Kralyá, no Cária*» («Нет у нас короля, кроме царя») [1. № 1799. С. 684]. Здесь «*krályu*» – общее наименование для монархов, а «*śár*» – титул римского императора: «Римский государь должен называться в нашем языке не “кесарем”, а “царем”» [1. № 1799. С. 684].

В чем, по мнению Крижанича, причина появления такого противопоставления двух тождественных элементов? Здесь Крижанич переходит к критике кирилло-мефодиевской традиции. Он пишет, что начало пуганице положили греки, выполнившие славянский перевод Св. Писания. Славяне всегда (до того, как был выполнен славянский перевод Св. Писания) называли «царем» только римского императора: «Славяне ни одного своего или чужого правителя никогда не называли царем, за исключением римского государя, и только его столицу называли и называют Цариградом» [1. № 1799. С. 683]. Греки своего царя именовали «*Wasiliem*». И греки решили, что того правителя, которого они именовали «*Wasiliem*», славяне называют «царем». И поэтому «неправильно в наших церковных книгах слово “*Wasiléy*” переведено как “царь” там, где следовало бы писать “король”» [1. № 1799. С. 683]. Таким образом, для всех случаев употребления греч. βασιλεύς (византийский император, именование Христа и ветхозаветных царей) греческими переводчиками было выбрано слово «*śár*», соответствующее греческому слову только в одном значении – «византийский император». Схема, предложенная Крижаничем, снимает противоречия: титул «*krályu*» объединяет в себе религиозный и государственный аспекты («*krályu*» как именование любого монарха и как именование Христа и ветхозаветных царей).

Крижанич говорит о необходимости внести соответствующие исправления в текст славянского перевода Библии и сам, приводя цитаты из Св. Писания, использует именование «*śár*» и «*krályu*» в тех значениях, которые были указаны выше («*śár*» – именование римского императора, «*krályu*» – именование Христа и ветхозаветных царей). Например: «*Dáite czto iest Cárowo cária, i czto iest Bôžie Bógu (Mat. 22.21)*» (Мф 22:21) [3. С. 208]; «*Sâm krály nebêsni kogda mežu lyudmî w' râbskom oblčiziu prebiwâsze, plac`al iest dâny zemskômu krályú*» (Mat. 17.24)» (Мф 17:24) [3. С. 208]; «*Molite za žiwót Nabuchodonosóra kralyá i za žiwót Waltasára sína iegò (War. 1.11)*» (Вар 1:11) [3. С. 208]; *Gospod gospodóm, i krály kralyèm (Apok 17.14)*» (Откр 17:14) [3. С. 226] (курсив мой. – А.Л.).

Необходимо отметить, что, предлагая именовать Христа и ветхозаветных царей «королями», Крижанич следует хорватской традиции. Интересно сопоставить приведенные выше цитаты, исправленные им, с другими текстами, иллюстрирующими хорватскую традицию употребления титула «*krályu*». Так, в конце словаря Фауста Вранчица «Словарь пяти известных европейских языков: латинского, итальянского, немецкого, хорватского, венгерского», изданного в 1595 г. [10], имеется параллельный текст молитвы «Отче наш» на латинском и хорватском языках. Латинское «*Adveniat regnum tuum*» переведено на хорватский как «*Pridi Kralyestvo tvoje*», т.е. латинскому «*regnum*» соответствует хорватское «*kralyestvo*».

Правомерным также будет обращение к переводу Псалтири с латинского на хорватский язык, выполненному Бартолом Кашичем (1625) [11]. Ср. следующие

цитаты из перевода Кашича с переводом тех же фрагментов, предложенным Крижаничем⁴:

Кашич	Крижанич
Jere Ğn višnji, strachoviti: kralj velički varchu sve zemlje (Пс 46:3). Ere kralj od sve zemlje Bog (Пс 46:8).	Gôspod wišók, strászen i krály welik nad wsëiu zemlyéiu (Пс 46:3). Krály wseé zemlyí Bôg (Пс 46:8).

До настоящего момента мы говорили о том, что Крижанич был недоволен существующей системой именованй по причинам языкового характера: неправильный перевод греч. βασιλεύς повлек за собой неправильное употребление титула «сáг» (именование Христа и ветхозаветных царей, именование русского государя иностранным титулом), появление противопоставления «царь» – «ке-сарь» («Neimami Ságia, tókmo Késaria»). Однако нами остается незатронутым вопрос, который обсуждается Крижаничем, – вопрос о зависимости используемых монарших титулов от культурной ориентации государства. Так, пишет Крижанич, официальное принятие царского титула на Руси было связано с желанием Ивана IV повысить свой статус. Иван IV, стремясь подтвердить свое право на неограниченную власть, принимает царский титул, титул римских императоров, и поощряет распространение «басни» о происхождении русских князей из рода римского императора Августа⁵.

В рамках разговора о неприемлемости для русского государя «чуждого» титула и необоснованности притязаний русских государей на некоторую родственную связь с родом римских императоров Крижанич обращается к обсуждению идеи «Москва – третий Рим»⁶. Он подробно разбирает ее (см. [23. С.144–148]) и отвергает, прибегая к толкованию пророчеств Даниила, Ездры, апостола Иоанна: «Бог оповестил через святых пророков [...] что на свете будут четыре преславных королевства, а последнее и сильнейшее из всех – Римское, и что это Римское королевство в конце концов ослабеет и разделится, и совсем погибнет и будет разрушено» [3. С. 631]. Пророчество исполнилось – и Римское царство погибло. Однако несмотря на то что Рим пал, греки, а затем и немцы пользовались «суетным и пустым именем этого Римского королевства» [3. С. 631]. Называть Москву Третьим Римом означает желать Русскому государству позора и гибели и навлекать на русский народ Божий гнев, «ибо после разрушения этого преславного царства его название и герб стали злосчастливыми (то есть проклятыми, окаянными и сулящими неудачу)» [3. С. 633].

Таким образом, Иван IV, официально приняв титул «царь», актуализировал культурную связь с Римским царством не только как с сильной империей, но и как с государством, обреченным на гибель: «А царь Иван начал снова созидать, отстраивать и возрождать то, что Бог разрушил и чему он назначил навеки оставаться разрушенным. Не значит ли это бороться с Богом?» [3. С. 633].

Однако именование русского государя «царем» может свидетельствовать не только о культурной ориентации на Рим, но также об ориентации на Византию.

⁴ Ср. приведенные цитаты с церковнославянским переводом: 1) ѿкогѣ вишнѣи, страшенъ, црь велен поведеи земли [11. Пс. 46:8]; 2) ѿкогѣ всей земли къ [12. Пс 46:8].

⁵ Легенда о происхождении русских князей из рода римского императора Августа была известна Крижаничу из «Сказания о Словене и Русе», вошедшего в состав Летописного Свода 1652 г. [13; 14; 15]. В 1661–1662 гг. Крижанич делал выписки из Свода 1652. Рукопись [1. № 1801], содержащая выписки, дефектна. Отсутствуют первые 22 страницы. На отсутствующих страницах имелось переписанное Крижаничем «Сказание о Словене и Русе». Мы можем говорить об этом с уверенностью, так как в составленном Крижаничем оглавлении к выпискам есть указание на Сказание [1. № 1801. Л. 103].

⁶ Концепция «Москва – Третий Рим» появляется на рубеже XV–XVI вв. [16–22].

В этом смысле интересно обращение Крижанича к легенде о дарах Мономаха, излагавшейся в Летописном Своде 1652 г., текст которого Крижанич переписывал в 1661–1662 гг. (см. [4; 24]). Переписанный Крижаничем текст легенды мы находим в его выписках из русской летописи [1. № 1801. С. 26–28]. В «Политике» Крижанич подробно разбирает некоторые летописные известия, в том числе и данную легенду. Он не считает эту легенду «басней», как другие легендарные сюжеты русской истории (о грамоте Александра Македонского, о призвании на Русь варяжских князей-курфюрстов из рода римского императора Августа), однако утверждает, что эта история свидетельствует о некогда бывшей несамостоятельности русских князей и их зависимости от византийского императора. В речи, написанной Крижаничем от лица русского государя, говорится о необходимости вторичной коронации и смены титула: «чтобы закрепить все это неким достопамятным публичным актом и чтобы никто впредь не имел предлога или повода бесчестить нас или оспаривать в частных переговорах наш королевский титул, мы хотим во второй раз короноваться нашей русской короной и тогда окончательно устранить все дары и регалии Мономаха и остальные дары данайцев [...] Кроме того, чтобы честь всего нашего народа и языка (данная ему от Бога) оставалась нерушимой, мы хотим даже назваться новым и свойственным нашему языку славянским именем Богдан [...] Мы хотим изъять из нашего титула чужеземное слово “царь” и отныне будем именоваться славянским названием “король”» [3. С. 629].

Предложение Крижанича становится репликой на текст легенды о дарах Мономаха, точнее, на то ее место, где говорится о том, что после получения даров Мономаха князь Владимир Всеволодович «nareczesese perwij pomazannik, po Manamache Kostantine cari w kijewie, car i manamach welikija Rusija» [1. № 1801. С. 28] и о том, что «Segoradi carskiy wenec zowetse Manamachowa szapoczka: eiuz'e i donie welia gđari cari i welikiye kzi Wladimirkija i Moskowskija i wsea Rusii wienczaiutse» [1. № 1801. С. 28]. Таким образом, «наша русская корона», которой Крижанич предлагает короноваться русскому государю, оказывается противопоставленной «царскому венцу», полученному Владимиром Всеволодовичем в дар от византийского императора, а «свои» имена «Богдан» и «король» – чужим «Мономах» и «царь», актуализирующим представление о власти русских государей как о власти, полученной в дар от более могущественного правителя.

В этом смысле интересно противопоставление имени «Мономах» как имени императора, который дарует власть (или символы власти) другому правителю, и имени «Богдан», выражающего идею о том, что власть государям может быть дарована только Богом: «А то достоинство, которым мы обладали и обладаем, мы считам полученным от одного лишь Бога и воздаем честь одному лишь Богу – высшему царю царей» [3. С. 629].

Обратимся теперь к иностранной традиции именованию русского государя, которая была хорошо известна Крижаничу⁷.

Иностранная традиция именованию русского государя отчетливо (и часто демонстративно) противопоставлялась русской. К середине XVII в. существовала уже богатая традиция «критики» употребления русским государем царского титула [26. С. 137–155; 7. С. 45–48; 27. С. 124–152].

Уже в первых иностранных описаниях Московского государства (XV–XVI вв.) большое внимание уделялось титулу русского государя, авторы этих сочинений пытались «через его прочтение понять, на какое место в мире претендует новая держава, вышедшая на мировую арену» [28. С. 106]. «Однако какой-либо устойчивости в именовании русского государя до середины XVI в. не наблюдается. Рус-

⁷ Крижанич в «Политике» упоминает некоторые иностранные сочинения о России [3. С. 488–489; 25].

ского государя могут именовать *dux, magnus dux, imperator, principis* [...]. В середине XVI в. ситуация резко меняется. Нереалистичность планов унии и присвоения королевского титула стала для Запада очевидной. Поэтому потенциальные претензии на императорский титул стали в Европе восприниматься болезненно. Отношение европейцев к титулатуре правителя России концептуализируется и становится более строгим. Легитимными признаются только наименования *Magnus Dux* или, в крайнем случае, *Rex*. Католические страны полностью отказываются в возможности применения к Ивану IV титулов *Caesar, Imperator, Zar*» [27. С. 107].

Примером отчетливо выраженной позиции неприятия царского титула русского государя могут служить «Записки о Московии» Сигизмунда фон Герберштейна, императорского посла в России в 1516–1517 и 1525–1526 гг. В рассуждении Герберштейна на эту тему можно выделить два аспекта: политический и языковой. С одной стороны, Герберштейн говорит о самоуверенности русского правителя, присвоившего себе царский, императорский титул. С другой стороны, Герберштейн пишет об особенностях употребления царского и королевского титулов у славян, об ошибочном отождествлении на Руси титулов царь и цесарь (император): «На русском языке слово *czar* обозначает короля [*Regem*]. Но на общем славянском языке, у поляков, чехов и всех других, на основании известного созвучия в крайнем и при том ударном слоге под словом *czar* понимается император или цесарь; поэтому все, не сведущие в русском языке и письменности, равно как чехи, поляки, а также славяне, подвластные королевству Венгерскому, называют королей другим именем, а именно *Krai*, иные *Kugall*, некоторые *Koroll*; *czar* же, по их мнению, называется один только цесарь или император. Следствием этого явилось, что русские переводчики, слыша, как государь их именуется таким образом у иноземных народов, начали затем и сами называть его императором, считая, что титул “царь” более почетен, чем “король”, хотя они и означают одно и то же. Но если раскрыть все их истории и Священное Писание, то окажется, что слово *czar* соответствует везде названию “король”, а названию “император” соответствует “цесарь” (*Kessar*)» [28. С. 74–75].

Мысль о том, что русскому титулу «царь» соответствует лат. «*rex*», поскольку так в Священном Писании именуется ветхозаветные цари, и о том, что в результате ошибки переводчиков титул «царь» был отождествлен с титулом «цесарь», т.е. с императорским титулом, мы находим во многих иностранных сочинениях о России XVI – начала XVIII в. [7. С. 41–43]. Структурно многие рассуждения иностранцев о титуле русского государя схожи: утверждение о нетождественности царского и императорского титулов (т.е. титулов «царь» и «цесарь») основывается на том, что царь соответствует лат. «*rex*», так как в Священном Писании Давид, Соломон и Христос названы царями [29. С. 60; 30. С. 216–217; 31. С. 119–120]⁸.

Репликой на рассуждения иностранцев о несоответствии русск. «царь» лат. «*caesar*» могут считаться следующие слова Крижанича: «Хотя народы и признали за нами этот титул “царь” и пишут, обращаясь к нам, по-русски – “царь”, но на свои языки это слово не переводят и не зовут и не пишут нас на своих языках ни “цесарем”, ни “кайзером”. Они различают эти титулы и говорят, что имя “цесарь” – почетнее и достойнее, нежели “царь”. И тем самым причиняют нам немало бесчестья» [3. С. 629].

В своих рассуждениях о монарших титулах Крижанич исходит из следующей логики: существует оппозиция, в которой именование ветхозаветных царей и Христа, а также монарха вообще противопоставлено титулу римского императора (лат. *rex* – *caesar*); на русской почве также должно быть такое противопостав-

⁸ В польско-латинско-греческом словаре Г. Кнапского, к которому часто обращался Крижанич во время работы над «Политикой», титулы «царь» и «цесарь» также не отождествляются [32. С. 59, 61].

ление и оно должно быть правильно реализовано; в настоящий момент этого противопоставления не существует, так как по сути дела используется только один элемент оппозиции – титул «царь» (=цесарь, кесарь); необходимо ввести элемент, который будет противопоставлен слову «царь». И таким элементом становится слово «krâly». «Neimami Cária, tókmo Késaria» – “Nímaem Kralyá, no Cária” [1. № 1799. С. 684].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГАДА. Ф. 381.
2. *Калугин В.В.* Вопрос о языке в «Политике» Юрия Крижанича и современной ему русской литературе // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2006. Вып. 10.
3. *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965.
4. *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России. М., 1902.
5. *Горский А.А.* Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999
6. *Vodoff W.* Remarques sur le valeur du terme «tsar» appliqué aux princes russes avant le milieu du XV-e siècle // Oxford slavonic papers. 1978. Vol. XV.
7. *Успенский Б.А.* Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
8. *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005.
9. *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России. М., 1998.
10. *Dictionarum quinque nobilissimarum Europae linguarum, Latinae, Italicae, Dalmatiae, Vngaricae. Venetiis, 1595.*
11. *Versio illyrica selecta, seu Declaratio Vulgatae Editionis Latinae. Bartholomaei Cassij Curictensis e Societate Iesu Professi, ac Sacerdotis Theologi. Ex mandato Sacrae Congregationis de propag. Fide. Anno 1625 / Ediderunt Hans Rothe et Christian Hannick e codicibus manuscriptis Petar Bašić et Julije Derossi et Zlata Derossi curis elaboravit atque apparatu instruxit Petar Bašić. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1999.*
12. Острожская Библия. Острог, 1580.
13. *Лаврентьев А.В.* Списки и редакции летописного свода 1652 г. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981.
14. *Лаврентьев А.В.* Свод 1652 г. – памятник русского летописания XVII в. // Автореф. канд. дис. М., 1984.
15. *Лаврентьев А.В.* Летописный свод 1652 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси XVII в. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. II.
16. *Richard W. F. Pope.* Possible South Slavic Source for the Doctrine: Moscow the Third Rome // *Slavia*. 1975. Ročn. XLIV. Seš. 3.
17. *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции XV–XVI вв. М., 1977.
18. *Гольдберг А.Л.* Идея «Москва – Третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37.
19. *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
20. *Успенский Б.А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – третий Рим» // *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1996. Т. 1.
21. *Мыльников А.С.* Мифологемы «Кесарь Август» и «Москва – Третий Рим» // Славяне и их соседи. М., 2004. Вып. 11.
22. *Флоря Б.Н.* Представление о Москве как Третьем Риме и некоторые проблемы развития русской общественной мысли в XVI в. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. СПб., 2007. Т. II.
23. *Вальденберг В.Е.* Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912.
24. *Гольдберг А.Л.* Работа Юрия Крижанича над русской летописью // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 14.
25. *Golberg A. J.* Križanić und Adam Olearius (Aus der literarischen Polemik des 17 Jahrhunderts) // Veröffentlichungen des Instituts für Slawistic der Deutschen Akademie der Wissenschaften, 28/II. 1967.
26. *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.
27. *Филошкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб. 2006.
28. *Сигизмунд Герберштейн.* Записки о Московии. М., 1988.
29. *Даниил, принц из Бухова.* Начало и возвышение Московии. М., 1877.
30. Подробное описание голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М., 1870.
31. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. М., 1814.
32. *Gregorius Snaipius.* Thesaurus polono-latino-graecius. Cracoviae, 1643.

© 2010 г. Г.П. ПИЛИПЕНКО

ОСОБЕННОСТИ УСВОЕНИЯ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА ВОЕВОДИНСКИМИ ВЕНГРАМИ

В статье анализируется языковая компетенция учащихся венгров, проживающих в Воеводине (Сербия). Знание сербского языка зависит, прежде всего, от того, откуда родом информанты.

The aim of this article is to analyse the language competence of Hungarian students living in Vojvodina (Serbia). The knowledge of Serbian language is closely related to the place where are the informants from.

Ключевые слова: языковая компетенция, сербский язык, венгерский язык, Воеводина, активное и пассивное знание языка.

В статье рассматривается специфика усвоения сербского языка воеводинскими венграми через призму языковых трудностей в сербском языке для венгров. Материалом для исследования являются анкеты с письменными заданиями, которые были распространены среди учащихся семи средних учебных заведений автономного края Воеводина¹ и студентов-хунгарологов филологического факультета университета города Нови-Сад во время экспедиции в Сербию (март–апрель 2009 г.). Все информанты получают образование на венгерском языке. Общее число опрошенных составило 344 информанта.

Проанализировав этно-демографическую ситуацию в населенных пунктах, откуда родом респонденты, мы пришли к заключению, что возможно распределить данные населенные пункты по группам, которые отображают процент венгерского населения в конкретной местности: а) от 0% до 25; от 25 до 50; от 50 до 75; от 75 до 100%; б) от 0% до 50; от 50 до 100%; в) от 0% до 20; от 20 до 40; от 40 до 60.; от 60 до 80; от 80 до 100%; д) от 0% до 33; от 33 до 66; от 66 до 99% венгерского населения. Дальнейшие подсчеты проводились по всем приведенным моделям и демонстрировали одну тенденцию. Поэтому достаточно привести данные только по одной модели, чтобы получить репрезентативный результат. Данной моделью в настоящей статье является модель d².

Владение языком подразумевает активную и пассивную деятельность [1. С. 22; 2. С. 7; 3. С. 13]. При пассивном пользовании языком акцентируется способность на восприятии информации, понимании, при активном пользовании – на порождении высказываний, выражении мыслей индивида [4. С. 101–102; 5. С. 14; 6. С. 116]. В соответствии с этим было выделено четыре основные группы: устная речь, письменная речь, чтение, восприятие информации на слух. Первые два яв-

Пилипенко Глеб Петрович – аспирант Института славяноведения РАН.

¹ По переписи 2002 г. венгры в Воеводине составляют 14% населения края. Обследованные учебные заведения располагаются в районах с разной долей венгерского населения.

² При расчетах по всем моделям за 100% в каждом случае принималось количество всех информантов из конкретной подгруппы. В модели d информантов из районов с 0–33% венгров – 115, из районов с 33–66% – 122, из районов с 66–99% венгерского населения – 100 человек; семь информантов не указали свой населенный пункт, поэтому они не учитываются.

ления характеризуют активную сторону владения языком, вторые – пассивную [7. 53 о.; 8. S. 10].

Исследованию трудностей в сербском языке были посвящены две рубрики предложенной анкеты. В первой рубрике – «Трудности в сербском языке» – информантам необходимо было ответить утвердительно или отрицательно на вопросы о собственных затруднениях, возникающих у них в сербском языке в каждом сегменте языковой компетенции. Во второй рубрике – «Общая оценка сербского языка» – у респондентов выяснялось, каким им представляется сербский язык при двухуровневой оценочной шкале: трудный/легкий. Информанты могли сделать комментарии в своих анкетах напротив каждой рубрики: какие именно трудности они испытывают в той или иной сфере языковой компетенции. Анализ комментариев показал, на что ориентируются информанты при определении собственных затруднений в сербском языке. Следует отметить, что описываемые ниже затруднения были обобщены на основе комментариев информантов. Эти комментарии сгруппированы в соответствии с тем, напротив какого сегмента языковой компетенции (устная речь, письменная речь и т.д.) информанты их указывали. Собственно подсчеты выражаются в коэффициентах (см. далее). В кавычках приводятся цитаты самих информантов.

В подрубрике «Трудности в устной речи» (в рамках более широкой рубрики «Трудности в сербском языке») информанты чаще всего характеризовали свои затруднения в устной сербской речи как грамматические и лексические ошибки. Например, у них возникают проблемы с выбором окончаний у изменяемых частей речи, а также при определении рода и падежа в главных и зависимых словах. Указывается, что существуют проблемы в области лексики («Не понимаю слова», «Не приходят в голову слова», «Бедная лексика», «Знаю мало слов», «Не могу вспомнить слова»). Многие информанты указали трудности, которые можно отнести и к грамматическим, и к лексическим («Не могу выразить свои мысли»). Отдельно были отмечены акцентологические особенности собственной сербской речи респондентов: сомнения в выборе места ударения³. Среди комментариев встречались затруднения психологического характера: информанты испытывают трудности в устной речи, если необходимо быстро реагировать, отвечать по-сербски быстро.

Затруднения в письме на сербском языке, указанные в подрубрике «Трудности в письменной речи», во многом похожи на описанные выше затруднения устного речепроизводства. Это трудности грамматические: в определении спряжения глаголов, в склонении имен, в определении рода у главных и зависимых слов. В частности, отдельно отмечаются трудности в линейаризации, в сфере построения предложения («Порядок слов»). Ошибки в этой области фиксируются и при анализе письменных заданий анкеты; кроме того, такие ошибки рассматриваются и в работах по венгерско-сербскому и венгерско-словенскому билингвизму [9. S. 69–90; 135–138; 10. S. 52–55; 11], т.е. они являются типичными для ситуаций венгерско-славянских языковых контактов. Много ошибок отмечается не только в порядке слов в предложении (подлежащие, сказуемое, обстоятельство), который в венгерском существенно отличается от сербского языка, но и в порядке следования клитик, в принципе отсутствующих в венгерском языке. Сами информанты указывали на затруднения в области лексики («Бедная лексика»), а также одновременно в лексике и грамматике. Отмечаются и орфографические ошибки, которые мотивированы влиянием орфографии венгерского языка: проблемы с написанием *lj* и *j*, что отображает фонетические особенности речи венгерско-сербских билингвов и является интерферирующим воздействием венгерского языка, в котором эти звуки [*lʲ*] и [*j*] (*ly* и *j*) не различаются [12. С. 80].

³ В первом языке информантов – венгерском – ударение всегда фиксированное и приходится на первый слог, в сербском языке ударение подвижное.

Пассивное восприятие сербского языка происходит при чтении книг, газет, журналов. Основной задачей для индивида является понимание изложенной информации. В подрубрике «Трудности при чтении» информанты комментировали особенности собственного восприятия письменных сербских текстов. Это восприятие затрудняет недостаточное знание лексического состава сербского языка. Многочисленные заимствованные («иностранные») слова в сербском языке, которые в венгерском представлены в меньшем объеме из-за приверженности последнего пуризму в литературном языке, архаизмы, устаревшие слова также являются причиной непонимания сербских текстов. Ожидалось, что при восприятии прочитанного возникает больше трудностей в области лексики, тем не менее многие информанты указывали, что им мешает незнание грамматических конструкций. Таким образом, больше всего затруднений при чтении сербских текстов вызывает лексико-грамматическая сторона сербского языка.

Восприятие сербской речи на слух является важной стороной в коммуникации. Из достаточно широкого спектра ситуаций, в которых сербскую речь можно воспринимать на слух, нами выделены самые распространенные: теле- и радиовещание, а также понимание речи в разговоре. Понимание сказанного могут затруднять многие факторы, например, лексико-грамматическая сторона: трудности в восприятии сербской речи из-за малого лексического запаса, а также неустойчивые знания грамматической системы. Важны экстралингвистические особенности речи говорящих по-сербски. Быстрота речи, неартикулированность, невнятное и тихое произношение делают сербскую речь недоступной для восприятия венгра.

В результате во время производства и восприятия второязычной сербской речи информанты на всех языковых уровнях испытывают трудности многоаспектного характера, которые обусловлены внешнеязыковой и внутриязыковой интерференцией. В основном это затруднения в лексике и грамматике, они свойственны всем аспектам коммуникации. На письме возникают проблемы в орфографии. В ситуациях общения, когда необходимо быстро реагировать, говорить по-сербски, могут также возникать проблемы. А быстрота и невнятность речи говорящего по-сербски отрицательно сказываются на восприятии.

Конечно, затруднения стоит рассматривать в комплексе. Некоторые информанты именно по этой причине и указывали целый ряд собственных трудностей и ошибок в сербском языке. При анализе письменных заданий, а также диктофонных записей, мы столкнулись с тем, что большинство тех затруднений, которые указали информанты, действительно присутствует в их устной и письменной речи на сербском языке. Таким образом, мы имеем основание говорить о достоверности указанной респондентами информации. О достоверности данной информации свидетельствует также тот факт, что зафиксированные трудности (как самими информантами, так и при анализе их работ) отмечаются в исследованиях М. Бурзан и Н. Арсениевич [9; 11].

Был произведен подсчет информантов, которые указали, что испытывают трудности в сербском языке во всех сегментах пассивной и активной речевой деятельности (15,7%), и информантов, которые не указали трудности ни в одном из сегментов (6,1%). Затем полученные результаты соотносились с этнодемографическими показателями тех населенных пунктов, откуда эти информанты родом (по модели d). На графиках 1 и 2 представлена данная зависимость.

Исходя из графиков 1 и 2, можно проследить следующую зависимость. Чем больше венгров в этнической структуре населения района, тем меньше информантов, которые указали, что не испытывают затруднения в сербском языке в каждом сегменте языковой компетенции, и чем меньше венгров, тем больше информантов отметили, что вообще не испытывает трудностей ни в одном из сегментов (график 1). С другой стороны имеем обратный результат: чем больше венгров в населенном пункте, тем больше информантов, испытывающих трудности во всех сегментах языковой компетенции, и чем меньше венгров, тем меньше

График 1
Отсутствие трудностей

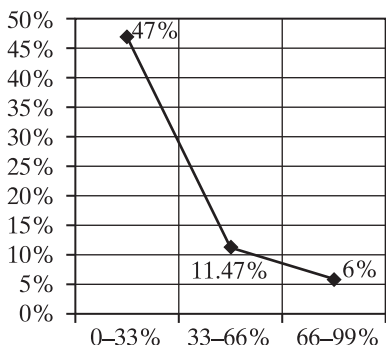
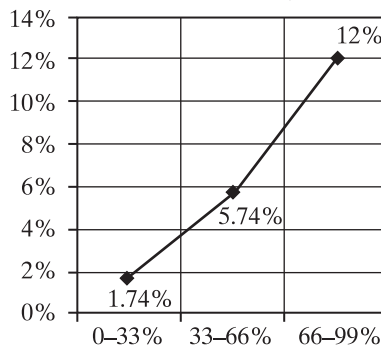

График 2
Трудности во всех сегментах языковой компетенции

информантов, которые испытывают трудности во всех сегментах языковой компетенции (график 2). Таким образом, характер этнической структуры района напрямую влияет на уровень знания сербского языка в конкретной местности.

При анализе языковой ситуации и уровня владения сербским языком введена особая единица – коэффициент трудностей (в дальнейшем КТ). КТ рассчитывался на основе данных рубрики «Трудности в сербском языке». КТ в сербском языке фиксирует уровень трудностей в конкретной сфере применения языка. Спектр функционального распределения языков состоит из семи сфер коммуникации⁴ (см. ниже). Для расчета КТ применялась следующая методика. Подсчитывалось, сколько респондентов отметило наличие у себя затруднений в каждом из четырех сегментов языковой компетенции (в подрубриках «Трудности в устной речи», «Трудности в письменной речи», «Трудности при чтении», «Трудности при восприятии речи на слух»). Данный результат затем соотносился с количеством информантов в одной из семи сфер языковой коммуникации, например, в подгруппе информантов, которые общаются с друзьями только на венгерском языке. Полученное число и является коэффициентом. Максимальное значение для него равно 1, минимальное – 0.

На следующем этапе суммировались данные из четырех сегментов языковой компетенции, которые также соотносились с количеством информантов в одной из семи сфер языковой коммуникации. Таким образом, получен общий показатель для подгруппы – общий КТ. Максимальное значение общего КТ равно 4, минимальное – 0. В итоге получен КТ для каждой из областей активной и пассивной языковой деятельности (графики 3 и 4) и общий КТ (графики 5 и 6).

Выделено семь сфер функционального распределения языков, данные по которым заполняли информанты. К этим сферам относятся: общение на школьной перемене, общение с родителями, общение с друзьями, общение в Интернете (активная языковая деятельность), просмотр телепрограмм, чтение книг, чтение газет и журналов (пассивная языковая деятельность). В каждой подгруппе также выделено по два вида возможной коммуникации, чаще всего отмечаемой информантами: коммуникация только на венгерском языке и коммуникация на сербском языке как отдельно, так и совместно с другими языками⁵.

⁴ Данные группы отдельно и более подробно исследуются в других работах.

⁵ В основном процент тех, кто использует только сербский язык в целях коммуникации, минимален по отношению к тем, кто использует сербский язык совместно с другим/другими языками. Поэтому мы не стали их выделять в одну группу и рассматриваем данных информантов вместе с информантами, использующими сербский язык совместно с другими языками.

График 3

КТ для каждой области языковой компетенции
(активная языковая деятельность)

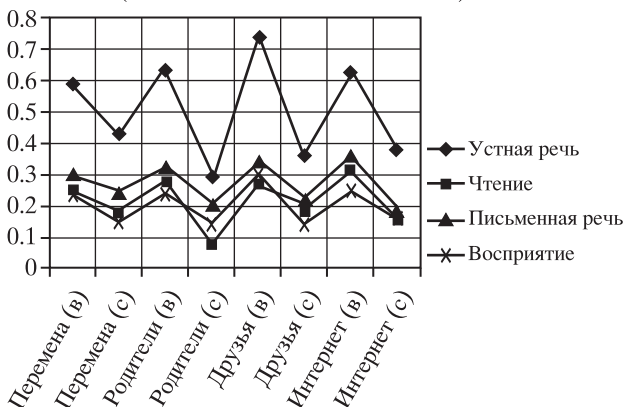
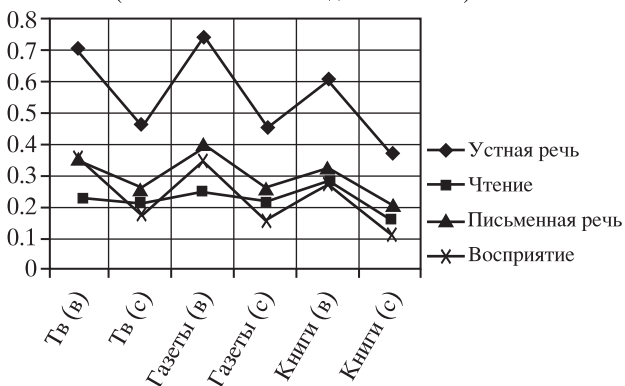

График 4

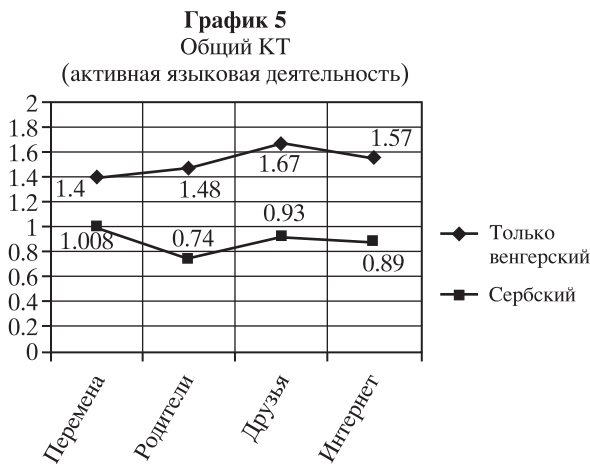
КТ для каждой области языковой компетенции
(пассивная языковая деятельность)

На графике 3 показана динамика КТ для каждой области языковой компетенции⁶ в зависимости от языка, применяемого в той или иной сфере. Сферы коммуникации приведены на нижней оси. Рядом с каждой сферой коммуникации помещен символ (в) и (с), который означает, что в данной сфере используется только венгерский язык (в) либо сербский язык как отдельно, так и совместно с другими языками (с). Рядом с областью построения указано соответствие линий конкретной области языковой компетенции. На графике 3 приведен КТ для активной языковой деятельности (общение на перемене, с родителями, с друзьями, в интернете), на графике 4 – КТ для пассивной языковой деятельности (просмотр телепрограмм, чтение газет, журналов).

Отчетливо проявляется динамика КТ: в сферах языковой деятельности, где используется исключительно венгерский язык (в), КТ всегда выше, чем в тех же сферах, но с использованием сербского языка как отдельно, так и совместно с другими языками (с). КТ для устной и письменной речи на обоих графиках выше, чем КТ для чтения и восприятия сербской речи на слух, что свидетельствует о принципиально большем объеме трудностей в активных областях языкового

⁶ Под областью языковой компетенции понимается компетенция в устной, письменной речи, при восприятии речи на слух и при чтении.

проявления (устная речь, письменная речь), чем в пассивных областях языкового проявления, каковым являются чтение и восприятие речи на слух. Данное наблюдение подтверждается и в других исследованиях [13. Р. 79–95]. Таким образом, частота использования сербского языка влияет на степень владения этим языком.

На графике 5 приводятся общий КТ для активной языковой деятельности (общение на перемене, с родителями, с друзьями, в интернете), на графике 6 – общий КТ для пассивной языковой деятельности (просмотр телепрограмм, чтение газет, журналов).

Структура графиков 5 и 6 несколько изменена по сравнению с графиками 3 и 4. Линиями рядом с областью построения обозначается использование только венгерского, либо использование сербского языка как отдельно, так и совместно с другими языками в конкретной сфере коммуникации. Интересно, что КТ ниже всего там, где общение с родителями происходит, в том числе, на сербском языке – 0,74⁷. Затем следует КТ со значением 0,84 в том сегменте, где информанты читают книги также по-сербски. Таким образом, меньше всего трудностей в сербском языке испытывают именно информанты, пользующиеся сербским языком в данных сферах коммуникации.

Очевидно, что КТ у двух групп информантов разные. В каждом сегменте КТ намного выше у тех, кто использует только венгерский язык. Это означает, что они испытывают больше всего трудностей в сербском языке.

⁷ В большинстве случаев речь идет о смешанных семьях.

Таким образом, КТ позволяет выяснить уровень владения сербским языком. Использование сербского языка в каждой сфере коммуникации ведет к уменьшению трудностей в сербском языке. Если мы анализируем отдельные области языковой компетенции, то при активной деятельности (устная, письменная речь) трудностей будет больше, чем при пассивной языковой деятельности (чтение, восприятие речи на слух) вне зависимости от того, используется ли только венгерский язык или также и сербский язык. Отсутствие трудностей зафиксировано в основном у венгров из районов, где они являются меньшинством, больший объем трудностей в сербском языке зафиксирован у венгров из районов гомогенного проживания.

Одновременно с заполнением рубрики «Трудности в сербском языке» информантам предлагалось ответить на вопрос рубрики «Общая оценка сербского языка»: является ли для них сербский язык трудным или легким. Некоторые информанты указывали, что сербский язык является для них одновременно и трудным и легким. Необходимо было также дать свой комментарий. С помощью комментариев можно узнать, каким видят сербский язык венгры в Воеводине с точки зрения трудности/легкости языка.

Комментарии респондентов дают много информации, позволяющей определить, какой смысл вкладывали опрошенные в понятия «трудный» и «легкий» при определении характера сербского языка. Среди тех, кто указал, что сербский язык трудный, встречаются следующие объяснения. Информанты обращают внимание на внутривидовые особенности сербского языка, вызывающие у них затруднения в процессе овладения языком и при его использовании. Например, есть такие комментарии: «Окончания падежей», «Окончания, род», «Грамматика», «Падежи», «Много падежей» и т.д. Отмечаются особенности словоизменения в сербском языке, и трудности в определении рода – категории, отсутствующей в венгерском языке. Трудности в области лексики объясняются следующим образом: «Слова смешиваются из-за схожести», «Я не знаю много слов», «Я знаю мало слов», «Много незнакомых слов» и т.д. Затруднения на фонетическом уровне описываются как ошибки в «произношении», «ударении», в трудностях произнесения «скопления согласных»⁸. Следующую группу комментариев составляют высказывания, в которых говорится о влиянии окружающих и среды на усвоение языка, т.е. отмечаются экстралингвистические факторы: «Я вырос среди венгров, редко использую сербский язык», «Там, где я живу, говорят по-венгерски», «Там, где я родился, мало говорят по-сербски», «Для венгра из венгерской среды сербский язык трудный», «Я вырос в среде, где нет сербов», «Я вырос в венгерской среде, мало общался с сербами» и т.д. На представления о степени трудности сербского языка оказывает влияние то обстоятельство, из какой среды происходит информант, а также то, есть ли у него возможность использовать сербский язык в настоящее время, например: «Я не общаюсь достаточно на сербском языке», «Я не говорю много по-сербски», «Не с кем говорить каждый день», «Я не использую сербский язык», «Если бы я говорил больше, то знал бы лучше», «В моем окружении нет тех, с кем можно говорить по-сербски» и т.д. Трудным сербский язык является для тех информантов, кто не учил этот язык в детстве: «Кто не учит с детства, тому трудно», «Я не учил в детстве», «Сербский – не мой родной язык, не знаю с детства». Некоторые опрошенные отмечали, что сербский язык плохо преподают в школе, поэтому он является для них трудным языком: «В начальной школе не учат как нужно», «В 5-м классе учитель все объяснял на венгерском». Реальная ситуация такова, что в большинстве школ с венгерским

⁸ В сербском языке слово может состоять из одних согласных, например *krst* (крест), в венгерском языке редко бывает скопление согласных, тем более в начале слова. Так, иноязычные заимствования в венгерском языке, в которых встречается скопление согласных, адаптируются согласного законом венгерского языка. В слове *iskola* (школа) для устранения стечения согласных в начале слова добавлен протетический звук.

языком обучения сербский язык преподают учителя, не владеющие методикой обучения сербского языка как иностранного; многие из этих преподавателей не знают венгерский язык [9. S. 16; 14. 31 о.].

Таким образом, сербский язык представляется трудным для информантов, если этот язык не усваивается в детстве, если информант родом из гомогенной венгерской среды, если нет возможности использовать его регулярно и если в школе сербский язык не изучается основательно. В этом случае трудно достичь совершенства владения сербским языком. На эти экстралингвистические обстоятельства накладываются внутривидовые причины: различие в системах венгерского и сербского языков на фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях.

Информанты, отметившие, что сербский язык для них является легким, также объясняют этот факт комплексом причин. Во-первых, важным является время усвоения языка. Если сербский язык учат с детства, то он не будет представлять особых трудностей, например: «Я знаю сербский с детства», «Я говорю по-сербски с детства», «Я рано начал учить сербский», «Я учу сербский с рождения», «Я с детства знаю и использую сербский язык, у меня нет трудностей» и т.д. Во-вторых, отдельно указываются те случаи, когда информант из смешанной семьи и язык усвоен от родителей в детстве. В таком случае в сербском языке не будет затруднений для информанта: «Я знаю сербский язык с детства, мой папа – серб», «Мой отец – серб, я знаю сербский с детства», «Я выучил сербский одновременно с венгерским, моя мама знает сербский», «Моя мама – сербка, все объясняет, что я не знаю», «Я с детства хорошо выучил сербский язык от папы серба», «Моя мама – сербка, с рождения я отлично говорю по-сербски», «Я с детства использую сербский язык, моя мама – сербка» и т.д. В-третьих, влияние среды также существенно. Если сербов больше в этнической структуре населения района, то тем чаще будет использоваться сербский язык, и тем легче он будет для респондента, например: «Я живу в сербском окружении», «Я живу там, где говорят по-сербски», «Я живу среди сербов», «Таково окружение», «Вокруг меня многие говорят по-сербски», «Сербский язык нас окружает, каждый день сталкиваемся с ним на улице, в СМИ, в школе», «Такова среда, что мы каждый день слышим его и легко учим», «Кто живет среди сербов, тому легко», «Он нас окружает, много его слышим, и легко его выучить», «В моем окружении живут сербы», «Вокруг меня все говорят по-сербски, поэтому легко выучить», «Я рос в двуязычной среде» и т.д. О влиянии среды на характер сербско-венгерского билингвизма указывают многие исследователи [15. 88 о.; 16. 57 о.; 17. S. 6].

Таким образом, легкий сербский язык оказался для тех, кто учил его с детства, или вырос в смешанной семье, кто имеет возможность часто его использовать или родом из негомогенной венгерской среды. Это подтверждают комментарии группы информантов, назвавших сербский язык легким. Степень трудности/легкости языка определяется информантами комплексно, как совокупность экстралингвистических и внутривидовых причин.

Сербский язык определили как легкий 56% всех информантов, трудным он оказался для 38%, как средний язык, одновременно и трудный и легкий, сербский язык указали 5,25% информантов. На графиках 7 и 8 представлена зависимость восприятия сербского языка (как трудного и как легкого языка) от этнодемографической структуры населения.

Отчетливо видно, что с возрастанием доли венгров в структуре населения, отношение к сербскому языку, как к трудному, возрастает (график 7). И наоборот, с уменьшением доли венгров в этническом составе населения увеличивается процент тех, кто считает сербский язык легким (график 8).

Таким образом, можно говорить о зависимости степени трудности сербского языка от этнической структуры населения конкретной местности. Степень трудности/легкости определяется комплексом причин. Среди причин экстралингви-

График 7
Сербский язык трудный

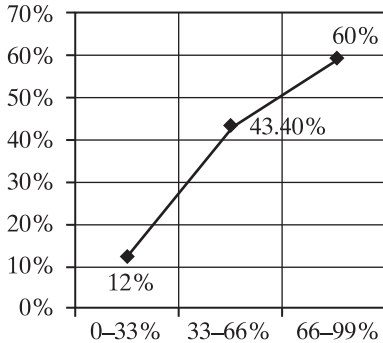
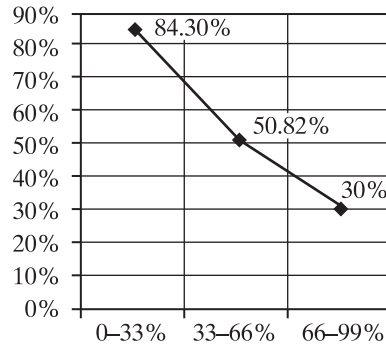

График 8
Сербский язык легкий

стического характера оказывается именно этнический характер местности, откуда родом информант, а также возможность регулярного использования сербского языка, время начала усвоения языка и характер семьи (смешанная/несмешанная). Различие систем венгерского и сербского языков (синтетический характер сербского словоизменения, отсутствие категории рода в венгерском языке, разноместное ударение в сербском языке, лексические и семантические различия в двух языках) представляется главным для информантов с точки зрения внутривидовых причин трудностей в сербском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верецагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М., 1969.
2. *Дешериев Ю.Д.* К методологии теории билингвизма и методике билингвистических исследований // Методологические проблемы двуязычия. М., 1971.
3. *Михайлов М.М.* Двуязычие в современном мире. Чебоксары, 1988.
4. *Нецименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.
5. *Дешериев Ю.Д.* Введение // Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976.
6. *Бугарски П.* Језици. Нови Сад, 1996.
7. *Göncz L.* A kétnyelvűség pszichológiája // Lánstyák István – Vanconé Kremmer Ildikó (szerk.): Nyelvészetről változatosan. Segédkönyv egyetemisták és a nyelvészet iránt érdeklődők számára. Dunaszerdahely, 2005.
8. *Genc L.* Rana dvojezičnost i kognitivni razvoj. Novi Sad, 1981.
9. *Burzan M.* Interferencija u predikatu srpskohrvatske rečenice u jeziku učenika mađarske narodnosti. Novi Sad, 1984.
10. *Bernjak E.* Slovenščina in mađarščina v stiku. Sociolingvistične in kontrastivne študije. Maribor, 2004.
11. *Arsenijević N.* Gramatička kategorija roda u mađarsko-srpskom dvojezičju // Dissertationes Slavicae. Sectio linguistica XXV. Szeged, 2001.
12. *Майтинская К.Е.* Венгерский язык. I. Введение. Фонетика. Морфология. М., 1955.
13. *Webb St.* Receptive and productive vocabulary sizes of L2 learners // Studies in Second Language Acquisition. Cambridge, 2008. № 30.
14. *Gábrityné Molnár I.* A jugoszláv társadalmi környezet elemzése a nemzeti kisebbségek szempontjából. Vajdasági útkereső. Szabadka, 1998.
15. *Göncz L.* A magyar nyelv Jugoszláviában (Vajdaságban). Budapest; Újvidék, 1999.
16. *Andrić E.* A vajdasági magyar diákok nyelvi hibáiról // Hungarológiai közlemények. Újvidék, 2002. № 4.
17. *Burzan M.* Metodički priručnik za nastavu srpskohrvatskog kao jezika društvene sredine od III do VIII razreda osnovnog vaspitanja i obrazovanja. Novi Sad, 1979.

© 2010 г. С. ТЕРЗИЧ

ИСТОРИЯ СЕРБИИ С ГНЕВОМ И ПРИСТРАСТИЕМ

Хольм Зундхауссен «История Сербии XIX–XXI вв.». Перевод с немецкого Т. Бекича. Белград, 2008. 579 с.

Ключевые слова: Сербия, история, Косово, Югославия, мифология.

Спустя почти 180 лет после выхода в свет «Сербской революции» Леопольда фон Ранке, которая наилучшим образом познакомила немецкую и европейскую публику с началом восстановления сербского государства и сербским общественным и культурным возрождением, из-под пера одного немецкого историка вышла книга, от которой мы ожидали, что она будет научным обобщением истории Сербии на протяжении последних двух веков.

Хольм Зундхауссен является профессором, занимающимся историей Юго-Восточной Европы в Институте восточноевропейских исследований Свободного университета в Берлине; он знаком нашей научной общественности прежде всего по своим работам «История Югославии. 1918–1980 гг.» (Штутгарт, 1982) и «Историческая статистика Сербии. 1834–1914 гг.» (Мюнхен, 1989). В то же время, начиная с книги «Эксперимент “Югославия”» (Мангейм, 1993), его работы по сербской и югославской истории стали вызывать сомнения в научной объективности и исследовательской корректности. Какое значение придается в немецкой среде появлению «Истории Сербии», видно из благодарности, предшествующей тексту: «Эта книга увидела свет благодаря поддержке литературной сети ТРАДУКИ, которую основали совместно австрийское Министерство европейских и иностранных дел, Союзное министерство иностранных дел Германии, швейцарский Совет по вопросам искусства “Про Хелвеция”, австрийский КультурКонтакт, институт Гете и Фонд С. Фишера».

Как и любая другая, эта книга имеет свои сильные и слабые стороны. В данном случае значительно преобладают слабые стороны, что ставит под вопрос научную состоятельность книги и ее автора. К лучшим и, к сожалению, немногочисленным страницам книги можно отнести те, которые посвящены отдельным элементам развития сербского общества, в первую очередь развитию сел и небольших городов, а также сопоставительному статистическому анализу экономического развития. Значительно большую часть книги составляет интерпретация в основном известных фактов, прежде всего, вопросов сербской государственной идеи, политической и культурной интеграции сербов, политической мысли, национальной идеологии, культурных и духовных традиций и вопросов сербского самосознания в целом. Причем это делается без реальной оценки исторического контекста развития Сербии и особенно внешних вызовов, с которыми она сталкивалась и на которые должна была реагировать.

Терзич Славенко – д-р ист. наук, научный советник Института истории, Белград (Сербия).

В действительности вместо современного критического обобщения мы получили современное политическое прочтение сербской истории, предвзятое, и в большой степени идеологизированное и подчиненное политическим целям. На некоторые спорные суждения указал Душан Батакович в послесловии к сербскому изданию книги, озаглавленном «Картины современной Сербии: преувеличения, преуменьшения, оспаривания». Создается впечатление, что основная функция книги – дополнительная легитимизация разрушения Югославии и созданной после него политической архитектуры, всех драконовских мер, принятых против Сербии и сербов, а возможно, и того, что еще произойдет в будущем.

Интерпретация сербской истории прикрыта, на первый взгляд, научным теоретико-методологическим подходом и сопровождается объемным научным аппаратом и списком литературы, который должен свидетельствовать о том, что речь идет о якобы современном и глубоком историко-социологическом исследовании стратификации сербского общества на протяжении последних двух веков. При этом, однако, бросается в глаза, что автор не использует крупные классические труды немецких славистов и балканистов, такие, как, например, «История Юго-Восточной Европы» Георга Штатмиллера, изданная в Мюнхене в 1950 г., многочисленные работы о южных славянах Йозефа Матла, большое количество работ Алойза Шмауса, бывшего хорошим специалистом в области сербской культуры.

Также он не использует или использует в незначительной мере крупные классические труды сербской и югославской историографии, например крупные работы Стояна Новаковича «Балканские вопросы», Йована Радонича «Римская курия и южнославянские земли», Гргура Якшича и Воислава Вучковича (только одна работа), Виктора Новака «Magnum crimen», Федора Чулиновича (многочисленные работы о Югославии), Богдана Кризмана, Хамдии Капиджича, Милорада Экмечича «Создание Югославии» и другие работы, Василие Крестича, Чедомира Попова (ни одной работы), Михайло Войводица и Драголюбa Живоинича (только по одной работе). В ходе критического рассмотрения сербской историографии оспариваются ее лучшие достижения, больше всего совершенно незаслуженно и необъяснимо пострадал Любодраг Димич, в то время как лишь молодые коллеги Дубравка Стоянович и Мирослав Йованович «открывают совершенно новый взгляд на сербскую историю».

Читающий эту книгу постоянно стоит перед дилеммой – что в действительности является ее предметом: автор вначале говорит, что это «история сербского государства и сербского народа», причем он различает «государство Сербию» и «ментальную Сербию», политическую географическую карту и «ментально-географические карты». Из дальнейшего повествования мы узнаем, что в центре этого произведения находятся «сербы из Сербии» (сербиянцы), в то время как сербы, живущие к северу от Дуная и к западу от Дрины (пречане), также как и черногорцы, которые иногда определяются как сербы, иногда как черногорцы, включаются в него лишь от случая к случаю. Зундхауссен говорит, что повествование обо всех сербах просто-напросто вышло бы за рамки этой работы и поэтому «речь идет об истории сербской нации, только с оговорками». Автор не забыл о «важной роли сербской диаспоры», причем, прежде всего, он имеет в виду сербов из южной Венгрии. В конце Зундхауссен заключает, что в этой книге «речь идет не только о государственной истории Сербии, но и прежде всего об общественной и культурной истории сербов», т.е. об истории Сербии в транс-территориальном и транснациональном смысле. Таким образом, в конце концов, нам объясняют, что «эта история, только с оговорками, – история сербского государства».

Х. Зундхауссен уже с первых страниц книги подводит к выводу о том, что сербское государство и сербская нация создаются в XIX в. и что речь не идет о возрождении или воскрешении сербского государства, как утверждает Ст. Новакович. Вся эта книга, по существу, в радикальной форме критически переоценивает и ставит под вопрос устоявшиеся до сегодняшнего дня знания и положения о Сербии, и, в известной степени, о сербах в национальной и европейской историографии. Сербская история сводится у Зундхауссена к мифам и мифологическому и националистическому сознанию, а сербская этническая и государственная территория ограничивается, по существу, Белградским пашалыком. «Мифы и легенды, – говорит автор, – в преувеличенном виде проникли в историографию о Сербии и сербах».

Книга Х. Зундхауссена наполнена различными конструкциями, которые автор создал с целью доказательства своего основного тезиса: сербское государство образовалось и существует только на территории бывшего Белградского пашалыка, а все, что находится за его пределами, – это сербский миф и националистическая мегаломания, призывающие к завоеванию близлежащих территорий. Одним из таких построений является историко-политический термин «Косово», который, как таковой, согласно Зундхауссену, существует со Средних веков. Однако многие авторы, среди которых и профессор Сима Чиркович, доказали, что понятие «Косово» в историко-географическом смысле веками было связано с географическим понятием «Косово Поле», равниной между реками Ситницей и Лабом, и что этот термин начал распространяться только в конце XIX в. благодаря османскому Косовскому вилайету, а с 1968 г. и благодаря названию края «Косово» вместо предыдущего названия «Косово и Метохия».

Зундхауссен настойчиво проводит идею о косовской политико-территориальной и этнической общности, существовавшей со Средних веков и до настоящего времени, настаивая на том, что ее непременно необходимо отделять от понятия «Сербия». Как он отмечает, резиденция восстановленной в 1557 г. Сербской патриархии находилась «в Пече (Косово)». Некоторые приштинские историки (такие, как Скендер Ризай) ставили под вопрос численность сербов, которые в 1690 г. покинули прежде всего Косово и Метохию (это является спорным и для Зундхауссена, хотя он не приводит фактов, опровергающих признанную в историографии, а не в «народных преданиях», цифру в 37 000 семей). Но почти никто, кроме него, не оспаривал тот факт, что речь идет об исходе сербов: «Весьма вероятно, что беженцы были преимущественно православного вероисповедания (хотя между ними, по всей вероятности, были и христиане католической веры). Нельзя с уверенностью сказать, были ли они этническими сербами» (с. 57–58). Кем же все-таки были эти православные, во главе которых стоял сербский патриарх Арсений III? Ответа мы не получили. Для Зундхауссена важно лишь то, что это событие вошло в сербский национальный миф.

На всех европейских картах XVI, XVII и XVIII вв. сегодняшняя территория Косова и Метохии обозначена как часть Сербии или Королевства Сербии под турецкой властью, а со времени создания Княжества Сербии – как часть Старой Сербии. Как правило, Зундхауссен иронично ставит Старую Сербию в кавычки, отождествляя ее с «Косово», хотя, как известно, Старая Сербия охватывала Старую Рашку, Косово и Метохию и Кумановско-скопско-тетовскую область.

Уже упоминавшийся немецкий историк Г. Штатмиллер в книге «Исследования ранней албанской истории» (Будапешт, 1942; Висбаден, 1966) всегда говорит только о «Старой Сербии», например, когда отмечает, что Старая Сербия не является исконным албанским регионом, роль которого играет область Мат в Средней Албании. Штатмиллер пишет: «Крупные области, которые составляют территорию Старой Сербии (Косово Поле, Метохия, Новипазарский санджак) из-за своего расположения являются областями не летнего, а зимнего выпаса скота [...]

Также эти области не обладают географической изолированностью, которая является важной характеристикой для исконной области. Легко доступные со всех сторон области играли когда-то большую роль, будучи ядром старого сербского (рашского) государства [...] Поэтому протоалбанскую исконную область не следует искать в Старой Сербии» [1. S. 87].

Австро-венгерский майор Петер Кукуль в своем произведении «Княжество и турецкая Сербия» использует термин «Старая Сербия» («Stara Srbia», «Alt Serbien»), проф. Карл Пойкер в 1912 г. публикует в Вене четвертое издание карты под названием «Македония, Старая Сербия и Албания». Пойкер констатирует наличие славянского большинства в Косовском вилайете. Австро-венгерский консул и албанист Теодор Ипер использует термин «Старая Рашка» («Das Alte Rascien») для большей части Косова и Метохии [2; 3; 4]. Немецкий путешественник и публицист Генрих Ренер в книге «Через Боснию и Герцеговину (вдоль и поперек)», изданной в Берлине в 1896 г., в прилагаемой карте использует термин «Рашка», но по отношению ко всей территории Косова и Метохии [5]. Известный британский историк Гарольд Темперлей в своей «Истории Сербии» также, как и многие другие, употребляет название «Старая Сербия» [6] (в приложении карта «The Serbian Kingdams»). В одном из сообщений опубликованной британской дипломатической переписки начала XX в. отмечается: «Старая Сербия до сих пор остается беспокойным регионом из-за беззаконий, мести и расовой ненависти албанцев» [7. P. 45].

Для Зундхауссена создание сербского государства и сербской нации начинается вместе с Первым и Вторым сербскими восстаниями, в то время как понятие «воскрешение» он ставит в кавычки. Примечательно, что выражение «турецкое иго» Зундхауссен тоже всегда пишет в кавычках. Если основная задача историка – это сначала ознакомиться со всеми релевантными источниками, а затем понять и объяснить предмет своего исследования, становится ясно, что Зундхауссен не придерживался этого метода. Он просто даже не пытался понять и объяснить сербскую историю. Он говорит, что династия Неманичей не может считаться сербской в этническом плане, так же как и «величественные культурные и правовые памятники эпохи Неманичей – монастыри, фрески, жития святых и правителей или Законник Стефана Душана, так же как и сербский монастырь Хиландар на Святой горе Афон, могут только условно считаться “сербскими”» (с. 35). Глядя на такой подход, напрашивается логичный вопрос, какая другая национальная культура, в том числе и немецкая, не является результатом проникновения и влияния, и, в конечном итоге, синтеза других культур и цивилизаций?

Зундхауссен с особым вниманием занимается Косовом, косовским мифом и косовской легендой, но также и османским политическим и общественным окружением. При этом его оценка жизни сербов под османским владычеством пронизана неприкрытыми туркофильскими настроениями, которые становятся препятствием для объективного видения ситуации. Он ставит в кавычки не только выражение «турецкое иго», но и «чужестранное владычество», «азиатско-исламская деспотия», «турецкая деспотия», а «о таком понятии как “оккупация” мы и не говорим».

Зундхауссен заявляет, что христиане и евреи были подвержены различным видам дискриминации, но не изгонялись. Крупные миграции населения и демографические сдвиги вследствие турецких завоеваний и после них он нейтрально называет переселениями «между территориями и культурами». Исламизация для него – «переселения» за пределы культурных границ» (с. 58), другими словами, смена веры, языка и повседневного образа жизни. Предки многих из восьми миллионов мусульман, проживающих сейчас на территории Балкан, приняли ислам по собственному решению, «а о мусульманско-христианской войне в повседневной жизни вплоть до начала XIX в., не могло быть и речи. Различия между запад-

ным и восточным христианством в большинстве случаев были более значимы, чем различия между христианством и исламом» (с. 59).

Почти невероятны масштабы непонимания или, скорее, отсутствие какого бы то ни было желания понять положение христиан в османском обществе на Балканах, особенно православных сербов. Если он не захотел обратиться к летописи, составленной Милорадом Паничем-Сурепом «Когда живые завидовали мертвым», или к множеству других материалов на сербском и европейских языках, он мог прочитать докторскую диссертацию нобелевского лауреата Иво Андрича «Развитие духовной жизни в Боснии под влиянием турецкого владычества», защищенную в Университете в Граце в 1924 г., где сжато и с использованием богатой источниковой базы показывается достоверная картина тех отношений [8].

Хотя Княжество Сербия имело ключевое значение для образования сербской нации, этот процесс выходил за пределы молодого государства, охватывая и «сербов», которые жили вне Княжества. «Если они здесь ставятся в кавычки, – пишет Зундхауссен, – это должно дать понять, что на вопрос о том, кто такие сербы и что их отличает от несербов, нужно давать ответ только в рамках создания нации, и на него существует не какой-то один, а несколько ответов» (с. 90). Сербь с территорий, окружающих Княжество Сербию, в течении XIX в. прониклись сербским национальным сознанием. Сербское государство в тот момент охватывало только одну часть сербских земель, или земель, считавшихся «сербскими», и таким образом, по мнению немецкого профессора, «освобождение» соотечественников, находившихся под чужеземным владычеством, ирредентизм, стали долгосрочной программой национально-политических сил.

Значительная часть книги посвящена так называемому языковому национализму Вука Караджича и его статье «Сербь везде и повсюду» (написана в 1836 г., издана в 1849 г.). Для автора книги очень спорным кажется положение о том, что сербами являются все, кто говорит на штокавском диалекте, хотя этого положения придерживалась вся славистика того времени во главе с Павлом Йозефом Шафариком.

Особое место в своем рассмотрении «национальной мифологии» Зундхауссен отводит Видовдану и Косову с подзаголовком «28 июня и Косово: рождение места для воспоминаний». Не понимая сущности совокупного сербского эпического наследия и вообще не желая его понимать, он полагает, что наряду со сборником песен Вука Караджича, благодаря «Горскому венцу» П. Негоша «косовский миф перешел в национальную мифологию сербов» (с. 115). Зундхауссен говорит, что Негош ввел в создающуюся национальную культуру воспоминания о Косово и заключает: «Косовский миф основывается на объяснении и эстетизации того, чего не было». Наконец, «свою сегодняшнюю разрушительную силу он получил благодаря установлению связи между “небесным царством” и новым земным Княжеством Сербией, благодаря своей направленности против “отступников” и мусульман, с включением мифа в долгосрочную политическую программу постосманской Сербии, благодаря своему политическому мессианству и (ветхозаветному) императиву возмездия, который становится все сильнее» (с. 127).

Зундхауссен всегда ставит в кавычки «сербский вопрос», который он рассматривает в трех аспектах. Его видение «Начертания» (1844) не отличается от многих современных стереотипных толкований последних нескольких десятилетий. Спорной является даже его проекция некоторых позднейших административно-политических понятий на более ранние периоды. Он употребляет термин «Новипазарский санджак», которого не существовало во время создания «Начертания», и, как правило, всегда использует термин «Косово» для обозначения современного политико-территориального понятия Косово и Метохия, хотя, как известно, и этого понятия как такового не существовало в середине XIX в.

Зундхауссен использует крайне выборочный подход по отношению к историческим фактам и отбрасывает все, что не подтверждает его основных заранее заданных политических тезисов. Так, например, несмотря на то что историк Милорад Экмечич в своих многочисленных работах весьма убедительно доказал сильное влияние британской дипломатии, и прежде всего Дэвида Уркварта, на закладывание основ «Начертания», Зундхауссен оставляет без внимания этот важный аспект возникновения данного документа. Программа Объединенной сербской молодежи для Зундхауссена является программой «иррединтистского национализма». Выселением мусульманского населения из Сербии в 30-е годы XIX в., а затем в 1862 г., по его мнению, задан курс в направлении этнической гомогенизации.

Импровизации, к которым прибегает Зундхауссен в стремлении обосновать свои положения о сербской националистической «мифомании», недопустимы и почти невероятны для профессионального историка. Восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г. было восстанием «христианского населения», а не сербского, которым оно в действительности было; сербские войска в начале 1878 г. «захватили Нишский санджак (с городами Ниш, Пирот и Вранье)». Известный архимандрит Сава Дечанац из монастыря Дечаны для Зундхауссена – «локальный духовный главарь православных в Косове» (с. 152), хотя, как известно, Косово и Метохия являются составной частью Рашко-Призренской епархии, во главе которой стоял митрополит Мелетий, грек по происхождению, а сама епархия была в составе Константинопольской патриархии. Князь Милан Обренович, освободитель Нишского, Враньского, Пиротского и Топличского округов для Зундхауссена является «выдающимся военным спекулянтom», поскольку он «за скромную сумму купил турецкий дворец внутри Нишской крепости». Период с 1878 по 1918 г., который не только в национальной, но и в европейской историографии обозначается как заключительный этап сербского и балканского национального возрождения, Зундхауссен называет «национальным иррединтизмом» (с. 207).

Общеизвестно, что Общество Святого Савы было основано в 1886 г. австро-фильским напредняцким правительством и что его деятельность была направлена исключительно на Старую Сербию и Македонию (общество издавало журнал «Братство» с девизом на первой странице – «Брат остается братом вне зависимости от веры»). Сербия должна была воздерживаться от каких бы то ни было акций по отношению к Боснии и Герцеговине из-за обязательства, взятого на себя в Тайной конвенции. Тем не менее, Зундхауссен полагает, что Общество «должно было защищать сербское население в Македонии и Боснии и Герцеговине от террора Болгарского экзархата, другими словами, от австро-венгерских властей и поднимать национальное самосознание сербов (помимо прочего, путем публикации “хороших” книг и фотографий, строительством школ и церквей)» (с. 207–208).

В то время о строительстве церквей в Старой Сербии, а особенно в Македонии, не могло быть и речи, большинство из них лежало в руинах, и речь могла идти, возможно, о восстановлении разрушенных, и то очень редко. Большинство старых и известных сербских монастырей было в руинах, а знаменитая Богородица Левишка в Призрене была превращена в мечеть. Но это не вписывается в главную идею автора о сербской «национальной мифомании» как основной отличительной черте сербской национальной мысли и культурной идентичности.

Он пишет: «Празднование 500-летия Косовской битвы – первая большая инсценировка сербской нации в 1889 г., введение Видовдана в “схему” православной церкви (и, следовательно, признание дня св. Вида церковным праздником) в 1892 г., как и многие национальные мероприятия в культурной и научной сферах, подготовили настоящую национальную эйфорию, национальный культ и видимость “цивилизационной избранности”, что после 1903 г. пришло к своему полному выражению» (с. 208). Если бы Зундхауссен действительно хотел понять

сербскую историю и место Видовдана и Косова в ней, он должен бы был задаться вопросом, а почему немцы так регулярно отмечают Лейпцигскую битву 1813 г.

Но главное, Зундхауссен должен был знать, что косовские темы веками были центральными темами всего сербского народного эпоса, а также сербской поэзии, прозы и искусства до его так называемой инсценировки в 1889 г.: «Плачь Сербии» З. Орфелина (1762–1763), «На Видовдан» Л. Мушицкого (1818), «Военная музыка на поле Косовом» Йована Стерии-Поповича (1854), «Красное Косово» Бранко Радичевича (1847), «Косово» Джурю Якшича (1857) и так далее; драма Й. Стерии «Милош Обилич» (1828), «Трагедия Обилич» (1837) Симы Милутиновича-Сарайлии и многие другие; как, впрочем, и в художественном искусстве – большая художественная композиция Амвросия Янковича «Косовская битва» (1776) в трапезной монастыря Раваница (которую уничтожили усташы во время Второй мировой войны), «Косовский бой» (1853) на стене церкви в Товаришеве в Бачке (1853), «Милош Обилич убивает Мурата» (1871) в своде церкви в Остоичеве, «медаль Обилича», учрежденная Негошем в 1847 г. за необычайное мужество [9; 10].

Зундхауссен не желает знать того факта, что Видовдан (Kosovo Day) отмечался во время Первой мировой войны и в Великобритании, и в США. Комитет в поддержку празднования Видовдана в Лондоне был основан в 1916 г. по инициативе проф. Э. Инглис и проф. Р. Сетона-Уотсона; наряду с другими в него входили леди Каудрей, леди Гроган, леди Педжет и другие выдающиеся личности [11]. В 1889 г. Видовдан отмечался и в Загребе в Югославянской академии наук и искусств.

Видение и оценка сербского движения у Зундхауссена почти ничем не отличается от австро-венгерской пропаганды того времени в Боснии и Герцеговине во главе с оккупационным администратором Беньямином Калаем (см. [12. S. 563]). Вук Караджич для него – «языковой националист», Йован Цвиич – также «относится к числу “выдающихся людей”, которые сформировали представление сербов о себе» (с. 210–211). Представления Цвиича о боснийских мусульманах как об исламизированных сербах или об арнаутах как исламизированных и албанизированных сербах, вставляются в контекст сербских «национально-политических целей».

Зундхауссен оставляет без внимания известные взгляды боснийских мусульман, таких, как Осман Джикич, Авдо Карабегович, Омербег Сулейманпашич-Скопляк и других, в основном молодых интеллектуалов, которые считали себя сербами мусульманского вероисповедания. Следует обратиться к книге «Побратимство. Песни Омер-бега Сулейман Пашича-Скопляка, Османа А. Джикича и С.А. Карабеговича» (Белград, 1900) или к статье Хасана М. Ребаца «Сербы мусульманского вероисповедания в Боснии и Герцеговине (политическое прошлое)», опубликованной в «Летописи» Матицы сербской, кн. 306 (Нови-Сад, 1925). О сербах-мусульманах говорят даже австро-венгерские и немецкие источники конца XIX и первых десятилетий XX в. («mohamedanische Serben») [13. S. 36; 14].

Все противники австро-венгерской балканской политики в Сербии для Зундхауссена – «русофильский панславистский табор». Митрополит Михайло – это «убежденный русофильский панславист» (с. 218), и упомянутый «табор» получил «большое подкрепление» вместе с усилением в Сербии Народной радикальной партии под руководством Николы Пашича. Вместо того чтобы говорить об истинной причине смены митрополита Михайло, он пишет о том, что напредняки «боролись за современную Сербию западноевропейского образца» и когда они пришли к власти, «сменили славянофила митрополита Михайло». В действительности же его смены хотела Австро-Венгрия, о чем свидетельствует, в частности, письмо князя Милана Йовану Ристичу, написанное им после возвращения из Вены, где

говорится, что тамошний министр иностранных дел П. Гаймерле «сильно фыркает» на митрополита Михайло и практически требует его отставки.

Придерживаясь своего идеологически политизированного подхода к сербской истории, Зундхауссен пришел к заключению, что Сербия в 1912 г. аннексировала «Косово, Санджак и Македонию» (с. 236) и что эти завоевания «не имели никакого отношения к праву на самоопределение» (с. 237). Право на самоопределение он выводит из положения, согласно которому сербы не составляли там большинство: «примерно три четверти населения в Косове говорило по-албански, в Санджаке большинство были мусульманами (говорившими на турецком и южнославянском языках), а в Вардарской Македонии сербы составляли незначительное меньшинство на севере». Ни разу он не приводит каких-либо статистических данных, которые бы подтвердили эти огульные и совершенно произвольные утверждения. О происхождении мусульманского населения Старой Рашки он мог бы узнать больше из книги новипазарского историка и этнолога Эюпа Мушовича «Этнические процессы и этническая структура населения Нови-Пазара» (Белград, 1979) или французского антропогеографа Гастона Граве, не говоря обо все еще живой народной традиции.

Право на самоопределение, на которое ссылается Зундхауссен, разумеется, не распространяется, по его мнению, на сербов в Боснии и Герцеговине или в частях Славонии, Хорватии и Далмации, где православные сербы составляли большинство. Например, в Боснии и Герцеговине во время австро-венгерской аннексии они составляли почти 44% населения; а в «Общинном вече Друбровника», как называлась общинная управа, после выборов 1911 г. из 36 мест 15 досталось Партии сербов Приморья (председатель проф. Антон Пулези), 12 из которых были сербами католического вероисповедания [15. С. 63–65]. Автора просто не волнует историческая действительность, которая не может служить политико-историческим конструкциям «новой сербской истории».

Сербская «аннексия» Старой Сербии, или, как бы сказал Зундхауссен, «Косова», и частей Македонии сопровождалась «жесточенной сербско-албанской борьбой, жестокими нападениями сербских войск и добровольческих отрядов на албанское и другое несербское население, массовым бегством, изгнанием и насильственным обращением в православие» (с. 238). Главное доказательство этим утверждениям Зундхауссен нашел в сообщении австро-венгерского консула из Скопье в конце октября 1913 г., которому доверился один сербский старший сержант, полагая, что консул серб. «Всего в ходе Первой балканской войны, – пишет Зундхауссен, – по приблизительным оценкам было убито около 20 000 албанцев» (с. 238). На этот раз мы не знаем источник, из которого взято это абсурдное и, во всяком случае, неправильное утверждение. Когда речь идет о якобы жесточеской сербско-албанской борьбе, следует сказать, что албанцы входили в состав турецких регулярных и нерегулярных войск, и поэтому речь может идти только о борьбе сербских и турецких вооруженных сил.

Один из многих примеров, которые приводит Эюп Мушович, связанный с освобождением Нови-Пазара в 1912 г., опровергает утверждения Зундхауссена об изгнании несербского населения. Мушович пишет, что «сербская армия очень порядочно и корректно вела себя прежде всего по отношению к мусульманскому миру. Генерал Михайло Живкович, командующий освободительной армией, сразу отпустил на свободу всех пленных башибузуков и отправил их к Рогозине, чтобы они возвращали мусульманское население, которое убежало из города: “Идите и скажите им, чтобы возвращались в свои дома; чтобы женщины и дети не мерзли и не голодали. Скажите им, что никто их не будет трогать, и что они будут мирно и свободно жить”. Рядом с покинутыми мусульманскими домами были выставлены сербские караулы, чтобы никто не был обворован». Мушович далее отмечает, что «никто не был убит или ограблен» [16. С. 105–106].

Из 509 страниц текста Зундхауссеновской «Истории Сербии» сараевскому убийству и Первой мировой войне посвящено неполных восемь страниц (с тремя фотографиями – Г. Принципа, сараевского убийства и французской почтовой открытки 1917 г.), из них самой войне посвящено четыре страницы (с одной фотографией). Война представлена в самых основных чертах, при этом констатируется, что Сербия с 1912 по 1918 г. потеряла «1,2 миллиона погибших, из которых две трети были гражданскими» или «28% от общей численности населения» (с. 250).

В истории Сербии и сербов и, конечно, в истории Европы большое значение имеет тот факт, что первыми концентрационными лагерями в истории Европы были австро-венгерские лагеря для сербов во время Первой мировой войны. Внимание Зундхауссена должен был привлечь тот факт, что на территории Австро-Венгрии было ровно 300 лагерей. В Германии было 50 лагерей для сербов, а в Болгарии – 25. Наибольшее число сербов в австро-венгерских лагерях было из Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины. Согласно неполным данным, общее число умерших в лагерях составляет 116 167, из которых в Австро-Венгрии – 70 000, в Болгарии – 40 500, в Германии – 3667 и в Турции 2000 [17. С. 41–46]. На одном только лагерном кладбище в Наджмеджере похоронено 5927 умерших [17. С. 393]. В лагере в Араде, по также неполным данным, умерло 4317 сербов [18]. Владимир Чорович в 1920 г. издал документальный труд «Черная книга. Страдания сербов из Боснии и Герцеговины во время Мировой войны 1914–1918 гг.»

В «Истории Сербии» Зундхауссена мы не встречаем ни единого слова об организованном уничтожении сербов Центральными державами, прежде всего Австро-Венгрией. Мы узнаем только следующее: «Благодаря одному легендарному трюку сербская армия вместе с членами правительства и большим числом гражданского населения зимой 1915/16 года пробилась с Косова Поля через черногорские и североалбанские горы до побережья Адриатики, до Скадара и Дурреса. Во время этой “сербской Голгофы” от голода, холода, болезней и из-за нападений албанцев из засады умерли 240 000 людей. Вместе с этими большими жертвами и страшными страданиями была написана новая глава сербской героической истории» (с. 248).

В своем заключительном анализе периода войн Зундхауссен приходит к выводу, что в это время произошли «первые в европейской истории XX в. этнические чистки большого масштаба», не подкрепляя это конкретными данными и территориями, кроме приведенных выше произвольных констатаций. С другой стороны, гибель свыше 1,2 млн жителей Сербии в 1912–1918 гг., о чем он сам пишет, и десятков тысяч сербов из Черногории и Боснии и Герцеговины Зундхауссен избегает называть настоящим именем – массовым преступлением, этнической чисткой и, в конце концов, – геноцидом сербского народа, очевидным намерением разными способами физически уничтожить отдельно взятый народ. Но в примечании 317 во второй главе, в котором говорится об «этнической чистке» во время балканских войн, он пишет: «В сербских средствах массовой информации понятие “этническая чистка” появилось в начале войны в Боснии и Герцеговине в 1992 г. и первоначально использовалось в позитивном, утвердительном смысле» (с. 238–239). По заведенному им правилу, здесь тоже нет источников, которыми бы он подкреплял это бессмысленное утверждение.

Иронизируя над терминами «Старая Сербия» и «Южная Сербия», и детально разбирая неудавшуюся «сербизацию», как он полагает, албанцев, македонцев и боснийских мусульман, т. е. «регионов, находившихся под “угрозой” в национальном отношении (Косово, Македония, Воеводина)» (с. 132), Зундхауссен постоянно возвращается к мнимым основам «сербской мифомании» и национализма, особенно к культам Видовдана, св. Савы и Негоша, давая им злонамеренные и тенденциозные объяснения, не стесняясь грубых искажений исторической ис-

тины. По его мнению, «в начале XIX в. церковный святитель в сербском народе в большой степени был еще неизвестен. Правда, князь Милош в 1823 г. сделал день св. Савы праздничным днем. Но только в межвоенный период св. Сава получил свое центральное место в сербской культуре (вместе с культом Видовдана)» (с. 318).

Между тем широко известно, что культ св. Савы был самым почитаемым и распространённым среди всех частей сербского народа, и пронизывал все стороны народной жизни, что было главной причиной сожжения его мощей турками в 1594 г. на Врачаре. Во время Банатского восстания в тот же год христианская раяя несла знамена с ликом св. Савы. Австрийский император Карл VI в привилегийном письме герцеговинцам в 1739 г. называет Герцеговину еще и «Герцогством св. Савы» [19. С. 131]. В конце XIX в. в культурно-просветительной жизни даже среди сербов, находившихся под турецкой властью, в Старой Сербии и Македонии, празднование Савиндана и вообще культ св. Савы имели центральное значение. Об этом регулярно и подробно писал «Царьградский вестник», сербская газета, выходившая в Константинополе с 1895 г.

Желая быть как можно более убедительным в изображении «сербской националистической мифологии» и в изображении культа Негоша, Зундхауссен и здесь допускает грубые фактографические ошибки: «Култ Негоша достиг своего пика в 1925 г., когда земные останки князя – владыки и поэта в присутствии короля и православных церковных иерархов из некогда столичного города Цетинье были перенесены на вершину Ловчена над Которской бухтой. (Мештрович создал проект мавзолея на горе Ловчен, но он никогда не был реализован)» (с. 323). Однако в действительности все было совсем иначе. Во-первых, сам Негош еще в 1845 г. построил на Ловчене часовню в честь св. Петра Цетиньского, в которой и был похоронен в 1855 г. Во-вторых, когда австро-венгерские войска заняли Ловчен в начале 1916 г., часовня св. Петра Цетиньского была разрушена, а останки Негоша 12 августа были перенесены в Цетинье. Австро-венгерский генерал Степан Саркотич, хорват, родом из одного из сел около Оточаца, командующий войсками в Боснии и Герцеговине и в Далмации, получил от императора Франца Иосифа титул барона за завоевание Ловчена и с тех пор стал зваться фон Ловчен.

Леопольд Мандл, хорошо знавший сербскую действительность, направил 29 мая 1917 г. письмо министру иностранных дел Габсбургской монархии графу О. Чернину, в котором, помимо всего прочего, говорилось: «Если мы оставим Владыку Петра II в его могиле на Ловчене, Ловчен будет местом постоянного паломничества, организованного великосербской пропагандой, и станет целью заговорщиков и орудием для осуществления их планов» (цит. по [20. С. 21]). Мандл не знал, что это уже было сделано. Оккупационные власти планировали воздвигнуть на Ловчене памятник императору Францу Иосифу, а на конкурсе на проект памятника была выбрана работа Марко Рашицы из Дубровника. После освобождения в 1918 г. начатые работы были прекращены. После войны часовня на Ловчене была восстановлена, а останки Негоша возвращены туда, где и покоились ранее. Что же касается мавзолея Мештровича на Ловчене, странно, что Зундхауссен не знает, что часовня Негоша была разрушена второй раз на Петровдан, 12 июля 1972 г., как раз для того, чтобы возвести в 1974 г. на ее месте мавзолеем Мештровича вопреки активным протестам крупнейших деятелей культуры Черногории, Сербии и других областей бывшей Югославии [21].

Чем ближе к нашему времени, а повествование ведется о событиях вплоть до 2005 г., хотя в самом конце говорится и о смерти Милошевича в Гааге 11 марта 2006 г., Х. Зундхауссен становится все менее достоверен, в большой степени заимствуя клише и язык медийного пропагандистского хора конца 1980 – начала 1990-х годов. Здесь мы встречаем слишком много необъективных оценок, чтобы рассматривать отдельно каждую из них. Число сербов, убитых в Ясеноваце

и Старой Градишке, например, он определяет цифрой «около 50 000–80 000» (с. 348). Этому противоречат, например, данные, приведенные в четвертом томе «Энциклопедии Югославии», изданной в Загребе в 1960 г., согласно которым «число жертв Ясеноваца превышает 700 000», а в «Энциклопедии Югославии», изданной также в Загребе, но в 1990 г., говорится, что Государственная комиссия Хорватии 15 ноября 1945 г. в сообщении Международному военному суду по военным преступлениям во время Второй мировой войны в Нюрнберге «констатировала, что число жертв в лагере Ясеновац составляет около 500 000–600 000, а в литературе чаще всего говорится о 700 000» [22. S. 467; 23. S. 5].

Или, скажем, конституционные изменения 1967–1974 гг. оцениваются автором «Истории Сербии» лишь как «последовательная федерализация Югославии», а не как узаконивание процесса разделения федеративного государства и его конфедерализации на национальной основе, другими словами, разрушения всех интегрирующих элементов союзного государства. Федерализация Сербии, которая произошла в рамках конституционного преобразования Югославии, расценивается позитивно («подъем Косово», Сербия «потеряла какой бы то ни было контроль над Косово и Воеводиной»), при этом критикуется тот факт, что «за албанцами-косоварами, в отличие от югославских “наций”, был признан только статус “народности”, албанцы восприняли это как дискриминацию» (с. 402).

Кажется просто невероятным, насколько Зундхауссен слеп в отношении исторических фактов, когда говорит о положении албанского меньшинства в Сербии и Югославии и особенно когда речь идет о вопросе Косова и Метохии: «“Шиптары” (обычное негативное название албанцев) считались гражданами второго сорта. Только после падения Ранковича положение дел стало медленно, но коренным образом меняться. В первый раз после присоединения Косова к Сербии в результате балканских войн 1912–1913 гг. косовские албанцы получили политические права» (с. 403).

Однако факты говорят совсем о другом. Несмотря на то что большая часть албанского меньшинства входила в оккупационные органы власти и нацистские формирования (в мае 1944 г. была создана 21 добровольческая дивизия СС во главе с командующим обергруппенфюрером Августом Шмитхубером), албанцы уже в конце войны занимали значимые должности в новых органах власти (см. [24. С. 221–222]).

Оставим в стороне то, что албанцы сами называют свое государство Шкипния (Shqipnia), откуда и происходит название «шиптар» («шкипетар»). Но Зундхауссен не задался вопросом, как могло получиться, что 8,1% представителей албанского меньшинства в Сербии, согласно переписи 1948 г., получили автономный край, в отличие от 17,1% албанцев в Республике Македония, и особенно – от почти 15% сербов в Республике Хорватия, которые к тому же пережили чудовищный геноцид и в некоторых областях, таких, как Лика, Бания и Кордун, составляли более 90% населения.

В 1960–1961 гг. в Приштине при радушной помощи Белградского университета были созданы первые факультеты – философский (в состав которого входили и группы будущего факультета математики и естественных наук), юридический и экономический, а несколько позже – технический, и в конце десятилетия – медицинский факультет. Из федерального Фонда помощи развитию недостаточно развитых территорий в период с 1961 по 1965 г. 20,8% средств расходовалось на Косово и Метохию. Сербия, помимо вложений в этот фонд, напрямую вкладывала средства в рудники, теплоэлектростанции и другие предприятия путем кредитования. В 1958 г. части Копаоникского и Студеницкого районов были присоединены к автономной Косово-Метохийской области, в результате чего ее северная административная граница переместилась на 42 км вглубь центральной Сербии.

Зундхауссен не говорит ни слова о сецессионистском движении албанского меньшинства (в 1961 г. в крае действовало 11 нелегальных великоалбанских сепаратистско-террористических организаций, основной целью которых, как они сами заявляли, было отделение Косова и Метохии и присоединение к Албании) и о массовых этнических чистках сербов в крае не только во время Второй мировой войны, но и в течение всего послевоенного времени, о чем свидетельствуют многочисленные источники, среди которых с 1959 г. и тогдашний Рашко-Призренский епископ Павел, позднее ставший Патриархом Сербской православной церкви [25. С. 794–815]. В период с 1961 по 1981 г. в 230 селах Косова и Метохии совсем не осталось сербского населения. Но Зундхауссен только на с. 437 кратко говорит следующее: «Потеря своего бывшего привилегированного положения, экономическая бесперспективность Косова и антисербские настроения среди албанцев привели многих сербов (и без притеснений со стороны албанцев) к решению покинуть эту территорию. Схоже обстоят дела и с выселением сербов из Новипазарского санджака, что, однако, мы не можем здесь рассматривать».

Вместо объективного и основанного на релевантных исторических материалах описания внутренних, и особенно международных, факторов распада югославского государства, и в конце – насильственного отъема южного сербского края, вершиной цинизма Зундхауссена стало название последней главы – «Саморазрушение Сербии (1980–2000)». Его отношение к сербам вообще и к их месту в югославском государстве лучше всего можно описать высказыванием одного из идеологов австро-венгерского оккупационного режима в Боснии и Герцеговине в конце XIX в. о том, что «все сербское по своей сущности является великосербским». Вместо того чтобы действительно описать историю Сербии и привести хотя бы основные факты, отражающие картину внутренней политической жизни страны, например, в период с 1945 по 2005 г., основных направлений развития экономики, сербского общества, культуры, науки и т.д., Зундхауссен все многочисленные элементы, составляющие историю отдельно взятой страны и общества свел к проблеме сербского национализма, мифологии, «великосербства» и другим подобным идеологическим конструкциям.

Он целенаправленно концентрируется на некоторых эфемерных явлениях исторической антропологии и истории менталитета, ставя во главу угла характерологию сербов, их мнимую патологию, культ жертвы и мученичества, «ощущения, пережитые в детстве в кругу семьи», вывода из всех этих феноменов идеологии агрессии, захватов, этнических чисток и других патологических социальных явлений. «Многие интеллектуалы в Сербии и других частях бывшей Югославии, – пишет Зундхауссен, – в последние полтора десятилетия XX в. отказались от критического мышления в пользу политической и национальной индоктринации и открыто перешли к секуляризованной теории предательства. Главная роль при этом досталась Сербской академии наук и искусств. После своего “Меморандума”, и особенно второй его части, Академия превратилась в место псевдонаучной канонизации сербской истории о жертве и теориях антисербского заговора» (с. 434).

С целью упразднения «фактического равноправия косовских албанцев» с осени 1987 г. «использовались все виды националистической и расистской пропаганды: взрывоопасная смесь из мифов, сочувствия самим себе и агрессии» (с. 445–446). «Вершиной мобилизации, – продолжает Зундхауссен, – стало празднование 600-летия Косовской битвы 28 июня 1989 г., во время которого были инсценированы “воспоминания” о “сербской Голгофе” [...] Не говоря уже о монументальном фильме “Косовский бой”, снятом специально по этому поводу!» (с. 447).

О том, на какой документальной базе основывается особенно заключительная часть книги Зундхауссена, свидетельствует тот факт, что главными его источниками, помимо прочего, были такие «звезды» журналистской пропаганды того времени, как Виктор Майер, Кристиан Аманпур, Рой Гутман и другие; свидетели

обвинения Гаагского трибунала, такие, как Гау и Обершал; один из бывших военнослужащих Югославской народной армии, который анализирует положение в своем подразделении в начале вооруженных столкновений, отношение офицеров и даже причины распада Югославии; страстно увлеченный политикой бывший мэр Белграда, который не выбирает выражений для своих оппонентов; и узкий круг других свидетелей югославских событий, значительная часть которых – журналисты и публицисты, до банальности упрощающие сложные причины югославской драмы и ее последствия.

Если он приводит текст Виктора Майера о том, что в Косово невозможно было найти ни единого доказательства о нападениях на сербов, изнасилованиях, поджогах и других преступлениях, он должен был в то же время, по крайней мере, вспомнить Дэвида Байндера и его тексты в «Times» в восьмидесятые годы и позднее. Так, в «Times» от 28 ноября 1982 г. Байндер пишет: «Почти каждую неделю происходят изнасилования, поджоги, грабежи и хозяйственный саботаж, целью которых, по существу, является изгнание из края остатков славянских старожилов Косова – сербов, черногорцев» (цит. по [26. S. 159]). Пятью годами позже в этой же газете, в номере, вышедшем 1 ноября 1987 г., Байндер пишет: «В то время как славяне бегут от продолжающегося насилия, Косово превращается в то, чего албанские националисты требуют годами, а особенно упорно – начиная с кровавых выступлений этнических албанцев в Приштине в 1981 г. – “этнически очищенный” албанский регион, “Республику Косово”» [26. S. 160–161].

Почти целую страницу Зундхауссен посвятил музыке как средству «“эмоциональной мобилизации” на службе нации» (с. 461). Больше половины страницы посвящено певице Светлане Ражнатович – Цеце. Он цитирует одного немецкого журналиста: «Стремление к “Великой Сербии” некоторым образом символизировалось, если не отождествлялась с желанием этого прекрасного тела». В конце данного очерка Зундхауссен заключает: «Меньшинства – этнические, религиозные или сексуальные – все больше изгонялись из народного организма» (с. 462).

Из повествования Зундхауссена можно прийти к выводу, что даже ведущие сербские интеллектуалы ни в чем не отставали в этой, как может подумать непросвещенный читатель, неизлечимой патологии сербской нации. Выдающуюся книгу Димитрия Богдановича о Косове Зундхауссен сводит к вымышленному заключению о том, что «тамошние албанцы угрожают сербам “биологическим геноцидом”» (с. 428). Известный писатель Милорад Павич – это «националистический писатель» (с. 428), о «пресловутом» Меморандуме САНИ он пишет на семи страницах (это почти вдвое больше, чем о Первой мировой войне).

То, как Зундхауссен изображает события, предшествовавшие распаду Югославии, и особенно причины ее распада и ход гражданских войн на югославских землях, за редкими исключениями, во многом напоминают обвинения против сербских политических и военных лидеров, написанные прокурорами Гаагского трибунала. В последние пятнадцать лет за рубежом появились многочисленные книги, полностью опровергающие интерпретации, даваемые Зундхауссеном югославскому кризису и предшествовавшим ему годам. Но автор, конечно, не принял во внимание ни одну из них.

Мнение Зундхауссена по поводу всего югославского кризиса, как его предстории, так и самого хода, в большой степени можно было бы обозначить так же, как его охарактеризовала университетский профессор Даяна Джонстон в книге «Слабоумные крестоносцы – Югославия, НАТО и ложь Запада» [27]. «Фиктивная сага о Югославии 90-х годов XX в., – пишет Джонстон, – гласит приблизительно следующее: Югославия была “тюрьмой народов”, в которой сербы “угнетали” всех остальных. Она была уничтожена с появлением лидера Слободана Милошевича, который был плохим и хотел создать “Великую Сербию”, уничтожив дру-

гие народы посредством процесса, называемого “этнической чисткой”. Другие народы стремились избежать этого, создавая собственные государства. Югославская, а по существу – сербская, армия вторглась в них. В Боснии сербские завоеватели пытались изгнать мусульман, которые хотели увековечить мультиэтническое общество. Во время сербских этнических чисток было ликвидировано 200 000 невооруженных мусульман, в то время как международное сообщество не только равнодушно за этим наблюдало, но и препятствовало вооружению мусульман в целях обороны. В Сребренице ООН позволила сербам совершить геноцид [...] Тем не менее, международное сообщество упустило возможность спасти албанское большинство в Косове от апартеида [...] После переломных событий в Рачаке сербы были приглашены на мирные переговоры в Рамбуйе во Франции. Милошевич упрямо отказывался вести переговоры. У НАТО не оставалось другого выбора, кроме как начать бомбардировки Сербии и Черногории. Массы албанского населения намеренно изгонялись в соответствии с подготовленным тайным планом под названием “Операция подкова”. В конце концов Милошевич уступил НАТО и освободил “косоваров” от их мучителей» [27. S. 9–10].

Хотя книга Зундхауссена на немецком языке появилась спустя пять лет после английского издания книги Д. Джонстон, удивительно, насколько точно описанные ею клише о югославском кризисе, за редкими исключениями, подходят к книге Х. Зундхауссена. «Почти все в этом мифе является ложью», – пишет далее Джонстон. «К сожалению, развенчание мифов, даже когда они ложные, нелегкая задача [...] Коллективная фикция создает и свою коллективную защиту. Когда югославский клубок уже однажды был драматизирован и представлен как новая версия нацистского геноцида, любая попытка сделать поворот в сторону реальности приравнивается к “отрицанию геноцида” и клеймится критиками как “ревизионизм” или “нигилизм”, подобно апологетам нацистских преступлений» [27. S. 10].

«История Сербии XIX–XXI вв.» Х. Зундхауссена лишь по своему названию является историей Сербии, в действительности же речь идет о предвзятом толковании «сербской национальной мифологии» и сербского менталитета. Подобное толкование опирается в значительной степени на старый корпус клише и предрассудков о Сербии и сербах как о «мешающем факторе» на Балканах – как после 1878 г. непрестанно повторяла австро-венгерская пропаганда, а в 1916 г. написал Фридрих Науман в изданной в Берлине работе под названием «Болгария и Средняя Европа».

Обоснованное критическое и документированное исследование истории Сербии и сербского общества XIX–XXI вв. Зундхауссен заменил на очень упрощенную и часто до банальности примитивизированную трактовку сербской истории, без релевантных исторических источников и в большой степени – без достоверной литературы. Значительное число работ, приведенных в списке литературы, по-видимому, не использовалось при написании текста, поскольку результаты тех исследований просто были проигнорированы. Представленная картина истории Сербии в любом случае далека от исторической действительности. Иногда, особенно в заключительных частях книги, странные психо-исторические интерпретации Зундхауссена приобретают вид классического пропагандистского памфлета, лишённого научного подхода и далекого от лучших традиций немецкой славистики и балканистики. Представленная книга не имеет ничего общего с богатой научной традицией немецкой исторической школы, символом которой является Леопольд Ранке. Напротив, она пропитана духом исторического реванизма и ревизионизма и ведет неверным путем читателей, в первую очередь в немецком обществе, которые стремятся к получению рациональных знаний и пониманию истории Сербии и сербов.

Перевод с сербского А.В. Осиповой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Stadtmüller G.* Forschungen zur albanischen Frühgeschichte, zweite erweiterte Auflage // Albanische Forschungen. Wiesbaden, 1966. № 2.
2. *Kukulj P.* Das Fürstenthum und Türkisch-Serbien (Stara Srbia, Alt Serbien). Eine militärisch-geographische Skizze. Wien, 1871.
3. Karte von Makedonien, Altserbien und Albanien, 1:864.000. Mit kartographischen, historischen und statistische Beilagen zum Verständnisse der makedonischen und albanischen Frage / Bearbeitet von Dr. Karl Peucker. Wien, 1912.
4. Novibazar und Kosovo (Das Alte Rascien). Wien, 1892.
5. Durch Bosnien und die Hercegovina, Kreuz und Quer. Wanderungen von Heinrich Renner. Berlin, 1896.
6. *Temperley H.W.V.* History of Serbia. London, 1917.
7. Turkey. № 1 (1903). Correspondence, Respecting the Affairs of South-Eastern Europe. London, 1904.
8. *Andrić I.* Die Entwicklung des geistigen Lebens in Bosnien unter der Einwirkung der türkischen Herrschaft (Развој духовног живота у Босни под утицајем турске владавине) / Приредио за штампу и превео Зоран Константиновић // Свеске Задужбине Иве Андрића. Београд, јун 1982. год. I. Св. I.
9. *Ђурић В.* Косовски бој у српској књижевности. Београд, 1990.
10. *Медакковић Д.* Косовски бој у ликовним уметностима. Београд, 1990.
11. Kosovo Day (1389–1916) / Published by The Kosovo Day Committee. London, 1917.
12. *Kraljačić T.* Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882–1903). Sarajevo, 1987.
13. Detailbeschreibung des Sandžaks Plevlje und des Vilajets Kosovo (Mit 8 Beilagen und 10 Tafeln). Wien, 1899.
14. Die Völker des Donaupraumes und der Balkanhalbinsel. Generalstab des Heeres. Abteilung für Kriegskarten und Vermessungswesen. Berlin. Ausgabe vom 16. 3. 40.
15. *Живановић М.Ж.* Дубровник у борби за уједињење 1908–1918. Београд, 1962.
16. *Мушовић Е.* Етнички процеси и етничка структура становништва Новог Пазара. Београд, 1979.
17. *Ђуковић И.* Нађмеђер – аустроугарски логор за Србе. Београд, 2002.
18. *Панић Б., Жарков С., Кристеа М., Качора А.* Арадска тврђава. Аустро-Угарски логор за истребљење Срба 1914–1918. Темишвар, 1994.
19. *Медакковић Д.* Барок код Срба. Загреб, 1988.
20. *Дурковић-Јакшић Љ.* Његош и Ловћен Првог светског рата. Београд, 1988.
21. Судбина Ловћена // Уметност – часопис за ликовне уметности и критику. Београд, 1971. Бр. 27–28, јули–децембар.
22. Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, MCMLX. Т. 4.
23. Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1990. Т. 6.
24. *Ђаковић С.* Сукоби на Косову. Београд, 1986.
25. Задужбине Косова. Споменици и знамења српског народа. Призрен; Београд, 1987.
26. *Hemond F., Herman E.* Degradirana моћ. Медији и kosovska kriza / Prevod L. Marković. Beograd, 2001.
27. *Džonston D.* Suludi krstaši. Jugoslavija, NATO i obmane Zapada / Prevod M. Popadić. Beograd, 2005.

© 2010 г. И.Г. БУРКУТ

РУСИНЫ БАЧКИ, СРЕМА И СЛАВОНИИ: ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ (середина XVIII века – 1918 год)

Статья посвящена малоизученной истории русин, расселившихся в Бачке, Среме и Славонии. Автор описывает своеобразный опыт сохранения этим народом этнической и конфессиональной индивидуальности вопреки политике ассимиляции, который также не воспринял украинскую этническую самоидентификацию.

Article is devoted to little known history of rusins, Slavic ethnic group settled in Bachka, Banat and Slavonia in the 18th century. The author describes original experience of the ethnic community kept its ethnic and religious peculiarity (Byzantine rite Catholics) despite assimilation policy of authorities and did not adopt the Ukrainian ethnic identity.

Ключевые слова: русины, венгры, украинцы, греко-католики, миграция, ассимиляция, этническая самобытность.

В середине XVIII в. активно заселялись придунайские земли, отвоеванные Габсбургами у Османской империи. Среди переселенцев в Бачку, Срем и Славонию оказалось немало русинов – выходцев из северных комитатов Венгрии (Унг, Земплен, Абауй, Боршод, Сатмар, Берег, Угоча, Шарош и Марамарош) [1. С. 71]. По-венгерски эти земли в Карпатах назывались *Felvidék*, т.е. «Верхняя земля». Русины же называли их *Горница*, от слова «горы». Главным стимулом для переселения была надежда на получение свободных земель в новоприсоединенных областях. Готовыми к выезду туда оказались горцы, занимавшиеся отгонным скотоводством, рубкой леса и лесосплавом. Эти тяжелые физические работы не приносили им достаточной прибыли, а занятие сельским хозяйством на плодородной земле представлялось более надежным источником существования. Первые переселенцы отправились в путь на свой страх и риск еще в 1743 г., поселившись в городе Кула. С 1751 г. стихийная миграция уступила место организованной [2. С. 182]. Венгерские власти начали направлять поток переселенцев в места, заранее избранные для интенсивной колонизации.

Преимущество получали греко-католики. Вместе с ними на юг отправились и православные, а в православие во время переселения перешла и часть униатов. Венгерские чиновники, занимавшиеся вопросами миграции, при выдаче документов переселенцам предлагали мадьяризировать свои фамилии. Если русины соглашались, то их родовые фамилии переводились на венгерский язык: Жук становился Богаром, Пастух – Юхасом, Шульга – Балогом, Миколаев – Миклошем и др. Отрываясь от своих корней, люди легче поддавались ассимиляционному давлению, чем в привычной с детства среде. Этим и пользовались представители

Буркут Игорь Григорьевич – канд. ист. наук, доцент Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича.

властей. Правда, смена фамилии еще далеко не означала смены этнической самоидентификации, лишь создавала некоторые предпосылки к ней.

Миграционный поток с территории современной Закарпатской области Украины, словацкой Пряшевщины и румынского Марамуреша сначала направлялся в село в исторической области Бачка, получившее название Русский Керестур (русины называют его *Руски Керестур*, сербы – *Руски Крстур*). Ныне Бачка и левобережная часть Срема находятся на территории Сербии. Крестьяне получали здесь землю в аренду по количеству работников в семье – по 32 хольда поля и 22 хольда луга [3. С. 14]. Один хольд составлял 0,57 га. Арендатор имел право свободно покинуть надел. Таким образом, условия переселения оказались в целом благоприятными.

Однако в среде переселенцев вскоре возник серьезный конфликт. В 1751–1752 гг. началась борьба между греко-католиками и православными за только что построенное здание церкви, в конфликт вмешались власти. Активистов православной общины сослали на принудительные работы, а часть ее рядовых членов переехала в сербские села, под защиту единоверцев [4. С. 63]. Очутившись в ином этническом окружении, они постепенно были ассимилированы сербским большинством.

А греко-католики в Керестуре взяли под свой контроль и церковь, и открывшуюся при ней приходскую школу. Количество грамотных людей возрастало. Село превращалось в своеобразный культурный центр для русинов-переселенцев, оседавших во многих населенных пунктах Бачки и Срема. Но на ту же роль претендовало и село Коцур (сербское название *Коцупра*), расположенное невдалеке. В этих двух селах русины составляли подавляющее большинство населения.

Среди первых переселенцев была особая категория, которую документы того времени обозначали как «*Rutheni hospites vere uniti liberae migrationis*» [5. С. 65], т.е. «русины-иностранцы, настоящие униаты, свободно переселившиеся». Судя по всему, это были выходцы из Прикарпатья, которое тогда находилось под властью Речи Посполитой. Узнав о заселении новых земель, они вместе с подданными Австрийской империи, такими же русинами греко-католиками, отправились к Дунаю.

Первая волна русинского переселения в Бачку и соседний Срем продолжалась с 1743 до 1787 г. Русины начали селиться и в городах, являясь тут малозаметным меньшинством. Так, их община сформировалась в Нови-Саде (сербское название *Нови Сад*, венгерское – *Új Vidék*, т.е. «Новое поселение»). Однако подавляющее большинство русинов-переселенцев и их потомков жили в селах, оставаясь крестьянами, а небольшая часть – сельскими ремесленниками, священниками, учителями.

Бачванско-сремские русины старались селиться компактно, даже если в том или ином населенном пункте их было немного. Внутри общины устанавливались очень тесные связи, чему способствовало языковое и конфессиональное отличие русинов от окружающего населения. Рядом с ними жили римо-католики венгры и хорваты, православные сербы и румыны. А русины оставались греко-католиками и старались сохранять веру своих отцов и дедов. В немалой степени этому способствовала и преференционная эндогамия в их среде: браки заключались, как правило, только с единоверцами. На протяжении нескольких поколений практически все русины в месте их нового проживания опутывались родственными связями. А это еще сильнее укрепляло у них чувство общности.

Семья и церковь оставались важнейшими факторами сохранения собственной этнической идентичности. Еще одним определяющим фактором была школа. Церковно-приходские школы Керестура и Коцура выпускали немало грамотных людей. В 90-х годах XVIII в. первый и второй классы керестурской школы посещали от 200 до 350 учащихся, а третий и четвертый – 100–200 детей. Число учеников в Коцуре было примерно наполовину меньшим [2. С. 251]. А в Нови-Саде

школу для русинских детей открыли лишь в 1863 г., и там сначала обучалось только 32 ученика. Окончив приходские школы, некоторые русинские дети продолжали обучение в гимназиях городов Сегеда и Варадина.

Следует подчеркнуть, что со своей исторической Родины переселенцы принесли в придунайские земли определенное количество рукописей духовного и светского содержания, написанных на церковнославянском языке. Писать русины продолжали и в новых местах поселения: летописные заметки в Керестуре, например, велись с 1746 г. [6. С. 5] На основе старых рукописей и более поздних записей составлялись новые сборники и песенники. Их тексты при многократном переписывании все больше приближались к разговорному языку, которым пользовались в быту русины.

Этот язык рождался на основе нескольких диалектов, на которых говорили предки переселенцев в родных местах. Характерными для них были заимствования из словацкого, польского, венгерского, немецкого, отчасти румынского языков. В новых местах поселения русины постоянно общались с соседями – сербами и хорватами, перенимая немало их слов. Говор бачванско-сремских русинов все больше отдалялся от языка, которым пользовались на их исторической Родине. Однако генетическая связь с лемковским диалектом сохранялась. Для сохранения и развития языка особое значение имеют живые контакты с его носителями. В русинские села Бачки и Срема время от времени переезжали священники из Закарпатья и Пряшевщины, что позволяло переселенцам не утратить окончательно языковой контакт с родинной предков. Однако сами они, занятые хозяйством, очень редко посещали «Горніцу»: прокормить многодетную семью крестьянским трудом было непросто.

Уже в начале XIX в. русинские села начали испытывать перенаселение. Условия аренды запрещали делить землю между наследниками, ее получал лишь один сын. Поэтому безземельные русины вынуждены были покидать Керестур и Коцур, часть из них переселялась за Дунай, в Славонию. В новых местах по традиции они селились группами и не теряли связей с Керестуром, называя его «маткой». Оседая в новом месте, группа русинов сразу же всем миром собирала деньги, чтобы купить два дома – для церкви и школы. Этим в значительной мере закладывались основы сохранения собственной этнонациональной идентичности.

Революция 1848–1849 гг. способствовала подъему национального самосознания у бачванско-сремских русинов. Им пришлось активно противостоять ассимиляторскому наступлению властей, и в борьбе против насильственной мадьяризации были достигнуты заметные успехи. В дореволюционные годы в русинских школах все больше времени отводилось преподаванию венгерского языка. А во время революции русины добились того, что обучение в их школах велось только на родном языке. На протяжении нескольких лет, до 1853 г. включительно, венгерский язык был вытеснен из этих школ полностью.

До середины XIX в. бачванско-сремские русины имели лишь опыт пассивного противостояния ассимиляторской политике властей. Революция же стимулировала сознательную борьбу за сохранение собственной этнонациональной идентичности. Вследствие внутреннего развития русинских общин в их среде вызрело понимание необходимости решительного противостояния мадьяризации. Способствовала этому и новая волна переселения из Карпатского региона. Она шла из Пряшевщины, Лемковщины и Галиции. Поселяясь рядом с бачванско-сремскими русинами, новые переселенцы быстро сливались с ними. Русинское население Бачки и Срема во второй половине XIX в. превысило 20 тыс. чел. [7. С. 35].

Постепенно возрастал культурно-образовательный уровень переселенцев и их потомков. В 70-х годах XIX в. начинают создаваться первые читальни в русинских селах Бачки и Срема. Туда поступают периодические издания из Закарпатья, Галиции и Буковины. Во второй половине XIX в. Галицию и Буковину захлест-

нула борьба между «русофилами» и «народовцами». Первые были ориентированы на Россию, считая русинов составной частью «единого русского народа от Карпат до Тихого океана». Вторые же считали, что русины – неотъемлемая часть украинского народа, а сам народ имеет право на самостоятельное этническое существование.

И «русофилы», и «народовцы» издавали немало литературы и периодики. Некоторые из этих изданий поступали в читальни русинских сел Бачки и Срема. Рядом с подшивками русофильского «Слова» могли лежать подшивки народовского «Діла», а на полках стояли книги русофильского Общества им. М. Качковского и народовской «Просвіти». Подписывали читальни и будапештскую «Неделю», которая издавалась для всех «угро-росов», проживавших в землях короны святого Иштвана.

Собственная издательская деятельность бачванско-сремских русинов началась лишь в конце XIX в. Правда, первый фольклорный сборник, составленный ректором Греко-католической семинарии в Вене Николаем Надем (1819–1862) вышел в свет еще в 1851 г. [8]. Но его издание осталось почти незамеченным. Значительно больший резонанс имел иной сборник с таким же названием «Русский соловей», составленный учителем из Керестура Михаилом Врабелем, изданный в 1890 г. [9. С. 107]. Этот сборник вызвал большой интерес среди галичан и буковинцев. После знакомства с ним талантливый украинский этнограф и фольклорист В.М. Гнатюк (1871–1926) в 1897 г. отправился в экспедицию в придунайские земли, где собрал значительный научный материал о жизни бачванско-сремских русинов. Научное общество им. Т.Г. Шевченко издало эти материалы.

В. Гнатюк, в частности, детально исследовал организацию местного самоуправления в Коцуре. Каждая этническая община имела в органах самоуправления своих представителей пропорционально ее численности. Староста (или *биров* – от венгерского названия этой должности *biró*) избирался по очереди от каждой общины. Поскольку русинов в селе было столько же, сколько немцев и венгров вместе взятых, то староста-русин управлял шесть лет подряд, а немец и венгр – только по три. Язык русинов в Коцуре играл роль средства межнационального общения: немцы говорили с венграми по-русински.

К началу XX в. вопрос родного языка приобрел особое значение для бачванско-сремских русинов. Быстрое экономическое развитие расширяло и углубляло связи между отдельными населенными пунктами, где проживали русины. А они общались разными говорами, не всегда понятными для уроженцев различных местностей. Подавляющее большинство из них не знало ни украинского, ни русского литературных языков. Бачванско-сремские русины оказались в относительной изоляции от своей этнической родины, где в то время проходили интенсивные этнические процессы. Оказавшись вне процессов нациогенеза современной украинской нации, они все больше отдалялись в языковом и культурном отношении от автохтонного населения Карпатского региона.

Острая потребность в понятном всем бачванско-сремским русинам литературном языке породила своеобразный вариант литературного микроязыка. Он возник на основе говоров жителей Керестура, уроженец которого Гавриил Костельник (1886–1948) в 1904 г. издал поэму «З моего валала» («Из моего села») – первое произведение на светскую тематику в литературе бачванско-сремских русинов. Молодой поэт использовал вариант кириллицы, подобный украинскому. А в 1923 г. он опубликовал первую грамматику этого языка, что позволило начать преподавание на «бачванско-сремском литературном языке» в школах для национального меньшинства [10]. Именно этому языку принадлежит особое место в сохранении отдельного этнонационального сознания русинов Бачки, Срема и Славонии – благодаря своему наречию они могли успешно противостоять мадьяризации.

А в конце XIX в. Будапешт усилил ассимиляционное давление на русинов. С 1879 г. в их церковно-приходских школах было введено обязательное изучение венгерского языка. В 1898 г. начальную школу в Керестуре перевели в ранг государственной, где почти все предметы преподавались по-венгерски. Язык русинов остался отдельным учебным предметом, на русинском велся еще Закон Божий. В связи с тем, что дети учили только венгерский алфавит, они и на родном языке начинали писать теми буквами, которые знали. Были и другие признаки ускоренной ассимиляции. Так, В. Гнатюк заметил: на улицах Керестура школьники здоровались с незнакомцем по-венгерски, в то время как представители старшего поколения приветствовали приезжих по-русински.

Жители Коцура учли печальный опыт керестурцев. Они отстояли в своем селе церковно-приходскую школу, которую содержали за собственные деньги. Крестьяне говорили: «Мы готовы отдать и последнюю рубашку, чтобы только и далее сохранять русинскую церковно-приходскую школу» [2. С. 27]. Молодежь села активно участвовала в культурной жизни общины и много усилий потратила на то, чтобы сохранить русинское самосознание. В начале 1913 г. учащиеся и выпускники школы дали первое театральное представление на родном языке, что имело большой резонанс среди русинского населения Бачки, Срема и Славонии.

А оно постепенно возрастало. Выходцы из Керестура и Коцура еще в начале XIX в. начали оседать в хорватской (задунайской) части Срема и в Славонии. Они составили значительную часть населения сел Янковцы и Петровцы. Сюда же переехали и семьи непосредственно из Закарпатья и Галиции. В 1849 г. образовалась крупная русинская община в селе Миклошевы. Русинское население появилось в селах Пишкоревцы, Верхние и Нижние Андреевцы и некоторых других. Не только в селах, но и в ряде хорватских городов возникли русинские общины: группы русинов поселились в сремском городе Вуковар и в славонском городе Осиек.

Если на сербских землях русины испытывали определенное ассимиляционное давление со стороны Сербской православной церкви, то в хорватских на них давили римско-католические священники – хорваты. Здесь находилась Крижевацкая епархия, в юрисдикции которой оказались все греко-католические приходы Бачки, Срема и Славонии. Эту епархию основал в 1777 г. Римский папа Пий IV [11. С. 283]. Сначала ей подчинялись только сербы, принявшие унию. В их храмах службу вели священники-хорваты, которые латинизировали обряд, чем прервали старую византийскую традицию. Верность восточному обряду для сербов имела особое значение. Именно этот фактор наиболее зримо отличал их от хорватов, с которыми сербы говорили практически на одном языке. Утратив восточный обряд, сербы-католики постепенно изменили собственную этнонациональную идентификацию, определяя себя уже как хорватов.

Крижевацкие епископы пытались использовать этот опыт и для ассимиляции русинов, назначая в их приходы священников-хорватов. Те вводили в богослужение латинский язык, записи в церковных книгах делали латиницей. Однако верующие русины требовали сохранения восточного обряда, церковнославянского языка богослужения, а также назначения в их приходы священников, хорошо владеющих этим языком. Их требования в конце концов были удовлетворены. В Загребе открыли греко-католическую семинарию, выпускники которой в целом отвечали запросам прихожан.

Активная позиция бачванско-сремских русинов в отстаивании своих традиций дала им возможность избежать ассимиляции, которой ранее подверглись сербы-католики в придунайских землях. Проживая в этносмешанной среде, большинство русинов владели языками соседей. Однако они сохраняли и родную речь, лелеяли традиции культуры своих предков. Аутоэтноним *русины* ими употре-

блялся последовательно и постоянно. Но в начале XX в. среди них некоторое распространение получил и этноним *украинцы*. С 1890 по 1914 г. по инициативе Львовской греко-католической митрополии происходило переселение крестьян из Галиции и, частично, Буковины в Боснию. Некоторые из новых переселенцев, не устроившись в Боснии, перебирались в русинские села Бачки, Срема и Славонии [12. С. 2]. В их среде, наряду со старым самоназванием *русины* уже употреблялось и новое – *украинцы*. Его перенимала некоторая часть бачванско-сремских русинов, как правило – образованная молодежь.

Способствовала его распространению и литература, издававшаяся галицкими и буковинскими «народовцами». Однако русины Бачки, Срема и Славонии стояли вне острой идейно-политической борьбы между «русофилами» и «народовцами»: в их среде не существовало ни внутренних предпосылок для такого противостояния, ни достаточного внешнего давления. Иное дело – Галиция и Буковина. По мере вызревания противоречий между Российской империей и монархией Габсбургов, Петербург и Вена все больше стимулировали участников этого противостояния. В 1914–1918 гг. Галиция и Буковина превратились в театр боевых действий, и десятки тысяч жителей стали жертвами репрессий против «москвофилов» со стороны австрийских властей. Немало активистов украинских организаций пострадало от преследований со стороны русских военных властей.

А бачванско-сремские русины оказались далекими от этих событий. Лишь очень небольшое их число втянулось в эту жестокую борьбу двух национальных ориентаций. Среди них – упоминавшийся Гавриил Костельник. Получив духовное образование, он остался во Львове, стал профессором духовной академии. Избрав украинскую ориентацию, объяснил свое решение в статье «Почему я стал украинцем?» [13]. Судьба его сложилась трагически. Младший сын Г. Костельника, Богдан, в 1940 г. был казнен советскими властями как подпольщик-разведчик ОУН [14. С. 374]. Старший сын, Ириней, добровольно вступил в дивизию СС-Галичина и пропал без вести. Сам Г. Костельник стал одним из инициаторов ликвидации Брестской унии и проведения Львовского церковного собора 1946 г. А 20 сентября 1948 г. он пал жертвой теракта, проведенного боевиками ОУН.

Подавляющее большинство бачванско-сремских русинов оставалось вдалеке от подобных событий. Самоназвание *украинцы* не получило в их среде заметного распространения, себя же они продолжали определять как *русины*. От переселения в придунайские области в середине XVIII в. и до крушения Австро-Венгрии в 1918 г. они сумели сохранить собственную этническую самобытность и смогли противостоять как попыткам насильственной денационализации со стороны венгерских властей, так и естественным ассимиляционным процессам. Этому способствовали следующие факторы: 1) наличие компактных русинских поселений; 2) преференционная эндогамия и тесные родственные связи в русинских общинах; 3) принадлежность подавляющего большинства русинов к греко-католической конфессии; 4) наличие школ на родном языке, развитие собственных учреждений культуры (читален и т.п.); создание своего литературного микроязыка; 5) отсутствие тесных и постоянных связей с этнической родиной и, как следствие, неучастие в процессе нациогенеза современной украинской нации.

Таким образом, на территорию Бачки, Срема и Славонии в период существования монархии Габсбургов переселились группы русинов из Закарпатья, Пряшевщины, Марамуреша, Лемковщины и Галичины. Они сумели сохранить свою этническую самобытность и существуют до сих пор, используя традиционное самоназвание *русины* и сохраняя свой язык и свою культуру.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Олсяр Я.* Монографія Руского Керестура (II) // Нова думка. Вуковар, 1983. № 35.
2. *Лабош Ф.* Истoрия Русинох Бачкей, Сриму и Славоніи 1745–1918. Доселене, газдовски, просвітни, културни и духовни живот. Вуковар, 1979.
3. *Буркут І.Г., Малиновська О.А.* Українці в Югославії // Трибуна. Київ, 1991. № 8.
4. *Рамач Я.* Кратка истoрия Руснацох 1745–1918. Нови Сад, 1993.
5. *Пушкашова М.* Руснаци у Новим Садзе // Народни календар 1966. Руски Керестур, 1965.
6. *Гнатюк В.* Керестурська хроніка // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1903. Т. 53.
7. *Biederman H.J.* Die ungarische Ruthenen, ihr wohngebist, ihr erwerb und ihre geschichte. Innsbruck, 1862.
8. *Нодь Н.* Русскій соловей. Вeдeнь, 1851. I. Пеніє.
9. Українці в зарубіжному світі. Київ, 1991.
10. *Костельник Г.* Граматика бачвансько-рускей бешеди // Прoза на бачванско-сримским руским литературним язикy. Нови Сад, 1975.
11. *Федорів Ю.* Істoрия церкви в Україні. Люблін, 1991.
12. *Терлюк І.* Шляхами тернистими // Руске слово. Нови Сад, 1989. 27 січ.
13. *Костельник Г.* Чом сом постал Українец? // Прoза на бачванско-сримским руским литературним язикy. Нови Сад, 1975.
14. *Д.В.* Украинский фронт в войнах спецслужб: Исторические очерки. Київ, 2008.

© 2010 г. М.В. ХАРТАНОВИЧ

К ИСТОРИИ ЧЕРНОГОРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ СОБРАНИЙ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН

Статья посвящена истории поступления черногорского мужского и женского костюмов в Россию. Коллекция рассматривается как памятник дипломатических отношений между Россией и Черногорией в 1830-х годах.

The Montenegrin men's and women's costumes are reviewed as a monument to diplomatic relations between Russia and Montenegro in 1830's.

Ключевые слова: Черногория, Петр II Петрович Негош, Я.Н. Озерецковский, кунсткамера.

История коллекции, включающей черногорские праздничные мужской и женский костюмы, долгое время находилась вне поля внимания исследователей. В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого коллекция (№ 533) была зарегистрирована в 1899 г. как передача из императорского Эрмитажа. Однако в процессе работы с коллекцией удалось раскрыть увлекательную историю поступления черногорских костюмов в Россию.

Изначально в 1838 г. костюмы были переданы в Царскосельский Арсенал, затем в 1886 г. – в Эрмитаж, в Отделение Средних веков и эпохи Возрождения. Однако, из-за тесноты помещений, переполненности вещами и отсутствия мест для размещения новых поступлений, ряд предметов, в том числе костюмы черногорца и черногорки, «попавших в Отделение случайно и не имеющих никакого отношения ни к Средним векам, ни к эпохе Возрождения», были направлены в Музей антропологии и этнографии Академии наук, являющийся наследником и приемником первого российского государственного общедоступного музея Кунсткамеры [1. Оп. 5. Д. 17. Л. 56 об.–57, 69, 71, 76, 81, 85].

В выписке из инвентарной книги Царскосельского Арсенала информация о черногорских костюмах уточняется: «Оба наряда поднесены в 1838 г. полковником Озерецковским» [2. Ф. 142. Оп. 142. Д. 51. Л. 77об]. Яков Николаевич Озерецковский (1804–1864) – известный деятель Новороссийского края, участник кавказской, турецкой, иранской военных кампаний. Отметим, что с музеем его связали и родственные связи – Я.Н. Озерецковский был сыном российского естествоиспытателя, директора Кунсткамеры Академии наук с 1800 по 1827 гг. – академика Николая Яковлевича Озерецковского.

В 1830-е годы Яков Озерецковский служил в корпусе жандармов в чине подполковника, состоял при начальнике корпуса графе А.Х. Бенкендорфе. В 1836–1839 гг. находился в Вене, где собирал сведения о настроениях в национальных окраинах Австро-Венгрии и в соседних с нею странах. В 1837 г. Я.Н. Озерецков-

Хартанович Мария Валерьевна – ведущий специалист Музея антропологии и этнографии РАН.

ский, по распоряжению императора Николая I, был отправлен в Черногорию, чтобы передать молодому правителю страны Петру II Петровичу Негошу (1813–1851) часть годового денежного пособия черногорскому народу. Озерецковскому было поручено дать рекомендации двадцатичетырехлетнему черногорскому владыке по государственному строительству, расходованию финансовых средств и отношениям с соседними странами. Кроме того, он должен был составить географические и экономические заметки о Черногории [3. С. 334–335, 339–343].

В начале августа 1837 г. возвращавшийся из Санкт-Петербурга правитель Черногории Петр II Петрович Негош и присоединившийся к нему подполковник Я.Н. Озерецковский высадились в тогда австрийской крепости Катаро (ныне г. Котор). Негош заранее распорядился о торжественной встрече царского посланника. В Катаро должны были прибыть вооруженные молодые черногорцы в праздничных костюмах, а дома по дороге от Негушей до Цетинья должны были быть заново покрашены, чтобы все на пути выглядело чисто и красиво [4. С. 6, 11].

Во время пребывания Озерецковского в Цетинье Петр II Петрович Негош активизировал работы по государственному строительству, ввел институт казначейства [5. С. 12–19]. При участии Я.Н. Озерецковского был разработан проект резиденции Негоша – «Бильярда» [6. С. 85].

Петра II Петровича Негоша и Я.Н. Озерецковского также связали и искренние дружеские отношения. Заметим, что подполковнику Озерецковскому в 1837 г. было 33 года, Петру Негошу – 24. К отъезду Озерецковского из Черногории Негош опубликовал посвященное ему стихотворение «Полазак из Црне Горе Г. полковника Озерецковскога» («Грлица», 1839 г.) [7. С. 3]. В последующем письме к Негошу Озерецковский с любовью вспоминал Черногорию и гордился дружбой с ее правителем: «Судьба привела меня в Черную Гору, Вы доставили мне случай взглянуть на нее с настоящей точки зрения, заставили меня полюбить ваши скалы, полюбить народ Ваш и обратили меня всей душою к мысли об этом далеком, но прекрасном уголке Славян. Вы подарили меня своею дружбою, которую, уверяю Вас, я ценю и люблю как дар Ваш, дар человека достойного, и в полной мере близкого мне, по чувству и по рассудку» (цит. по [7. С. 7]).

Осенью 1837 г. Яков Озерецковский выехал из Черногории в Венецию, а затем в Вену тяжело больным. Оказавшись в Вене, Озерецковский, терзаемый равнодушием остальных к положению черногорского народа, решил ехать в Петербург, хотя доктора и давали ему не более полугода жизни. Многим он даже казался помешанным на мысли о Черногории. Подполковник планировал: «1-е. Передать Государю императору верные и подробные сведения о Черной Горе в всех ее отношениях без изъятия, и 2-е. Представить его Величеству с настоящей точки зрения самого Черногорского Владыку, чтобы изгладить все ложные мысли о прежних происшествиях, и таким образом обратить благосклонное внимание Русского Царя на отдаленную страну, Ему преданную» (цит. по [8. С. 7–8]).

Я.Н. Озерецковский подготовил подробный отчет о Черногории для императора Николая I. В отчет вошли: краткая хронологическая таблица исторических событий в Черногории с 1389 по 1820 г., статистические сведения, информация о нападении турок на границы Черногории с 15 августа по 8 октября 1837 г., заключение, сделанное капитаном корпуса горных инженеров Озерским о рудах в Черногории на основании вывезенных из страны образцов пород, сведения о монастырях, информация о разделении страны [8. С. 194–225]. При содействии графа А.Х. Бенкендорфа отчеты ежедневно передавались Николаю I, который возвращал их с пометками. В результате, к примеру, в Черногорию был направлен горный инженер, а в последствии и дипломат Е.П. Ковальевский. Кроме того каждый день подполковник, через графа Бенкендорфа, получал благодарности

императора. «Вещи политические» были представлены Озерецковским в отдельной записке [7. С. 8].

К отчету подполковник приложил альбом с зарисовками Черногории и черногорцев и географической картой страны, с объяснением административного деления. Кроме того, для демонстрации вывезенных из Черногории мужского и женского костюма подполковник заказал в Вене две деревянные статуи, которые были выполнены профессором Кеземаном с удивительным мастерством [7. С. 7].

Альбом, через графа А.Х. Бенкендорфа, был передан Николаю I, который распорядился поблагодарить Озерецковского за подарок и оставил альбом в своем кабинете. Что касается черногорских костюмов, Яков Озерецковский уточняет в письме Негошу: «Я выпросил у графа позволение представить Государю костюмы; Его Величество приказал мне оставить их у себя в столовой в Аничковском дворце, где теперь живет по случаю пожара зимнего дворца. Я привез своих статуй, свинтил их, нарядил, причесал на славу и поставил в столовой зале, где в тот же день любовались ими Государь, Государыня, Наследник и все кому позволен въезд во дворец. Ее Величество в один день изволила приходить четыре раза взглянуть на Черногорцев. Потом через три или четыре дня Государь приказал отвести их в Царское Село в новый арсенал, который составляется для лица, арсенал богатый и вероятно один из знаменитейших в мире, – я сам отвез туда моих друзей Черногорцев и поставил их на видном месте» (цит. по [7. С. 8]).

Подполковник Я.Н. Озерецковский был представлен императору Николаю I, который за результативную деятельность Озерецковского в Черногории произвел того в полковники и пожаловал табакерку с бриллиантами. Описывая свое пребывание в Петербурге и достигнутые результаты, Озерецковский завершает письмо словами надежды на новую встречу с Негошем: «Прощайте до времени, а бог даст быть может и до свиданья. Кто может ручаться, что я никогда уже не увижу Вашей Черной Горы? Рад был бы потолковать в Вашей чудно-уединенной Цетине и послушать Ваших бесед! Бог даст все будет. Прошу Вас только сохранить меня в Вашей памяти и утешить меня мыслью, что часть Вашей дружбы принадлежит мне. [...] Поручаю себя Вашей дружбе и уверяю Вас, что навсегда сохраню чувство истинной преданности и истинного уважения, с которым честь имею быть» (цит. по [7. С. 10–11]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Государственного Эрмитажа.
2. Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук.
3. *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я.Н. Озерецковского // Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М., 2003. Вып. XII.
4. *Павичевич Б.* Негош и Яков Николаевич Озерецковский // Историйски записи. Титоград, 1967. XX. XXIV. 1.
5. *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я.Н. Озерецковского; *Лавров П.А.* Петр II Петрович Негош Владыка Черногории. Его литературная деятельность. М., 1887; *Ровинский П.А.* Петр II Раде Петрович Негош. Владыка Черногории. 1830–1851. СПб, 1889.
6. Негош у слици и у риечи. Титоград, 1974. С. 85.
7. *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога, Ковальевскога и Чевкина Владици Раду // Споменик Српске краљевске академије. LXXXI. 1935.
8. Черногорско-русские отношения. 1711–1918. Русские архивные документы о Черногории с конца XVIII по середину XIX в. Подгорица; М., 1992. Т. 1.

В. ШТРАНДМАН. Балканске успомене. Београд, 2009. Књ. I. Д. 1–2. 466 с.

В. ШТРАНДМАН. Балканские воспоминания

Имя автора воспоминаний, русско-го дипломата Василия Николаевича Штрандмана (1877–1963), известно всем историкам-балканистам, пишущим о Первой мировой войне, о русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (СХС).

Рукопись его воспоминаний, разыскиваемая долгое время, была в 1996 г. обнаружена А.А. Соловьевым, сотрудником Библиотеки Конгресса, в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. О его находке стало известно другим исследователям.

В итоге, известный своими трудами по русскому зарубежью в Королевстве СХС русский историк Иоанн Николаевич Качаки, живущий в Голландии, выкупил фотокопию мемуаров Штрандмана, получив согласие директора архива Р. Вортмана на перевод и издание первой части воспоминаний на сербском языке, что и было выполнено по прошествии нескольких лет. Вторая часть, которая должна охватывать 1919–1944 гг., пока не обнаружена.

Книга открывается обширным предисловием, вернее, вводной статьей И.Н. Качаки. В ней излагается история поисков рукописи, приводится подробная биография В.Н. Штрандмана, очерчивается дипломатическая деятельность на Балканах, подчеркивается его роль защитника русского беженства в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Авторское видение освещаемых сюжетов и проблем придаст дополнительную остроту материалу. Многостороннее знание балканской, прежде всего сербской истории и ее проблематики позволило И.Н. Качаки дать объ-

емные и солидные комментарии по тексту самой книги воспоминаний.

Первая часть воспоминаний открывается дневниковой записью Штрандмана. В ней он, следуя завету, полученному в октябре 1921 г. из Парижа от Сергея Дмитриевича Сазонова, подчеркивает, что в своих воспоминаниях он «будет писать только о том, что видел, слышал и знал», а также станет стремиться дать характеристики известным личностям, с которыми встречался за время своей службы. Касаясь «сильных мира сего», он отмечал, что «Божим Провидением человеку дан свободный разум и от того как он использует этот святой и бесценный дар Божий зависят судьбы народов» (с. 31). При этом замечу, что сам автор может быть причислен к сербофилам.

После короткого и весьма интересного предисловия следуют сами воспоминания, охватывающие дипломатическую службу В.Н. Штрандмана в Софии (1908–1909), в Царьграде и Цетинье (1910–1911), в Белграде (1911–1913), в Нише (1914–1915).

В своих воспоминаниях автор мемуаров выступает как мастер детали. Так, вспоминая свой разговор с премьер-министром А. Малиновым, русский дипломат писал, что по мнению главы болгарского правительства, Болгария должна быть сформирована на Балканах в форме креста с выходом на четыре моря – Черное, Мраморное, Эгейское и Адриатическое (с. 47). Но в целом описываемый им софийский период не содержит особо ценной информации, в основном она подтверждает уже известные историкам сведения.

Воспоминания о Царьграде и Цетинье мало информативны с точки зрения каких-либо дипломатических сюжетов, но его бытовые картинки очень интересны для исследователя бытовой истории. Вообще, картинки из быта, обычаев сербов, их отношения к другим нациям, интересны для историка культуры. В частности, если сербских евреев считали «искренними и надежными сербскими патриотами», то совсем иное отношение было к католикам (с. 119).

На страницах, посвященных сербско-болгарским отношениям, мелькает калейдоскоп имен, сюжетов, фактов, сведений. Бытовые подробности смешаны с политическими событиями. Имена участников «балканской кухни» – австрийские, английские, болгарские, немецкие, румынские, русские, сербские, французские, черногорские и другие, – вызывают интерес не столько своей «громкостью», сколько новыми деталями из их «интересного поведения» в предвоенный и военный периоды.

Заслуживает внимания читателя портрет Н.Г. Гартвига, одного из главных персонажей книги Штрандмана. Пожалуй, ни в одной книге не было столь развернутой и живой картины деятельности этого защитника Сербии, заслуженно пользовавшегося исключительным авторитетом в этой славянской стране и не стеснявшегося в выражениях, высказываясь против тех, кто не разделял его точку зрения, например, Сазонова за попытку предотвратить надвигающую войну (с. 190). Заслуживает внимания и нестандартная точка зрения Гартвига, считавшего, что создание Балканской федерации, о которой велись разговоры в 1911 г., отвечало бы только интересам Турции (с. 92). Отмечу, что сербы в целях увековечивания памяти русского дипломата решили переименовать Београдску улицу в Хартвигову. Причем по техническим причинам эта процедура несколько задержалась, и сербы, забыв свое решение, постановили назвать «несчастною» Београдску улицу именем немецкого дипломата, но после напоминания одного из старожилов, отменили свое решение, а Београдска стала Хартвиговой. Однако во время Второй мировой войны улица стала носить прежнее название. После войны, как пишет далее И.Н. Качаки, улица стала носить имя коммуниста Бориса Кидрича, а после поражения югославских коммунистов

и смены власти улице было возвращено первоначальное название – Београдска. И сейчас имя Н.Г. Гартвига практически забыто (с. 277, 279–280).

Разумеется, дается в воспоминаниях обширный и довольно точный эскиз наступательной политики Вены и Берлина. Подчеркивается, что прошли те времена, когда по выражению Бисмарка, Дунай течет в том направлении, которое не отвечает интересам Германии, а Балканы не стоят жизни ни одного прусского солдата.

Воспоминания любого дипломата ценны не только своими свидетельствами о времени, но и документами. И здесь мемуары В.Н. Штрандмана представляют собой и отличный источник для исследования балканской истории начала XX ст. В частности, в его книге представлены проекты и планы сербско-болгарских договоров, документальные материалы о позиции России в этом вопросе и о раздвоенности действий глав русской дипломатии в Белграде и Софии (Штрандман отмечал, что русский дипломат в болгарской столице А.В. Неклюдов «не любил и не ценил Гартвига, ни как человека, ни как дипломата» (с. 143)), шифрованные телеграммы военного агента в Сербии полковника В.А. Артамонова, министра иностранных дел С.Д. Сазонова, Н.Г. Гартвига, значительно дополняющие картину размышлений русской дипломатии о разрешении балканской проблематики. Даже представлены «злые языки», придающие живость мемуарам. В частности, подписание сербско-болгарского союзного договора, подписанного царем Фердинандом I не 1/14 марта, как было ранее решено в память этого исторического дня, а 13 марта, расценивалось ими как решение болгарского монарха пойти на нарушение этого договора (с. 116–117).

Мемуары интересны и своими отступлениями за Балканы. Так, говоря об обвинениях России, связанных с «империализмом», или с польским вопросом, В.Н. Штрандман ядовито замечал, что когда в 1905 г. в российском МИДе были готовы к рассмотрению вопроса о «даровании польскому народу права самостоятельного политического существования», то «свободная Франция», опасавшаяся войны с Австро-Венгрией и Германией, воспротивилась русскому проекту (с. 84–85). И, безусловно, точно замечание русского дипломата о том, что на славянских Балканах было сильно убеждение в том,

что «русский царь всегда готов защищать стремления балканских славянских братьев, но ему не дают свободы деятельности его министры и окружение» (с. 125). Касаясь страниц воспоминаний о балканских войнах, то много место автором уделено истории сербского народа, состоянию страны в начале XX ст. Подчеркивалось, что сербы, как они сами говорили, жили «от сегодня до завтра под страхом нападения соседей» (с. 124).

Довольно подробно в воспоминаниях описывается взгляд Западной Европы на ситуацию в балканских странах, само положение в этих землях, отношение к сербско-болгарскому договору среди русской дипломатии, вызывавшему самые серьезные опасения как предвестнику войны. Сам Шtrandман рисует обстановку и в Сербии, и в Болгарии, и в Черногории как предвоенную. Так, болгарский премьер-министр говорил Неклюдову, что ему «болгарский народ и армия никогда не простят, если он не использует соглашение трех балканских держав и войну Италии с Турцией». «Или война или революция в армии», – утверждал глава болгарского правительства (с. 168). Одновременно отмечена и сдержанная позиция русского МИДа, его стремление к сохранению мира (например, с. 142, 156, 157). Интересны и страницы, касающиеся А.И. Гучкова, его «подталкивания» к войне «балканских братьев» (с. 171).

В то же время в книге не пропущены ни албанский, ни македонский вопросы, правда, они представлены не так широко, но во всяком случае они органично вплетены в ткань воспоминаний.

Балканским войнам посвящена сотня с лишним страниц. Пожалуй, наиболее интересными для меня были сюжеты, связанные, например, с ведением тайных болгаро-турецких переговоров в марте 1913 г. об остановке Софией наступления на Царьград (с. 204), с деятельностью «ястреба» Н.Г. Гартвига в этот самый сложный период для Балкан и России (с. 209, 210, 211), о противнике второй войны болгарском генерале Фичеве (с. 215), о деталях заключения Бухарестского мира, в частности, о заявлении болгарского делегата знаменитого С. Радева, который после заключения соглашения между Болгарами и румынами говорил, что теперь «Болгария покажет сербам и грекам их место» (с. 219), о молодежной акции против бывшего короткое время в Белгра-

де болгарофила П.Н. Милюкова (с. 222, 223), об албанском вопросе и «ястребе» М. Спалайковиче (с. 225, 230), о настроениях сербского народа после одержанных побед в войнах – от союза с Россией до союза Белграда с Лондоном (с. 232, 233).

Собственно Первой мировой войне отводится автором примерно две сотни страниц, т.е. почти половина книги. Здесь и страницы, связанные со смертью эрцгерцога Франца-Фердинанда, с австро-венгерским ультиматумом Белграду, кончиной Гартвига, с политикой явной и тайной «сильных мира сего», и, конечно, с деятельностью самого В.Н. Шtrandмана. Перечислять можно долго. Остановлюсь на немногом. Как и прежде весьма полезными являются включенные в текст дипломатические донесения, например, описание кн. М. Гагариным убийства австрийского эрцгерцога (с. 268–269, 270), австро-венгерский ультиматум с приложением (с. 294–298). Безусловный интерес представляет сама деятельность Шtrandмана после вручения ультиматума, разговоры с властными кругами в Белграде. Это прежде всего относится к его беседе с принцем Александром и совет обратиться за помощью к России, всегда защищавшей Сербии (с. 300), равно и к самой исторической телеграмме на имя царя за подписью принца (с. 303), на которой Николай II написал Сазонову: «Очень скромная и уважения достойная телеграмма. Что ему ответить?» (с. 303). Уже сами эти царские строки разрушают определенный миф о якобы немедленной реакции царя по защите сербов.

Исключительно важной представляется включенная в текст воспоминаний телеграмма Сазонова Шtrandману, в которой говорилось о том, что «Если положение Сербии действительно так беспомощно и нет сомнения в исходе вооруженной борьбы с Австро-Венгрией, то может было бы лучше, чтобы сербы в случае австрийского нападения вообще не пытались защищаться», и после своего отступления, позволив врагу занять землю без борьбы, обратиться с призывом о помощи к великим силам. Вопрос о целесообразности передачи содержания этой телеграммы высшим властям Сербии должен был решить сам Шtrandман, который, оценив ситуацию, решил не передавать инструкцию, если только этого не потребуют новые обстоятельства (с. 309).

Глава читается с неослабевающим интересом. Здесь и ответ Белграда на ультиматум (с. 310–313) и строки об уверенности малочисленной сербской армии в победоносный исход предстоящей войны с австрийцами (с. 324)! Также Штрاندманом приведена интереснейшая переписка между Петербургом и Белградом, в том числе помещена телеграмма Николая II принцу Александру о необходимости прилагать все усилия к мирному исходу и уверения, что «Россия ни в коем случае не останется равнодушной к судьбе Сербии» (с. 328). Правда, тот же Н. Пашич обратил внимание только на заверение царя о помощи, а не на необходимость добиваться мирного разрешения конфликта. Да и помощь России необязательно должна была быть военной. Сами сербы, особенно после царской телеграммы были готовы вступить в борьбу с австрийцами. В вопросе войны или мира верх одерживали пушки.

Для историка Первой мировой войны может быть интересна телеграфная переписка между русским и германским монархами с 28 июля до 1 августа и описание Штрандманом той напряженной атмосферы, царившей в Санкт-Петербурге в эти дни. Исследователям сербско-болгарских отношений в 1914–1915 гг. мемуары Штрандмана могут дать новые

сведения, расширяющие историческое знание по этой проблематике, тесно связанной с политикой России, готовой в годы войны обеспечить Софии за ее содействие значительное приращение территории. В частности, независимо от будущего исхода войны «сразу передать Штип и Кочани с территорией до Вардара». (с. 370–371). Много страниц отведено в мемуарах собственно «балканскому политическому фронту», где было место и спекуляциям, и интригам, торговле территориями и прочими непрямными компонентами (не)дипломатической игры.

Мемуары завершаются отъездом автора на новое место службы в Рим осенью 1915 г.

Заключая свой экскурс в балканские воспоминания В.Н. Штрандмана, могу с уверенностью утверждать, что они представляют собой ценнейший источник по многим темам и сюжетам, связанным косвенно или прямо с временем Первой мировой войны, перевернувшей страницу мировой истории. Смею надеяться, что в преддверии 100-летия начала Первой мировой войны книга о политике России, написанная на русском, переведенная и изданная на сербском, все же появится и на родном языке.

© 2010 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 5

Д.О. ЛАБАУРИ. Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: Идеология, программа, практика политической борьбы. София, 2008. 248 с.

В Софии в 2008 г. на русском языке вышла монография молодого российского ученого, кандидата исторических наук, доцента кафедры Новой и новейшей истории Уральского государственного университета Д.О. Лабаури «Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: Идеология, программа, практика политической борьбы». Предметом его исследования стали этносоциальные условия и конкретный механизм развития болгарского национального движения в Македонии и Фракии в

1894–1908 гг., становление и эволюция его программных установок и идеологии.

Книга состоит из «Введения», трех глав, «Заключения» и «Приложения». Кроме того, в конце монографии представлены цветные этнографические карты Македонии, составленные В. Кынчовым в конце XIX в.

Во «Введении» автор отмечает, что объектом его исследования «является болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг., под которым в соответствии с терминологией известного чешского исследователя

М. Хроха» он подразумевает «организованные и идеологически обоснованные попытки по обретению всех атрибутов полноценной нации» (с. 5). Сразу оговоримся, что, как представляется, попадающиеся отсылки автора к исследованиям М. Хроха с его периодизацией национального движения с фазами «А», «В» и «С» заметно утяжеляют текст монографии, превращаясь в своего рода рудимент, отвлекающий читателя от мыслей самого автора по предмету его исследования.

Здесь же автор обосновывает актуальность избранной им для исследования темы и хронологические рамки работы: «Нижняя хронологическая граница обусловлена фактическим началом формирования Внутренней македано-одринской революционной организации (ВМОРО) – первой нелегальной организации македонских и фракийских болгар на македонской территории, что свидетельствовало о начале качественно нового этапа в развитии болгарского национального движения в данных областях. Верхняя хронологическая граница обусловлена Младотурецкой революцией 1908 г., которая ликвидировала режим “зулум” в Османской империи, восстановила действие турецкой конституции 1878 г. и способствовала легализации ВМОРО в качестве политической партии» (с. 6).

Лабаури, однако, приводит довольно спорный тезис: «В новой истории Балканского полуострова тема болгарского национального движения в последней четверти XIX – начале XX в., приобретавшего формы ирредентизма или, иными словами, непримиримой борьбы за воссоединение Болгарии с отторгнутыми насильственно от нее в 1878 г. Македонией и Фракией, является, пожалуй, наиболее широко освящался на страницах европейской и российской печати из-за бесконечной череды шумных провокаций и терактов, осуществляемых самыми «активными» деятелями болгарского национального движения. «Македонская смута», так называлась статья в одной из российских газет того времени. Это название лучше всего характеризует

положение в крае, обусловившее пристальное к нему внимание.

Вместе с тем, Лабаури дает довольно обширный и глубокий анализ болгарской, македонской, советской/русской, турецкой и западной историографии по исследуемой им теме. В данном случае Дмитрий Олегович предпринял небезуспешную попытку «объять необъятное». В частности в современной болгарской историографии он выделил восемь (!) только *основных* направлений в изучении национального движения болгар в Македонии и Фракии в исследуемый им период (с. 12–15). Автор отметил недостатки болгарской историографии, подчеркнув, что «по-прежнему отсутствуют исследования, посвященные национальному вопросу в идеологии и практике болгарского национального движения в Македонии и Фракии» (с. 15–16).

Касаясь российской историографии, Лабаури пишет, что «за последние 15 лет появился ряд работ, в которых авторы пытались более объективно взглянуть на болгарское национальное движение» в Македонии, хотя некоторые, тем не менее, продолжают «отстаивать тезис о национальной идентичности македонцев в конце XIX – начале XX вв. и об одинаково захватнической политике балканских государств по отношению к Македонии» (с. 22).

Лабаури отмечает, что в своем исследовании ставит перед собою цель «показать характер развития болгарского национального движения в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг., исследовать содержание и особенности национальной идеологии и программных установок данного движения, факторы их формирования и трансформации, а также эффективность и результаты применения их на практике» (с. 23).

Автор серьезно основательно поработал в болгарских архивах: в ЦДИА, в Болгарском историческом архиве при Народной библиотеке Кирилла и Мефодия, а также и в российских – в первую очередь в Российском государственном военном-историческом архиве (РГВИА). Однако следует отметить, что он упустил один российский архив, где хранятся важнейшие документы по избранной им тематике – Архив внешней политики Российской империи (АВП И), в монографии встречаются только единичные упоминания о донесениях российских представителей

в Македонии, и то по книгам других авторов. Впрочем, введение автором в научный оборот новых болгарских источников сглаживает этот недостаток, тем более, что тема монографии собственно болгарское национальное движение, а не отношение к нему иностранных держав.

В первой главе «Эволюция болгарского национального вопроса в конце XIX в.» автор рассматривает становление и развитие болгарского национального движения с конца XVIII в. до конца XIX в. и эволюцию его программных установок.

Один из главных авторских выводов: «Вплоть до Балканских войн 1912–1913 гг. ставка на автономную Македонию, в рамках которой удалось бы сохранить единство болгарских земель для дальнейшего их воссоединения с Болгарией, занимала центральное место в болгарской национальной программе, а единичные голоса в пользу мнения о том, что “македонский вопрос крайне тяжел для Болгарии”, и, дабы его существование не продолжалось вечно, “следует как можно скорее прийти к согласию с соседями, главным образом, с сербами, т.е. взять все то, что мы можем взять, и отказаться от того, что мы не в силах взять”, заглушались единодушным хором ВМОРО, ВМОК, Экзархата, болгарских политических партий и общественности, протестовавших против любой возможности нарушения болгарской целостности» (с. 45).

Д.О. Лабаури касается дискуссионного вопроса об этноконфессиональном составе населения Македонии и Фракии на рубеже позапрошлого и прошлого веков, рассматривая точку зрения на этот вопрос современников. Приводит болгарскую, греческую и сербскую статистику. Относительное количественное лидерство болгар автор объясняет «благоприятными для них этнодемографическими процессами, протекавшими в течение XVIII–XIX вв.». На сокращении турецкого населения в Македонии сказались многочисленные войны Османской империи в этот период, а также низкая рождаемость у турок (с. 53). Этой демографической особенностью Лабаури объясняет и численное сокращение греческого населения. И как он подчеркивает, ни одна из этнических групп «не обладала абсолютным большинством» (с. 55).

Так что, «этноконфессиональной базой развития болгарского национального движения [...] стали болгары-экзархисты,

насчитывавшие в Македонии и Фракии, по данным экзарха Иосифа, 1 050 193 человека».

Автор отдельно останавливается на социальных предпосылках роста болгарского национального движения в Македонии и Фракии. Он приходит к выводу, что данные македонской действительности того времени, «свидетельствуют о том, что основную социальную предпосылку роста национального движения в Македонии и Фракии [...] следует искать не в ухудшении экономического положения болгарского населения (сам факт которого разумно поставить под вопрос), а как раз в развитии в результате капиталистической модернизации социальных связей, к которым намного лучше приспособились именно христианские подданные Порты» (с. 57–58).

В главе «Развитие болгарского национального движения в Македонии и Фракии в 90-х гг. XIX в. – начале XX в.» Лабаури рассматривает проявление различных факторов болгарского национального движения. Так, 1878–1894 гг. в Македонии и Фракии были периодом легальных форм развития движения под лозунгом «реформы и бераты». (Здесь, пожалуй, можно отметить, что единственным серьезным недостатком монографии является отсутствие словаря, или, по крайней мере, соответствующих поясняющих сносок. Новичок может просто растеряться от количества непонятных новых для него слов, в основном, турецкого происхождения: берат, «зулюм», фирман, гяур, гемиджия и т.д.). Оно направлялось Экзархатом и Болгарским княжеством, которые видели свою задачу в том, чтобы завершить процесс национальной консолидации на всем пространстве болгарской этноязыковой общности, подготовив тем самым дальнейшее политическое воссоединение указанных областей с Болгарией. Автор подробно останавливается на церковно-просветительской деятельности Экзархата в Македонии и Фракии, как легальной форме болгарского национального движения (с. 69–79).

«Болгарское национальное движение, вступившее [...] в завершающую стадию и получившее массовую (тезис весьма спорный. – М.Я.) поддержку населения, стало распадаться на клерикально-консервативное (экзархийское или эволюционное) течение и более массовое радикально-демократическое (революци-

онное) течение, каждое из которых теперь имело свою собственную тактическую программу» (с. 79).

Затем автор переходит к рассмотрению процесса оформления и развития революционного крыла в болгарском национальном движении в 1893–1903 гг. Возникшие в 1893–1895 гг. ВМОРО и Верховный македоно-одринский комитет (ВМОК) явились качественно новыми факторами. Несмотря на наличие определенных противоречий в отношениях между двумя организациями, которые определялись главным образом тактическими соображениями, они сохраняли одинаковые функции, общие цель и методы ее достижения, выступая относительно единым идейным (радикально-демократическим) фронтом в болгарском национальном движении (с. 80–101).

Надо отдать должное автору, он представил полную картину террора со стороны ВМОРО в отношении любого не послушного ее приказам. Моральному и физическому террору подвергались все. Эти «родолюбцы» убивали и болгарских священников и чиновников, и торговцев, отказывавшихся платить налог на освободительную борьбу, и просто «беспользующих людей».

Автор уделяет достаточное внимание истории создания ВМОРО, как изначально болгарской террористической организации. «Главную ставку организация делала на террор как метод борьбы» (с. 85). Даже болгарский Экзарх признал свое подчиненное по отношению к ВМОРО положение (с. 117). Революционеры теперь сами указывали, каких священников ставить на приходы в Македонии.

Здесь же Лабаури анализирует политику Болгарии в отношении национального движения в Македонии и Фракии, а также само национальное движение в этих областях в 1904–1908 гг. (с. 102–144). Автор приводит множество интереснейших фактов тайной поддержки официальной Болгарией ВМОРО, как через поставки оружия, так и через прямое финансирование. При этом, «идеологи революционного лагеря прекрасно осознавали необходимость любой ценой убедить и Турцию, и балканские государства, и великие державы, в отсутствии» у них «стремления воспользоваться автономией для присоединения к Болгарии и создания Великой Болгарии» (с. 119). В инструкциях же предписывалось «воздерживаться от вся-

ких поздравлений и контактов с представителями государственных структур, а на собраниях каждого македоно-одринского общества объяснять его членам, что македоно-одринский вопрос [...] давно уже отделен от болгарской государственности [...] и поставлен на чисто народную почву» (с. 120). «Таким образом, Болгарское княжество продолжало занимать важное место в концепциях, программах и представлениях македоно-одринских деятелей, а доктрина македонского политического сепаратизма была служебной доктриной болгарского национального движения», заключает автор.

В этой же главе автор подробно рассматривает кризис, поразивший болгаро-македонское национальное движение после разгрома, обреченного на провал Ильинденского восстания. Это был не просто кризис, речь шла, по сути, о самоистреблении организации, когда жертвы войны враждующих группировок внутри ВМОРО и ВМОК исчислялись десятками. Кроме того, «новые условия, сложившиеся в Македонии после Ильинденско-Преображенского восстания, вынудили ВМОРО оставить подрывную деятельность направленную против Турции на втором плане и сосредоточиться [...] на борьбе против новых врагов – многочисленных и хорошо вооруженных сербских и греческих чет».

В итоге, деятельность ВМОРО свелась к ординарному террору (с. 137). Лабаури соглашается с мнением болгарского историка М. Михова, что «революционная организация медленно, но неуклонно исчерпала свой потенциал и потеряла статус ключевого фактора в решении болгарского национального вопроса». Более того, в ряде районов она превратилась в один из факторов угнетения болгарского населения (с. 138). Соглашаясь с тем, что свой потенциал ВМОРО полностью исчерпала после 1903 г., скатившись к тривиальному терроризму (столь популярному в то время и в России), отметим, что тезис о каком-то ее «ключевом факторе» представляется довольно спорным.

Ну а местное население самоорганизовывалось, искало защиты у турецких властей, вооружалось и давало отпор своим «освободителям» из ВМОРО (с. 138–142).

В главе «Национальный вопрос в идеологии и практике болгарского национального движения в конце XIX – начале

XX в.» Д.О. Лабаури самым подробнейшим образом рассматривает заявленные в подзаголовке монографии вопросы (с. 145–209). Это концепции «национализма» и «интернационализма» в болгарском национальном движении, мусульманский вопрос в политике и практике национального движения. Он также анализирует славяно-македонское национальное движение.

Один из авторских выводов заключается в следующем. Особой задачей ВМОРО и ВМОК было убедить общественность в искренности заявленной цели автономной Македонии. Именно для этого эти организации под лозунгом «Македония для македонцев» пытались культивировать сознание общности судьбы всех народов Македонии, формально декларируя, что «болгарский элемент имеет большое желание гарантировать им равноправие». «Временность и конъюнктурность формулы интернационализма прекрасно осознавали и в МИД Болгарии, в связи с чем полностью поддерживали ее», заключает автор (с. 173).

Лабаури рассматривает и различные варианты решения «мусульманской проблемы в Македонии», но сам, при этом, отмечает: «Единственный выход болгарские идеологи находили в положении, согласно которому турецкое и албанское этническое присутствие в Македонии и Фракии носило искусственный характер, а соответственно и временный. Только так можно было легитимировать право на создание “болгарской автономии”» (с. 183).

Он отмечает, что в идеологии и программе болгарского национального движения «турецкому населению придавался образ врага, который в будущем должен покинуть пределы болгарской автономии. При этом, если албанскому населению не придавалось серьезного значения в качестве политического фактора в будущей автономии, то относительно болгар-мусульман предусматривалась насильственная ассимиляция, возвращение которых к “национальному корню” в сочетании с исходом турецкого населения

должно было бы способствовать превращению Македонии в ее автономных границах, а затем и в рамках Целокупной Болгарии в относительно однородную болгарскую территорию» (с. 193).

Автор также подробно останавливается на возникновении и развитии концепции македонизма, заключавшейся в утверждении идеи македонской национальной самостоятельности.

В «Заключении» Д.О. Лабаури говорит о результатах, к которым пришло болгарское национальное движение к 1908 г.: «Летом 1908 г. в связи с перспективой применения новой англо-русской программы реформ в Македонии болгарское национальное движение находилось в шаге от своей, если и не конечной, то промежуточной, цели. Победа, однако, у него была вырвана более мощным, хотя и более молодым, турецким национальным движением [...] Младотурецкая революция качественно изменила политический контекст, в котором предстояло действовать болгарскому национальному движению. Победа младотурок, однако, оказалась временной. Их националистическая политика ускорила складывание Балканского союза и последующий раздел Македонии и Фракии между его членами в результате Балканских войн 1912–1913 гг. Нерешенный в итоге болгарский национальный вопрос продолжил свое существование уже в новых условиях, создавая конфликтное поле в отношениях между балканскими государствами» (с. 217).

Можно в чем-то соглашаться или несогласиться с автором, во многих случаях с ним хочется вступить в острую дискуссию. Одно несомненно: Д.О. Лабаури проделана огромная работа в болгарских архивах и в оборот введены новые источники. В российской историографии это, пожалуй, первая работа подобного масштаба, посвященная национальному движению в Македонии и Фракии в период 1894–1908 гг. Цель, которую автор ставил перед собой (с. 23), достигнута.

© 2010 г. *М.Л. Ямбаев*

Ю. КОНСТАНТИНОВА. Балканската политика на Гърция в края на XIX и началото на XX век. Велико Търново, 2008. 327 с.

Ю. КОНСТАНТИНОВА. Балканская политика Греции в конце XIX – начале XX в.

Монография болгарского историка Ю. Константиновой посвящена изучению отношений Греческого королевства со странами Балканского региона в 1881–1903 гг. – Турцией, Болгарией, Румынией, Сербией и Черногорией. Вместе с тем исследуется влияние на эти отношения великих держав – в первую очередь, Великобритании, России, Австро-Венгрии и Германии.

Во «Введении» определяются основные задачи работы и анализируется историография вопроса. Главной задачей монографии является исследование политики двух центров эллинизма – греческого правительства и Вселенской патриархии, связи и противоречия между ними. Глава I «Между политическим прагматизмом и Великой идеей» характеризует основные направления греческой внешней и внутренней политики во время управления Х. Трикуписа. Большое значение для политики Афин в этот период имели греки диаспоры – представители известных фамилий торговцев и банкиров, таких как Зарифис, Зографос, Зафиропулос, Стефановик и др. Благодаря своему участию в Смешанном совете при патриархии они имели возможность официально вмешиваться в политику и влиять на выборы патриархов. Они способствовали изменению греческой национальной идеи. Создавалась новая мифология, которая связывала будущее Великой идеи с филантропической благотворительной деятельностью греческой диаспоры, а не с войнами, источающими экономику королевства (с. 42).

Специальное место в монографии уделяется развитию греческой Великой идеи. В этой связи автор рассматривает взгляды таких классиков греческой историографии, как С. Замбелиос, К. Папарригопулос, П. Каролидис. С. Замбелиос реабилитировал христианское Средневековье; для него церковь – это нить, которая яв-

ляется доказательством непрерывности национального бытия греческого народа, призванного осуществить исключительную миссию, так как он объединяет античные и христианские традиции. Профессор афинского университета К. Папарригопулос отводил первостепенное место Византии, объединившей греческий мир. Наследник Папарригопулоса по кафедре истории П. Каролидис был сторонником консервативной политики союза с Османской империей. Оба центра эллинизма – Афины и Константинополь – должны сотрудничать. Болгарский церковный вопрос для Каролидиса – это борьба с экзархией; греческие и турецкие элементы должны противостоять славянскому засилью. Другим представителем националистического направления был этнограф Н. Политис, проводивший идею о тождестве византийского и греческого. Для председателя просветительского общества «Эллинизм» Неоклиса Казазиса славяне Балкан были низшей нацией по сравнению с греками. Наряду с преобладавшим крайне националистическим течением, среди греческих политиков были и более умеренные представители, сторонники общебалканского единства (С. Куманудис, А. Рангавис). Общим местом в греческой политике изучаемого периода, отмечает Ю. Константинова, был страх перед панславизмом и болгарами, которые якобы являются орудием России (с. 78).

Особый интерес представляет второй параграф второй главы «Греки в Османской империи – между Афинами и Константинополем». Узел греко-турецких отношений концентрировался вокруг вопроса о привилегиях церкви, который пережил три стадии: 1883–1884, 1890–1891 и 1908–1912 гг. Центральной политической фигурой первой половины 1880-х годов в Константинополе был патриарх Иоаким III, которому уже немало уделяли

внимание греческие историки. Ю. Константинова оценивает его как «прагматичного политика, вполне преданного идее распространения эллинизма в Османской империи». Его взгляды, как считает автор, «отличаются от взглядов афинских политиков только методами достижения греческого главенства» (с. 144). На требование Х. Трикуписа, чтобы Вселенский престол защищал греческие интересы, патриарх отвечал, что именно «вселенство патриаршего престола под греческой иерархией лучше всего отвечает греческим интересам». Заявленное Иоакимом III желание делать уступки болгарам, в сущности, оставалось только на словах. Поддержка со стороны России была ему необходима, чтобы ограничить экзархию в безопасных для патриархии границах и получить опору перед нажимом Порты в вопросе о церковных привилегиях (с. 144–146). Следует отметить, что со столь односторонней оценкой первого патриаршества Иоакима III расходятся как свидетельства источников конца XIX в. (в частности, донесений русских дипломатов), так и мнение современного исследователя Х. Кардара, посвятившего Иоакиму специальную работу и склонного характеризовать деятельность патриарха в 1880-е годы как соответствующую наднациональным вселенским принципам.

Немало внимания уделяет автор и второму патриаршеству Иоакима III (1901–1912) (с. 277–301). Именно в этот период наблюдается значительно большее согласие между Афинами и Константинополем, чем в прежние десятилетия. Центральным вопросом в начале XX в. стала борьба за Македонию. Еще в декабре 1900 г. Иоаким III адресовал греческому правительству предложение создать в Афинах секретный комитет по защите прав греков в Македонии. Под давлением Афин патриарх ставил в Македонии молодых, энергичных и преданных греческой национальной идее митрополитов. Иоаким проводил гибкую и согласованную с правительством королевства политику в отношении Сербии и Болгарии. Так, он согласился на русские требования поставления сербского митрополита Фирмилиана в Скопие только после согласия Афин. Греческое правительство после того активнее финансировало греческое образование в Турции. Оно встало на сторону Турции в Илинденско-Преображенском восстании, однако уже в конце 1903 – начале 1904 г.

вынуждено было отказаться от линии «безупречного поведения» в отношении Османской империи. Надо заметить, что Россия, поддерживавшая Иоакима III при его вторичном избрании на патриарший престол, вскоре разочаровалась в его политике. Особенное раздражение русского правительства вызвала позиция патриарха в греко-болгарском вопросе, а также его обвинения в адрес русских офицеров, действовавших в Македонии в рамках выполнения мюрцштегской программы.

Центральной проблемой в отношениях Греции и Болгарии был болгарский церковный вопрос, который многократно обсуждался в исторической литературе, а также вопрос о положении греческого населения Болгарии. В этой связи интересными представляются результаты изучения автором материалов варненской греческой митрополии, а также истории греческого просветительского движения в Восточной Румелии (с. 138–172). Отдельные страницы монографии посвящены греко-румынским отношениям и румынской пропаганде в Македонии (с. 173–190) и сербскому движению (с. 190–202). Автор специально останавливается на критском вопросе, дипломатической стороне подготовки и ходе греко-турецкой войны 1897 г., а также переговорах после ее окончания (с. 205–245).

В «Заключении» Ю. Константинова подводит итоги исследования. Основной политической идеологией изучаемого периода стала греческая Великая идея, которая в период после 1878 г. претерпела некоторые видоизменения: претензии Афин ограничились южной Македонией и Фракией, а также Константинополем. Параллельно с этими двумя тенденциями интересы Вселенской патриархии и греческой диаспоры диктовали сохранение Османской империи. Греческая политика делится на два периода – 1881–1893 и 1893–1903 гг. Если первый период характеризуется преобладанием греческого государства как решающего фактора в решении национального вопроса, то во второй период роль государства замещается частной инициативой и активизацией националистических организаций. Независимо от соотношения отдельных факторов, делает вывод автор, политика Греции в отношении балканских христианских стран оставалась неизменной. Борьба за Македонию, соперничество патриархии и экзархии, натянутые отношения с Ру-

мынией, враждебные с Болгарией и дружеские с Сербией – вот основные черты внешнеполитического курса Греции на Балканах в 1881–1903 гг.

Монография Ю. Константиновой, несомненно, является новым словом в изучении международных отношений на Балканах в конце XIX – начале XX в. Автор использует многочисленные опубликованные источники и литературу, а также привлекает и обширные материалы из болгарских и греческих архивохранилищ; многие документы впервые вводятся ею в научный оборот. Объективный

научный подход к событиям и явлениям политической жизни, тщательность в исследовании документов и логичность выводов делают монографию Ю. Константиновой не только важным вкладом в изучение внутренней истории балканских народов, но и приобретением для историков ближневосточной политики России, которая в XIX – начале XX в. проявляла непосредственную заинтересованность в районе восточного Средиземноморья и Балкан.

© 2010 г. Л.А. Герд

Славяноведение, № 5

Э. БОРДАТО, М. ТАЛАЛАЙ. Под чуждым небосводом. СПб., 2009. 147 с. [32] с. илл. (Серия «Русское зарубежье. Источники и исследования»)

Авторы книги, живущие в Италии, воссоздали в результате кропотливых поисков необыкновенную жизнь княжны Екатерины Дабижа (1862–1943), из балканского королевского рода, жены царского дипломата, российского императорского консула в Македонии Александра Аркадьевича Ростковского (1860–1903), убитого турецким жандармом-албанцем. Именно та часть книги, что посвящена событиям на Балканах на рубеже XIX–XX вв. и привлекает, прежде всего, наше внимание. Этот раздел книги связан с пребыванием семьи Ростковских в Македонии, в бытность Александра Аркадьевича консулом в городе Манастир (нынешний македонский город Битола).

После гибели мужа Екатерина Васильевна Ростковская вместе с сыном и дочерью вернулась в Россию. Здесь она встретила друга детства, знакомого нам по советским учебникам истории, лейтенанта Петра Шмидта, и пережила новую трагедию, связанную с его расстрелом.

Сын Ростковских Борис принял присягу на верность императору едва ли не в день отречения Николая II от трона, и в дальнейшем бесследно сгинул на полях братоубийственной Гражданской войны. Екатерина Васильевна, находясь в эмиграции в Италии с дочерью Марией, так безрезультатно и прождала его, надеясь

на чудо возвращения. Здесь, в Италии, она и написала свои мемуары. О том, как они были найдены, как было определено их авторство подробно рассказывают Э. Бордато и М. Талалай.

Книга состоит из «Предисловия», написанного историком и журналистом, бывшим послом Италии в СССР Серджио Романо, «Введения», семи глав, из которых только вторая, «Гибель царского дипломата», посвящена балканской проблематике (впрочем, как и, частично, «Введение»), и «Эпилога». Разумеется, в книгу включены мемуары Е.В. Ростковской, состоящие из двух частей – «Свет, сумерки, тьма одной русской жизни» и «Гибель мужа». Издание содержит приложения. Это очерк Эсаад Бея «Князь Дабижа и хорватский престол; Родословие князей Дабижа и описание герба» и «Геральдический комментарий» М.Ю. Медведева. Книга богато иллюстрирована редкими фотографиями из архивов родственников Дабижа-Ростковских, проживающих за пределами России.

В «Предисловии» Серджио Романо подчеркивает: «Случаю, или провидению, было угодно, чтобы княжна Дабижа стала свидетелем главнейших политических событий первой трети ушедшего века. Выйдя замуж за блестящего дипломата, Александра Ростковского, она попа-

ла вслед за ним в Иерусалим, греческую Янину, арабский Бейрут, итальянский Бриндизи и, наконец, в македонскую Битолу, в самое сердце Балкан. Судя по настоящей публикации, Ростовский не являлся хладнокровным карьеристом (далее в итальянском историке берет верх журналист. – *М.Я.*), а принадлежал к деятельным панславистам. Правительство направило его на Балканы в качестве “консула натиска”, поручив молодому дипломату курировать местное славянское население и православный клир – не без желания расширить русское влияние на территориях, ускользавших из рук оттоманов. Выстрел турецкого жандарма в Сараево в 1903 году, сразивший насмерть Ростовского, мог иметь последствия рокового выстрела в Сараево в 1914 году: российская империя даже выслала к берегам Турции военный флот. Однако в тот момент конфликт удалось предотвратить» (с. 6).

Начнем по порядку. С «деятельного панслависта». Авторы в сноске приводят слова А.А. Ростовского: «Мне сердечно жаль македонских славян, но русские интересы мне дороже и по личному чувству, и по долгу службы» (с. 25). Кто-кто, а люди «долга службы» менее всего стремились в то время собрать «под скипетром русского царя» все славянские народы, водрузив крест над Святой Софией в Константинополе, сделав его столицей Великой славянской империи, как о том грезили настоящие панслависты.

«Консул натиска»? Консул – весьма важная, но довольно низкая дипломатическая должность. Все что требовалось от Ростовского это исполнять предписания посольства в Константинополе и докладывать в высшие инстанции об обстановке крае. В данном случае, Ростовский как мог сдерживал болгаро-македонских революционеров, стремившихся спровоцировать резню в Македонии и вызвать вмешательство великих держав. Какой тут натиск?! Это однозначно сдерживание. Впрочем, и эту тему авторы вполне раскрывают в соответствующих главах.

Что уж говорить о возможности «роковых последствий», параллелей с сараевским выстрелом, и о демонстративной отправке нескольких кораблей черноморского флота к турецким водам. Во-первых, консул и эрц-герцог суть масштабы званий и функций несопоставимые. Проводя параллель с Сараево 1914 г., С. Романо, вероятно, намекает на возможность

большой европейской войны из-за гибели консула. Для историка это, в лучшем случае, смешно, но по журналистски заявлено хлестко.

В целом, можно поблагодарить С. Романо за краткое, но яркое и эмоциональное «Предисловие», сразу же интригующее будущего читателя. Именно это обстоятельство и заставило нас уделить ему столько места.

В первой главе – «Романовщина, дворянское гнездо» – авторы дают исчерпывающую родословную не только Е.В. Дабижи, но и подробную биографию А.А. Ростовского и некоторых его близких родственников. Интересно узнать, что предки жены консула, судьба которого оказалась столь трагически связанной с Балканами, были родом именно оттуда. Так, авторы пишут: «Сами Дабижа, точнее Дабижа-Котроманич, происходили с Балкан: их родоначальник Котроман был господином Град-Котромана [...] Первое упоминание о Котромане относится к 1163 году [...] Его супругой стала дочь графа Ортенбургского из Каринтии [...] Так возникла балканская династия Дабижа-Котроманич» (с. 13). Первый Дабижа обосновался в России в 1811 г.

Вторая глава «Гибель царского дипломата» посвящена событиям на Балканах на рубеже XIX–XX вв., а в более узком смысле событиям в Македонии в этот период, и трагической судьбе российского консула в этом крае Александра Аркадьевича Ростовского.

Авторы верно отмечают, что «середина XIX века стала периодом серьезных испытаний для внешней политики России и ее международного положения: самым драматичным эпизодом было поражение в Крымской войне» (с. 19). Однако далее, говоря об освободительном движении балканских народов, наряду с болгарами, сербами, албанцами и греками, они называют боснийцев, что вряд ли уместно для столь относительно раннего периода складывания наций и народностей на Балканах.

Авторы дают вкратце объективную картину обстановки на Балканах к тому времени, когда Е.В. Дабижа-Ростковская и А.А. Ростовский прибыли в «пороховой погреб» Европы. Приводятся воспоминания о Ростовском и быте супружеской четы в Битоли по воспоминаниям журналистов, ученых и общественных деятелей: В. Сватковского, Н. Кондакова, П. Миллю-

кова. По воспоминаниям Е.В. Ростковской и по консульским донесениям дается яркая картина событий, вошедших в историографию как Ильинденское восстание. В те дни и погиб А.А. Ростковский. Картина представлена достаточно исчерпывающе.

Авторы подробно останавливаются на реакции в европейских столицах и России на убийство албанцем русского консула. Европа, как обычно, всю вину возлагала на Россию, в данном случае, на «несдержанность» Ростковского и т.п. Авторы восстанавливают подлинную картину

случившейся трагедии, останавливаясь на мужественном поведении в те дни Екатерины Васильевны.

Заключительные главы и «Эпилог» посвящены пребыванию Екатерины Васильевны и ее детей Бориса и Марии в России.

Кроме конкретно-исторического интереса к балканской истории и политике России в регионе, книга заслуживает внимание всех, кому интересны судьбы русской эмиграции.

© 2010 г. *М.Л. Ямбаев*

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОСОБЕННОСТИ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ
ДИАЛЕКТНОЙ И КОДИФИЦИРОВАННОЙ ФОРМ ЯЗЫКА
В СЛАВЯНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ»

26 ноября 2009 г. в Институте славяноведения РАН состоялся «круглый стол», целью которого было обсуждение особенностей сосуществования и взаимодействия двух основных языковых форм, включенных в языковую ситуацию в современном славяноязычном обществе – литературного (кодифицированного) языка и территориальных диалектов. Эти формы языка имеют разный социальный статус, что находит отражение в официальной языковой политике, проводимой в обществе. Государственные меры в области языка обычно направлены на максимальное распространение кодифицированного стандарта и, соответственно, на устранение диалектных форм речи. Именно этот аспект отношений между литературным языком и диалектами традиционно привлекает преимущественное внимание диалектологов при изучении динамики диалектов.

Тема, предложенная для «круглого стола», предполагает более широкий диапазон рассмотрения особенностей диалектов как компонентов языковой ситуации. В круг рассмотрения входят: оценка носителями диалекта своего языка и их отношение к тем изменениям, которые могут быть вызваны контактом с литературным языком; характер отношения в обществе к диалектным формам языка; диалекты в языковой ситуации, предлагающей в качестве стандарта иной язык (славянский/неславянский); роль диалектов в формировании стандарта; появление новых форм языка как результат смешения диалектов и литературного языка и др.

Существенной особенностью докладов, представленных на «круглом столе», является взгляд на диалекты, как на идиомы, функционирующие и изменяющиеся с учетом правил своей структурной организации. Их реакция на контакты с литературным языком не является пассивной – структурное устройство диалекта может корректировать или задерживать проникновение литературных эквивалентов. К тому же в диалекте и в ситуации контакта с литературным языком могут реализоваться изменения, не связанные с этим контактом, а вызванные особенностями внутренней динамики диалектной системы.

Проявление таких тенденций, как внутренних закономерностей системы, на фонетическом уровне показаны в следующих докладах.

Л.Э. Калнынь (Москва) в докладе «Особенности диалектов как структурно организованных идиомов в ситуации их сосуществования с литературным языком» отметила, что непоследовательность реализации фонетических изменений вносит в систему диалекта в качестве статусного признака вариативность организации вокализма; система диалекта обладает механизмом стабилизации, который активизируется при освоении новой модели вокализма (переход от оканья к аканью) и др.

В докладе *Д.М. Савинова* (Москва) «Особенности фонетики в речи разных поколений носителей одного диалекта» подчеркнуто, что переход от яканья к иканью в некоторых южнорусских говорах не отражает влияния литературного языка, а следует существующей в системе логике развития вокализма первого предударного слога.

И.И. Исаев (Москва) в докладе «Фонетические инновации как экспликация тенденций развития диалекта, обусловленных внутренними и внешними факторами» на материале фонетики среднерусских говоров выявил принципы и механизмы включения «чужого» элемента в систему говора. Возникающая вариативность и факультативность должны рассматриваться с точки зрения действующих тенденций «принимающего» идиома.

В выступлении *С.В. Дьяченко* и *Е.В. Калугиной* (Москва) «Зависимость архаического аканья и яканья от семифонемного вокализма как компонент системы диалекта» описана реакция присущих южнорусским говорам моделей архаического аканья и обоянского яканья на контакты с литературным языком.

Диалекты на уровне лексики и словообразования более подвержены влиянию литературной нормы. Но и в этих случаях диалекты корректируют ситуацию сообразно своей системной организации. В докладе *А.Ф. Журавлева* (Москва) «Словообразование в современных русских диалектах: своя песня по чужим нотам» показано, что применяемые носителем диалекта способы освоения новых слов регулируются имплицитно присутствующими в сознании говорящих системными представлениями. Это проявляется в тяготении к выравниванию рядов, заполнению пустующих клеток в деривационных матрицах, достижению большей равновесности формы и семантики, в уклонении от словообразовательной омонимии и т.п.

Особенность семантики прилагательных «черный» и «белый» в архангельском говоре рассмотрена в докладе *Е.В. Колесниковой* (Москва) «Функционирование общерусских слов в диалекте». Специфика явления состоит в том, что названные слова имеют в диалекте традиционно сложившуюся более детальную семантическую структуру по сравнению с литературным языком. Такой семантический корпус проявляет устойчивость и в ситуации контакта с литературным языком.

Характер взаимоотношения между кодифицированной нормой и белорусскими диалектами проанализирован в докладах *В.П. Русак* (Минск) «Отражение диалектных форм языка в современном белорусском языке: лингвогеографический аспект», *А.Р. Чернявского* (Минск) «Орфоэпические правила аканья в современном белорусском языке в сопоставлении с диалектами» и *И.В. Меты* (Минск) «О фонетической черте белорусского языка, связанной с влиянием диалектов».

В ряде докладов рассматривается реакция диалектов на контакты с иноязычной/инодиалектной средой. *М.А. Алексеева* (Москва) «Языковой выбор у лемков-переселенцев в Польше и в Украине» исследует лемковские говоры, носители которых в 40-е годы XX в. были переселены с Карпат в Польшу и в восточные области Украины. Особенности функционального спектра говоров, специфика билингвизма их носителей и отношение к своему языку позволяют сделать вывод, что лемковские говоры на Украине более подвержены языковому влиянию по сравнению с лемковскими говорами в Польше.

Доклад *Й. Гетки* (Варшава) «“Каждому народу свой язык хорош”, или об отношении и оценке своего идиома жителями белорусско-русского пограничья» содержит общие замечания о языке, языковой идентификации, языковых привычках, а также об отношении к языку со стороны жителей белорусско-русского пограничья Могилевской и Витебской областей. Употребляемый ими идиолект (*смешанный, не русский, не белорусский, ни то белорусский, зьмешанны, мешанка, мяшаница, мешаная мова* и др.) они оценивают положительно, хотя осознают его низкую престижность. Язык тесно связан с другими ценностями, как, например, идентификация своей национальной принадлежности.

В докладе *Г. Пилипенко* (Москва) «О включении сербских диалектных особенностей в сербскую речь венгров Воеводины» анализируются особенности сербской речи воеводинских венгров. Появление диалектизмов в их речевой практике отражает характер усвоения сербского языка в естественных условиях (затруднена ориентация на норму).

Роль диалектов в формировании языковой ситуации в обществе проявляется в том участии, которое они принимают в создании литературной формы языка. Этой теме в применении к болгарскому языку посвящен доклад *Г.К. Венедиктова* (Москва) «Современный болгарский литературный язык на стадии становления в представлении носителей диалектов». Для складывавшегося в XIX в. современного болгарского языка предлагалась альтернатива в выборе его основы – традиционный книжный язык или диалекты (народная речь). В качестве основы литературного языка утвердился центральноболгарский диалект, поскольку именно он был родным для преобладающей части авторов изданных в тот период книг, к тому же количество этих книг значительно превышало число публикаций носителей любых других диалектов.

Значение диалектов для формирования серболужицких письменных языков рассматривается в докладе *М.Е. Ермаковой* (Москва) «Роль диалектов в формировании церковного языков серболужичан». Созданная на диалектной основе письменность первоначально использовалась в церковно-библейских текстах, а в дальнейшем легла в основу ниже- и верхнелужицкого литературным языков.

Ф.Р. Минлос (Москва) в докладе «Отражение языковых регистров в древнерусской письменности» отмечает некоторые синтаксические параметры (линейное положение атрибутов и повтор предлогов), которые являются дифференцирующими для вариантов древнерусского языка – церковно-книжного («литературного») и некнижного (в какой-то степени «диалектного»). Противопоставление двух вариантов древнерусского языка рассмотрено на материале галицко-волынской летописи.

В докладе *С.А. Мызникова* (Москва) «Формирование письменного вепсского языка в условиях билингвизма» сообщается о проблемах, связанных с возможностью кодификации в качестве литературного языка угро-финского диалекта, функционирующего в русскоязычной среде. В реализации этого начинания помимо чисто лингвистических проблем существенное значение имеет наличие–отсутствие его поддержки со стороны местных административных органов.

Ряд докладов посвящен описанию особенностей языковой ситуации, в которую включены диалектные формы языка. В докладе *П.Е. Гриценко* (Киев) «Украинские диалекты в современной языковой ситуации» рассмотрено изменение роли диалектов в жизни украинского общества. В отдельных регионах происходит сужение сферы использования диалектов в ряде коммуникативных сфер при расширении функций стандарта. В то же время в общественном сознании (особенно в западноукраинском ареале) частичная переориентация литературного стандарта на диалекты и диалект воспринимается положительно, оценивается как важный фактор развития современной языковой ситуации.

Наличие диалекта в составе языковой ситуации создает предпосылки для диглоссии. Эту проблему исследует *О.В. Трефилова* (Москва) в применении к Болгарии («Литературно-диалектная диглоссия в современной Болгарии»). Диглоссия существует там, где диалекты воспринимаются населением (не только простым, но и образованным) как разные языки. В основном это диалекты, которые практически не участвовали в формировании болгарского литературного языка (родопские, часть фракийских). В этом случае территориальные диалекты сходны с социальным диалектом, так как могут использоваться как тайный говор (трынский, родопские).

В докладе *И.А. Букринской* и *О.Е. Кармаковой* (Москва) «Языковая ситуация в малых городах России» привлечено внимание к формам языка, реализуемым в речевой деятельности жителей малых провинциальных городов России. При анализе речи жителей этих городов могут быть выделены такие элементы, как диалект, смешанный тип речи, региональный вариант литературного языка, просторечие, а также диглоссия – функциональное распределение в языке личности регионального варианта литературного языка и местного говора. Но в целом такое сочетание создает особое языковое образование, которое является средством коммуникации в соответствующем обществе и, как таковое, может быть включено в реестр языковых форм русского языка.

В докладе *Д.Ю. Анисимовой* (Москва) «Языковая ситуация на словацко-венгерском пограничье: город Шаги-Инойшаг и венгерские села Северного Поиплия» анализируются факторы, влияющие на характер оценки словацкого и венгерского языков представителями венгерского национального меньшинства, компактно проживающего на юге Словакии. Показано, что на характер оценки у представителей среднего поколения влияют направленность и регулярность трудовых миграций, а также гендерные различия.

В докладе *Н.Е. Анянцевой* (Москва) «Кашубщина – этнолект, диалект, литературный язык» обсуждается статус кашубского языкового идиома. Его определяют как «диалект польского языка», «самостоятельный славянский язык», «переходный язык между полабским и польским», что не адекватно характеру использования кашубского идиома. Он имеет письменные региональные варианты, способствовавшие зарождению кашубского литературного языка. Одновременно кашубщина относится к языкам, которым угрожает исчезновение. В этой ситуации предлагается применять по отношению к кашубскому идиому термин «этнолект».

Предметом рассмотрения в докладе *Т.В. Поповой* (Москва) «Об общих явлениях в некодифицированных формах общевосточнославянского лингвистического пространства»

являются некоторые факты, эксплицированные в таких формах устной речи, как разговорный язык (вариант литературного языка) и диалекты. Каждый из этих идиомов обладает внутренней тенденцией к образованию сходных явлений, при том, что процесс их образования в указанных формах языка не взаимосвязан, а носит самостоятельный характер. Примеры явлений такого рода приводятся из восточнославянских диалектов и русского разговорного языка.

Для характеристики языковой ситуации, в которую включены диалекты, важен фактор их оценки со стороны носителей кодифицированной формы языка. Известно, что эта оценка в обществах с разным языком может колебаться от резко негативной до признания диалектов как необходимых компонентов национальной культуры (ср. отношение к диалектам в немецкоязычном обществе). Указанной проблеме посвящен доклад *А.Д. Дуличенко* (Тарту) «Нужны ли нам диалекты? (по анкетным данным 80-х годов XX в.)». Предметом изучения является отношение к диалектам в среде носителей русского и украинского стандартов. Как известно, диалекты в русской культуре не пользовались престижем. В XX в. на это наложилась оценка диалектов как идиомов, свойственных социально отсталым слоям населения и тормозящих социалистическое преобразование деревни. Утверждалось, в том числе и в университетском образовании, представление о быстром исчезновении диалектов под влиянием литературного языка. Реальное отношение к диалектным формам языка может быть выявлено путем специального изучения мнений, существующих по этому вопросу в обществе. Такой опыт предложен *А.Д. Дуличенко*. Он предложил ответить на составленную им анкету студентам филологам – русскоязычным из Тартуского университета и украиноязычным из Тернопольского педагогического института. Анкета содержит семь вопросов, в разных аспектах оценивающих значение диалектов как культурных феноменов, в том числе и в сопоставлении с литературным языком. Полученные результаты свидетельствуют о том, что большая часть анкетированных осознает культурно-историческую и этническую ценность диалектов и видит для них перспективу сохранения в русле параллельного развития с литературным языком.

Как приложение к опыту анкетирования *А.Д. Дуличенко* был представлен *Ф.Д. Климучком* (Минск) материал ответов на вопросник «Мое впечатление о переводах из русского литературного языка на западнополесский говор». Вопросник состоит из шести пунктов и предлагает оценить перевод с эстетической, языковой точки зрения и степени понятности текста. Привлекались респонденты в основном из Брестской обл., разного возраста и уровня образования. Материал не сопровождался какими-либо выводами – это предложено сделать читателю.

В связи с докладом *А.Д. Дуличенко* и материалами ответов на вопросник *Ф.Д. Климучка* можно вспомнить, что на XIII Международном съезде славистов (2003 г.) вопросу оценки русских диалектов в среде носителей литературного языка был посвящен доклад группы авторов из Германии «Ментальные диалектные карты и имидж диалектов в России: метаязыковое знание и оценка диалектов» [1]. Авторы провели эксперимент, в ходе которого носителям русского литературного языка, в том числе и региональных его вариантов (Пермь, Киров, Курск) были предъявлены фонетические тексты из разных диалектных регионов. Заслуживает внимание то, что севернорусские диалекты у всех испытуемых оцениваются негативно как неприемлемые и далекие от стандарта. Южнорусские диалекты, напротив, обнаруживают в основном позитивный имидж, воспринимаемая как близкие к стандарту и индифферентные в отношении приемлемо/неприемлемо. Такая оценка северных и южных говоров, возможно, связана с разным отношением к аканью и оканью.

В заключение следует отметить, что материалы «круглого стола» будут опубликованы в очередном выпуске «Исследований по славянской диалектологии».

© 2010 г. *Л.Э. Калынь*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Krause M. et all. Mentale Dialektkarten und Dialektimages in Russland: Metasprachliches Wissen und Bewertung von Dialekten // Zeitschrift für slavistic. 2003. Bd. 48. H. 2.*

ПЕРЕХОДЫ. ПЕРЕМЕНЫ. ПРЕВРАЩЕНИЯ.

А. ВАН ГЕННЕП И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ БАЛКАНИСТИКИ

31 марта – 2 апреля 2009 г. в Институте славяноведения Российской академии наук прошла международная конференция «10-е Балканские чтения “Переходы. Перемены. Превращения”», организованная Центром лингвокультурных исследований «Balcanica». Балканские чтения – традиция Института в течение почти 20 лет; они продолжают балканистические конференции, у истоков которых стоял Владимир Николаевич Топоров, еще в 60-е годы прошлого века определивший их основные темы и направления.

Нынешние Балканские чтения были посвящены и другому юбилею – 100-летию выхода в свет книги А. ван Геннепа «Rites de Passage» («Переходные обряды»), ставшей классикой для исследователей культуры в широком смысле слова. Чтения продемонстрировали разнообразие подходов к теме перехода в семиотическом смысле и его развития и воплощения в языках, фольклоре, искусстве, народной культуре и литературах балканских народов от античности до современности.

На Чтениях выступили 30 докладчиков из России (Москва – Институт славяноведения РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Кунсткамера), Болгарии, Македонии, Молдавии и Сербии. Гостями были послы и сотрудники посольств балканских государств – Албании, Болгарии, Македонии и Сербии и лекторы балканских языков, работающие в МГУ.

Чтения открыла *Т.М. Николаева* (Москва). В своем обширном докладе она обозначила основные теоретические положения А. ван Геннепа и его последователей и эффектно показала их «реализацию» на хрестоматийном примере русской литературы – «Евгений Онегин». В трактовке Т.М. Николаевой, пушкинская героиня совершает «полный оборот» сакрального, или возвращение к мифологическим архетипам (основой анализа послужил «Сон Татьяны»). В этой перспективе основная мысль романа – победа *человека архаического* (Татьяны) над *человеком цивилизованным* (Онегиным).

В продолжение идеи Т.М. Николаевой о возможности прочтения литературных произведений в свете теории А. ван Геннепа прозвучал доклад *Т.В. Цивьян* (Москва) о романе современного албанского писателя Исмаила Кадаре «Кто привез Дорунтину», основанном на албанской версии знаменитой балканской баллады «Песня о мертвом брате». В докладе шла речь о переходе не ритуальном, а своего рода дискурсивном: от фольклорного текста к тексту авторскому. Т.В. Цивьян показала, что этот переход сопровождается и переходом от общебалканского к албанскому (акцентирование клятвы – *besa*), что соответствует балканской модели мира, представляющей собой сплав разных традиций, каждая из которых сохраняет свою индивидуальность.

Тему переходов-превращений-перемен в произведениях современных авторов продолжила *Ф.А. Елоева* (Санкт-Петербург) на материале произведений нобелевского лауреата турецкого писателя Орхана Памука. В данном случае «переходом» было сопоставление его романа «Белая крепость» с романом «Жизнь Исмаила Ферик-паши» греческой писательницы Реи Галанаки. *А.А. Романова* (Кишинев) показала хронотопические «превращения» Запада в Восток и *vice versa* в мемуарной прозе Мирчи Элиаде на примере его отношения к родной Румынии, которую в разные периоды он воспринимает то принадлежащей Европе и европейской культуре, то противопоставленной ей.

Традицией Балканских чтений остается тема античности. *Н.В. Брагинская* (Москва) давно и пристально занимается «первым “догреческим” греческим романом» об Иосифе и Асенет. В своем докладе она остановилась на необычности инициации, на «незавершенности» обряда перехода, в результате чего происходит раздваивание героини на земную Асенет и ее небесное подобие. *Т.Ф. Теперик* (Москва), в кругу разрабатываемой ею темы сновидений в античном эпосе, продолжила исследование онейротопы, на этот раз обратившись к вопросу различий в композиции «ритуала после сновидения». *Е.Г. Рабинович* (Санкт-Петербург), как всегда ярко и неожиданно, раскрыла тему «революции рабов».

Не менее традиционная для Балканских чтений лингвистическая тема на этот раз была связана с лингвистической географией, с семантикой и со структурой текста. *А.Ю. Русаков* (Санкт-Петербург) говорил о Диалектологическом атласе албанского языка, долгожданный (в течение 15-ти лет) выход которого явился крупным событием в албанистике и балканистике и который позволил взглянуть по-новому на многие проблемы албанской диалектологии, открыв, в частности, инновационные зоны на диалектной карте албанского языка. Опираясь на данные атласа, он раскрыл лингвогеографические аспекты *границ* и *переходов* в албанском диалектном ландшафте.

И.А. Седакова (Москва) рассмотрела в когнитивном аспекте семантику балканских глаголов со значением *хватать* в связи с темой перехода. Показав на многочисленных примерах из балканских языков, что данные глаголы обладают широкой полисемией, приводящей едва ли не к антонимии (от *начинаться*, *приступать* до *закрепляться*, *устанавливаться*) она выделила их базовые значения и показала, как они реализуются в балканской и общеславянской перспективе.

М.М. Макарецев (Москва) остановился на функции категории эвиденциальности в структуре болгарских версий «Песни о мертвом брате», о которой уже шла речь. Неожиданный финал болгарских песен (немотивированная смерть матери и дочери) маркируется несвидетельскими формами, в противопоставлении свидетельским формам всего текста: в этом переключении кода докладчик увидел семантику смерти как перехода в *иной* мир, замыкающего разорванную границу между мирами.

Блок докладов был посвящен категории перехода в изобразительном искусстве. *Н. Чаусидис* (Скопье) анализировал коннотаты *двери* (символа входа/перехода в *иное* пространство). На материале доисторических находок в балканском регионе докладчик показал процесс трансформации графических изображений, содержащих символику входа/перехода, в геометризованные идеограммы в виде буквы «М». *Л.И. Акимова* (Москва) говорила об одной яркой изобразительной формуле в древнегреческом искусстве (*всадник – собака – птица*). Подкрепив свои соображения этнографическим и литературным материалом, она предложила видеть в этой формуле отражение древнего «переходного» ритуала «выставления», терзания поверженного тела. *Н.В. Злыднева* (Москва) обратилась к семантике парных изображений в балканских надгробьях. Она увидела в изображении на надгробной стеле из монастыря св. Наума в Охриде фрагмент космогонического мифа и проанализировала его в проекции на погребальный обряд как вариант обряда перехода. *А.А. Новохатько* (Фрейбург) показала, как знаменитый греческий кинорежиссер М. Каконнис воплотил обряд перехода в своем фильме по Еврипидовой «Ифигении в Авлиде»: особенно впечатляющей была демонстрация сцены пути Ифигении к жертвеннику – ее переход из мира жизни в мир смерти.

Большая, если не основная, группа докладов была посвящена современному балканскому фольклору и мифологии и, конечно, обрядам, что наиболее прямо было связано с темой А. ван Геннепа.

Свадьба – классический и яркий обряд перехода. *Е. Црвенковская* (Скопье) рассмотрела семантику свадьбы с точки зрения бинарных оппозиций – *жизнь/смерть, этот мир/иной мир* и др. Описания интересных македонских обрядов, в частности, связанных с конем (отмеченный персонаж в индоевропейской и балканской мифологии), ритуалы свадебной трагедии и другие были удачно дополнены видеозаписью македонской свадьбы (где присутствовала и докладчица). *Е.С. Узенева* (Москва) остановилась на мотиве «перехода» в этнолингвистическом словаре болгарской свадьбы: в традиционных ритуалах вождения, молчания, гостевания и других и их словесном выражении она увидела объединяющий их мотив движения, перемещения «из мира в мир» (здесь важна и актуализация оппозиции *свой/чужой*), связанный с основной семантикой свадьбы как обряда перехода.

Можно выделить группу докладов, в которых предлагалась новая трактовка известных обрядов. Так, *Л. Раденкович* (Белград) анализировал сербские обряды «убиения стариков» и спасения от убийства («укрытие, сокрытие стариков», имитирующее переход в *иной* мир). Рассмотрев основные элементы этих обрядов, он пришел к выводу, что в символическом плане обряд укрытия стариков представляет собой вид «контроля над смертью», инсценирует повторное рождение и в этом смысле является обрядом перехода. О греческом обряде на Иванов день (Клидонас), связанном с особым образом «приготовленной» водой и соответствующем русскому подблюдному гаданию, говорила *К.А. Климова* (Москва), уделив особое внимание элементам «переходности» в способах узнавания

судьбы. *О.В. Чёха* (Москва) сделала предметом своих наблюдений терминологию лунного дискурса. Проведя анализ семантических моделей номинации луны и лунных фаз (на материале новогреческой лексики и фразеологии), она реконструировала стоящие за лексикой когнитивные механизмы восприятия лунного цикла как переходного.

Доклад *О.В. Беловой* (Москва) об этнических и конфессиональных (переход в иную веру – крещение, *поторчване* и т.п.) «превращениях» человека в балканских народных легендах и поверьях обозначил еще одно направление темы переходов в фольклоре и мифологии. Эта тема оказалась более чем благодарной. *А.А. Плотникова* (Москва) остановилась на том, как представление о *тени* человека (или любого живого существа) – его мифической замены – реализуется в балканском мифопоэтическом контексте. Рассмотрев несколько общеполученных сюжетов и лексический материал, описывающий их, докладчица показала изоморфизм понятий *тьень* – *душа* у балканских народов.

К этому тематически примыкают доклады о «буквальных» превращениях. Два доклада были посвящены балканской этноботанике. *В.Г. Колосова* (Санкт-Петербург) объектом исследования выбрала балканские фольклорные тексты о превращениях различных персонажей, частей их тел или принадлежащих им предметов в растения и возникновении соответствующих этимологических легенд. Тема была продолжена *С.А. Сидневой* (Москва) на материале новогреческих легенд о происхождении растений. В нарративах о метаморфозах она выделила основной набор растений, персонажей (люди, предметы) и механизмы превращения. *Н.Г. Голант* (Санкт-Петербург) говорила о распространенных в карпато-балканском регионе легендах о «мартовской» старухе, содержащих в себе мотив превращения/окаменения в наказание за нарушение запрета. Интересна была приведенная ею балканская география камней, в которых народная традиция видит окаменевшую героиню и ее стадо.

Мифологизированная переправа через реку Дунай (более чем популярный сюжет славянского фольклора) была рассмотрена *В.Я. Петрухиным* (Москва) *sub specie* истории. Связав сюжет с эпохой славянской колонизации, докладчик убедительно показал, как происходит мифологизация реального исторического факта, приводящая к «распространению» Дуная за собственные пределы на другие территории.

Результаты недавних полевых исследований – наиболее наглядная демонстрация переходов, перемен и превращений «в развитии». Живой интерес слушателей и многочисленные вопросы вызвал доклад *А.А. Новика* (Санкт-Петербург). Он рассказал о своей экспедиции (в сентябре 2008 г.) на северо-восток Албании, в албанско-македонское пограничье (Голоборда). Докладчик остановился на важной проблеме самоидентификации македонцев-мусульман, в частности самоназваниях, где этническое смешивается с конфессиональным (*мы – турки*), а основным оказывается обозначение *наши*. Доклад сопровождался показом фотоматериалов, привезенных из экспедиции. *В.В. Федченко* (Санкт-Петербург) говорила о стилистических переходах в идиолектах диаспоры константинопольских греков в Афинах, которые подчеркнута стремятся сохранить *свой* язык как средство самоидентификации (на материалах ее собственных записей и интервью).

В рамках конференции состоялась презентация Европейского исследовательского проекта по поэтике и герменевтике «Интерпретации» Македонской Академии наук и искусств «Черный Арап как Средиземноморский локус меморий» (руководитель – акад. МАНУ К. Кюлавкова, проект представил Н. Чаусидис). География и история такого популярного фольклорного персонажа как *черный арап* позволяет считать его ключевой фигурой в целом ряде бродячих сюжетов словесных и несловесных текстов – и тем самым воплощением коллективной памяти.

К Читениям, как всегда, был выпущен объемный сборник. Опубликованные там тезисы едва ли не вдвое превышают число докладов.

Мы перечислили то, что было произнесено на Читениях, и можно сожалеть, что многие важные темы и известные имена остались только на бумаге, и мы не услышали П. Асеновой (София), Д. Буркхарт (Гамбург), У. Дуковой (Франкфурт-на-Майне), Вяч.Вс. Иванова (Москва – Лос-Анджелес), С.Б. Ильинской (Афины), Н.Н. Казанского (Санкт-Петербург), В. Фридмана (Чикаго) и других.

Несомненная удача юбилейных Читений – во многом заслуга центра «Balkanica».

CONTENTS

ARTICLES

<i>Shemyakin A.L.</i> (Moscow). Features of the Political Process in Serbia as Viewed by Russian Eyes (Last Third of XIX – Early XX Centuries).....	3
<i>Matkovich S.</i> (Zagreb). Croatian Political Parties and a Concept of Modernization in the Early XX Century.....	16
<i>Romanenko S.A.</i> (Moscow). Habsburg Monarchy and Croatia in the Early XX Century in the Eyes of Writer Miroslav Krleža.....	23
<i>Gybyansky L.Ya.</i> (Moscow). A military coup in Yugoslavia in March 27, 1941: Public Aspirations, Political Conditions.....	36
<i>Kymura K.</i> (Tokyo). Under the Sign of the Danube Commonwealth. Hungarian-Yugoslavian Cultural Relations in 1945–1948.....	53
<i>Levochskaya A.S.</i> (Moscow). «Cár» and «Krály»: Yury Križanic's Reflections on Sovereign Titles.....	65
<i>Pilipenko G.P.</i> (Moscow). Features of Learning Serbian Language by Voevodian Hungarians.....	73

DISCUSSION

<i>Terzic S.</i> (Belgrade). History of Serbia cum ira et studio.....	82
---	----

COMMUNICATIONS

<i>Burkut I.G.</i> (Tchernovtsy). Rusyns of Batchky, Srema and Slavonia: Experience in Maintaining Ethnic Identity (Mid of XVIII cent. – 1918).....	97
<i>Khartanovitch M.V.</i> (St. Petersburg). On the History of Montenegrin Collection Assembled by the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstammer), RAS.....	104

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Kossyk V.I.</i> В. Штрандман. Балканске успомене.....	107
<i>Yambaev M.L.</i> Д.О. Лабаури. Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: Идеология, программа, практика политической борьбы.....	110
<i>Gerd L.A.</i> Ю. Константинова. Балканската политика на Гърция в края на XIX и началото на XX век.....	115
<i>Yambaev M.L.</i> Э. Бордато, М. Талалай. Под чуждым небосводом.....	117

SCHOLARLY LIFE

<i>Kalnyn L.E.</i> Round Table «Peculiarities of Coexistence of the Dialect and Codified Forms of Language in the Slavic Environment».....	120
<i>Romanova A.A.</i> Transitions. Changes. Transformations. A. van Gennep and Problems of Modern Balkan Studies.....	124

Сдано в набор 27.05.2010 Подписано в печать 02.08.2010 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Цифровая печать. Усл. печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 3,2 тыс. Уч. изд.л. 12,1 Бум.л. 4,0
Тираж 297 экз. Зак. 531

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

